

СБОРНИКЪ

ХАРЬКОВСКАГО

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА.

Томъ

16-й.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ. ПЕТРОВСКІЙ ПЕР., Д. № 17-й.

1897.

Десятый томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества печатается и выпускается въ свѣтъ по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи, 29 Ноября 1896 г.

Предсѣдатель Профессоръ *М. Дриновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества въ 18 ⁹⁶ / ₉₇ академическомъ году	I—X
<i>Ө. Ю. Земинскій.</i> О заговорахъ	1— 58
<i>Н. Ө. Сумцовъ.</i> Пѣсни о Травинѣ	59— 64
<i>Г. Ю. Ирмеръ.</i> Латышская этнографическая выставка на X архе- ологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ 1896 г.	65— 76
<i>Н. И. Алякритскій.</i> Памяти Н. С. Тихонравова (окончаніе).	77—111
<i>В. П. Милорадовичъ.</i> Сборникъ малорусскихъ пѣсенъ Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи.	1—223

В. П. Милорадовичъ.

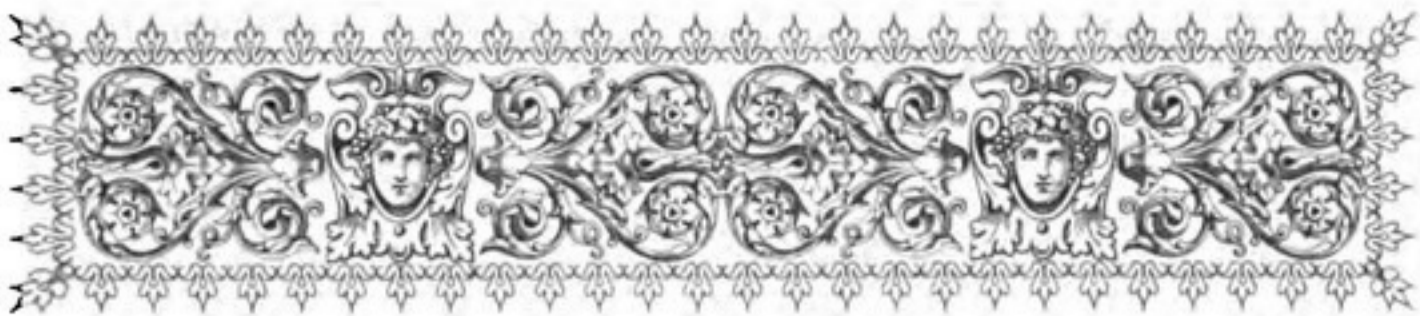
НАРОДНЫЕ

ОБРЯДЫ и ПѢСНИ

Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

записанные въ 1888—1895 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Лубенскомъ уѣздѣ нѣкоторые изъ представителей мѣстной интеллигенціи занимались въ разное время этнографіей. Кромѣ извѣстныхъ трудовъ, М. Т. Симонова, давно сдѣлавшихся достояніемъ науки, записывалъ еще народныя пѣсни въ срединѣ уѣзда писатель Аванасьевъ (Чубинскій), добрая память о которомъ до сихъ поръ жива на родинѣ его, въ с. Юсковцахъ. Затѣмъ, также вблизи Лубенъ, записывали сказки и пѣсни: профессоръ А. Е. Зайкевичъ, докторъ Н. Г. Кондратковскій, извѣстный въ спеціальной литературѣ, мировые судьи Н. Мельникъ и В. Я. Яновскій, одно время сотрудничавшій въ Кіевскомъ телеграфѣ, В. Н. Л-вичъ, г-жи Я—ская, З—вичъ и др. Изъ временныхъ жителей уѣзда записывали въ немъ пѣсни и сказки П. А. Кулишъ и Ѳ. И. Каменскій, помѣщавшій свои замѣтки въ Кіевской Старинѣ. Немногія изъ этихъ записей увидѣли свѣтъ; по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова и др. развѣ какой-нибудь десятокъ пѣсенъ и сказокъ помѣченъ Лубнами. Такимъ образомъ, этнографическія изслѣдованія производились въ Лубенскомъ уѣздѣ отрывочно, несистематично, по мѣстамъ; при томъ, въ большинствѣ случаевъ результаты изслѣдованій исчезали, почему Лубенскій уѣздъ остается все таки наименѣе изслѣдованнымъ въ этнографическомъ отношеніи. Между тѣмъ, онъ помѣщается въ срединѣ Малороссіи и свѣдѣнія, здѣсь собранныя, могутъ имѣть значеніе для характеристики всего южнорусскаго племени. Нельзя только далѣе медлить съ собираніемъ произведеній народнаго творчества, особенно въ виду всеобщей обязательной грамотности, къ которой стремится уѣздъ, и которая неминуемо уничтожитъ послѣдніе остатки старины.

Настоящій сборникъ, имѣя цѣлью пополнить въ нѣкоторой степени этнографическіе недочеты и пробѣлы по Лубенскому уѣзду, заключаетъ въ себѣ: во 1-хъ подъ общимъ названіемъ „Родинъ“ слѣдующія части: 1) вступительную главу съ народнымъ сонникомъ и другими предсказаніями важ-

нѣйшихъ событій: рожденія, вѣнчанія и смерти; 2) возможно полное изложеніе самой обрядности родинъ; 3) краткія народно медицинскія замѣтки о раннемъ дѣтствѣ ребенка; 4) сборникъ колыбельныхъ пѣсенъ. Таково содержаніе перваго выпуска сборника.

Второй выпускъ посвященъ молодежи, ея играмъ, развлеченіямъ и пѣснямъ, но такъ какъ малорусскія народныя игры были неоднократно описаны, а въ сочиненіяхъ Номиса упоминается въ частности и объ играхъ Лубенскаго уѣзда, то я ограничился лишь приведеніемъ небольшого количества значительнѣйшихъ вариантовъ игръ и припѣвовъ, перечисливъ затѣмъ всѣ другія съ менѣе важными различіями въ примѣчаніи. Кромѣ игръ во II-мъ выпускѣ содержится еще очеркъ развлеченій молодежи на улицахъ и досвѣткахъ, и четыре сборника пѣсенъ, распѣваемыхъ молодежью так. наз. челядскихъ: веснянокъ, петривокъ, трендычокъ и любовныхъ пѣсенъ. Конечно, трендычки (вечерничныя пѣсни) въ большинствѣ случаевъ незначительны, но въ нихъ разсѣяно много бытовыхъ подробностей; иногда они блестятъ искрами южнорусской веселости и юмора. Притомъ наука, по замѣчанію профессора Н. Θ. Сумцова (Кіев. ст. 92 г. № 7, стр. 123) „не знаетъ мелочей въ народной жизни, для нея все одинаково важно“. Изъ этихъ сборниковъ исключены почти всѣ пѣсни, встрѣчавшіяся раньше въ печати, кромѣ немногихъ вариантовъ, болѣе полныхъ въ сравненіи съ напечатанными въ другихъ этнографическихъ собраніяхъ или значительно отдаленныхъ. Изъ круга челядскихъ пѣсенъ исключены колядки и щедривки уже раньше напечатанныя въ моемъ очеркѣ: Рождеств. святки въ сѣверной части Луб. уѣзда. Полт. 1893 г. (25 пѣсенъ) и рабочія пѣсни, также уже напечатанныя въ Кіев. Стар. 95 г., кн. X, стр. 10—22, (31 пѣсня).

Третій выпускъ занимаютъ свадьбы и свадебныя пѣсни. Н. Θ. Сумцовъ считаетъ малорусскій брачный обрядъ вообще наиболѣе изслѣдованнымъ; по Лубенскому же уѣзду въ частности былъ напечатанъ мой сборникъ съ 259 свадебными пѣснями въ Кіевской Старинѣ 90 г., кн. 7—9. Впечатлѣніе, производимое картиной мѣстной свадьбы, передано мною въ двухъ очеркахъ: 1) „На свадьбѣ у богача“ (въ Одесск. журналѣ „По морю и сушѣ“ 95 г. (№ 18, стр. 2) и 2) „Деревенская оргія“ (въ Кіев. Стар. 94 г. Извѣст. и зам. № 12, стр. 488).

Тѣмъ не менѣе ограничиться означенными данными при изученіи веселья ритуала Лубенскаго уѣзда невозможно, такъ какъ въ Кіевской Старинѣ помѣщенъ только обрядъ сѣверной части Лубенскаго уѣзда, по Сулѣ, и свадебныя пѣсни трехъ волостей. Въ настоящемъ же выпускѣ прибавлены еще особенности обряда средней и южной частей уѣзда и сѣверной полосы по Удаю („мыля, покраса“, маскированіе молодой и т. д.) и новыя свадебныя пѣсни или отдаленные варианты. Около десятка пѣсенъ

заимствовано изъ рукописныхъ сборниковъ: Л. А. Я—ской, В. Н. Л—вича, или продиктовано О. Е. З—вичъ, за что приношу живѣйшую благодарность,—остальныя собраны лично мною.

По естественному ходу вещей, слѣдовало бы дать свѣдѣнія о крестьянской семьѣ, хозяйствѣ, экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянина, но эти свѣдѣнія собраны мною еще въ недостаточномъ количествѣ и мало разработаны, почему послѣдній, четвертый, выпускъ настоящаго сборника заканчивается похоронной причетью и погребальнымъ обрядомъ Лубенскаго уѣзда, тѣсно связаннымъ единствомъ міросозерцанія съ родиннымъ и брачнымъ обрядами и никогда еще не описаннымъ. Къ сборнику сдѣланы еще краткія примѣчанія съ цѣлью связать излагаемые обычаи съ другими южнорусскими и общечеловѣческими, такъ какъ по замѣчанію Рия этнографія по природѣ своей наука сравнительная.

В. Милорадовичъ.

ГЛАВА 1.

Народный сонникъ.

Общія замѣчанія о народной онейромантикѣ Лубенскаго уѣзда. Сны и другія предзнаменованія родинъ, свадебъ и похоронъ.

Народная онейромантика Лубенскаго уѣзда располагаетъ незначительнымъ количествомъ общихъ замѣчаній, касающихся лишь времени возникновенія сновидѣній. Къ числу такихъ замѣчаній принадлежатъ слѣдующія: только сны, случившіеся на первой четверти луны, сбываются,—на третьей нѣтъ. Сны предъ понедѣльникомъ, вторникомъ сбываются, предъ другими днями недѣли—нѣтъ. Не сбываются также сны наканунѣ праздниковъ, кромѣ сновъ наканунѣ новаго года и крещенія, когда дѣвица, соблюдая извѣстныя условія, напр. съѣвъ коржикъ изъ муки, соли и воды, или посѣявъ ленъ на дровникѣ, увидитъ во снѣ будущаго мужа.¹⁾ Также, если ляжетъ спать, снявъ сапогъ съ правой ноги. Затѣмъ, сны съ вечера до полночи вообще остаются безъ послѣдствій: „вечирній сонъ пиде мимо; куды ничъ, туды й сонъ“. Сонъ къ утру непременно „справдытця“. Сны днемъ не имѣютъ никакого значенія.²⁾ Этимъ исчерпываются общія замѣчанія о дѣйствительности сновъ по времени ихъ возникновенія. Затѣмъ, отдѣльныя сновидѣнія объясняютъ всего чаще по способу обратнаго истолкованія³⁾ и на основаніи ассоціаціи идей. Кое гдѣ прибѣгаютъ къ печатнымъ сонникамъ и оракуламъ („ракулямъ“). Популярность онейромантики въ Лубенскомъ уѣздѣ, конечно, преимущественно между женщинами, видна изъ слѣдующаго мѣстнаго народнаго пересказа библейской легенды: „Одному чоловікови прыснывсь сонъ, що ходять симъ коровъ по писку и таки сыти, що сало на йихъ такъ и дрягтыть. Потимъ выходять изъ мора симъ коровъ худихъ. Такъ худи сытихъ и пойилы. Такъ бувъ якійсь гадатель,—

¹⁾ См. мой оч. „Рожд. св. въ Лубен. уѣздѣ“. Полтава 1893 г., стр. 21.

²⁾ Сонъ можетъ быть сдѣланъ недѣйствительнымъ, если его, проснувшись, рассказать и смотрѣть въ окно. Почти также и у древнихъ, рассказывавшихъ сны солнцу для того, чтобы они не сбывлись. Буше-Леклеркъ. Изъ исторіи культуры. 1881 г. Кіевъ. стр. 262.

³⁾ По разъясненію Буше-Леклерка (ibid. 252) обратное толкованіе сновидѣній развилось, вѣроятно, изъ вѣры въ реальность обстоятельствъ, представлявшихся во снѣ. Кто обезглавленъ во снѣ, не будетъ казненъ, потому что нельзя быть обезглавленнымъ дважды.

у ёго и сонныкъ бувъ,—такъ отгадавъ тому чоловікови: „се буде симъ годивъ недороду, такъ ти годы пойдять де який йе хлибъ и по хамазеяхъ. Голодни года пойдять и ти, що дородъ давалы. Стройте хамазеи и засыпайте бильшь хлиба“¹⁾).

Такъ какъ по народному замѣчанію три событія въ жизни человѣка достойны особаго вниманія, рожденіе, вѣнчанье и смерть, то сны и другія вѣщія предзнаменованія сами собою группируются около этихъ важнѣйшихъ пунктовъ человѣческаго существованія въ три отдѣла: 1) указанія родинъ и вообще прибыли; 2)—счастливыхъ событій и свадебъ; 3)—непріятностей, несчастій, болѣзни и смерти.

I. Сны и другія событія, предвѣщающіе роды и вообще прибыли.

Беременная женщина, которая увидитъ себя передъ родами бродящею по водѣ, особенно въ половодіе, благополучно разрѣшится отъ бремени. Передъ родами также приснится, что въ хатѣ разсвѣтъ. Мѣсяцъ во снѣ предвѣщаетъ рожденіе мальчика, звѣзда (заря, зирка)—дѣвочки. „Мени снылось, рассказывала Вильшанская крестьянка Марія Харланова, що иде тры мисяця помаленьку. Я перехрыстылась и думаю соби: зроду не бачыла трѣхъ мисячивъ у купи. Одынъ мисяць проты моеи хаты одійшовъ и пишовъ у лисъ. Родывсь у мене сынъ; потимъ корова привела бычка. Черезъ дви недѣли знову бычокъ у другой коровы. А дали вовкъ зъивъ одного бычка“.

Паденіе двухъ яблокъ съ яблони во снѣ означаетъ рожденіе близнецовъ. Предъ родами хозяину или хозяйкѣ снится, что рой пчелъ²⁾ прилетѣлъ къ нимъ въ хату и садится на голову. Если хозяинъ или хозяйка поймають во снѣ паука, окуня, карася, голубя, селезня, то у нихъ родится мальчикъ, если жабу (или послѣдняя „упнется въ груди“), плотву щуку, голубку, утку, вообще птичку, мышъ,—будетъ дѣвочка. Предъ родами приснится, что утка ходитъ съ утенкомъ. Предъ родами же женщинѣ приснится, что она лежитъ въ гробу или у нея дитя на рукахъ.

Видѣть пшено во снѣ, также дойную корову, доить корову во снѣ означаетъ прибыль.

Изъ наблюденій надъ дѣйствительностью вынесено народомъ слѣдующее замѣчаніе: предъ родами крышка (вико) въ учиненной дижѣ или самая дижа лопають.

Посуда бьется—къ прибыли, лопаеть—на убыль.

1) Отъ кр. м. Сиѣтина Н. Ивахненка.

2) Гонятся за пчелами въ онейрокритикѣ Артемидора означаетъ прибыль. Тэйлоръ Цервоб. культ., стр. 114—115.

II. Сны къ счастливымъ событіямъ, удачѣ и браку.

Слышать во снѣ громъ, звонъ, колокольный звонъ означаетъ сватовство, иногда только извѣстіе.

Бѣлый платокъ во снѣ указываетъ на письмо съ пріятнымъ извѣстіемъ. Церковь—разговоры.

Передача матерью дочери во снѣ иконы въ шатѣ—къ свадьбѣ. Также хоругви.

Предъ свадьбой матери приснился сынъ ея въ церкви.

Смерть дѣвушки во снѣ—къ выходу ея замужъ въ дѣйствительности.

Предъ свадьбой приснится перстень гладкій, безъ камня („вичка“). Иногда половина перстня свѣтлая, ясная, а другая—темная. Ясный мѣсяцъ, молодой, означаетъ жениха парня, а мѣсяцъ на исходѣ вдовца¹⁾.

Иногда темный мѣсяцъ во снѣ означаетъ, что сватовство не состоится.

Солнце и мѣсяцъ могутъ означать и просто передачу родственниками и знакомыми поклоновъ.

Чистая вода²⁾, пить ключевую воду—къ здоровью.

Зелень, трава,—къ удачѣ³⁾.

Цвѣтущій садъ—къ добру, радости. Красные цвѣты—предъ свадьбой. Всякаго рода хлѣбъ на корню: жито, пшеница, ячмень, овесъ—къ браку, кромѣ проса, означающаго лишь просьбу.

Жито иногда къ добру⁴⁾.

Жать спѣлое жито—къ счастливому житью.

Жать жито съ парубкомъ, или вообще работать съ нимъ у отца того парня—къ браку дѣвушкѣ съ этимъ парнемъ.

Возить, молотить жито—къ замужеству.

Жито собранное („въ купи“)—къ хорошему житью.

Складывать копы въ полукопки—пережѣнное житье.

Если во снѣ приснится скирда, распадающаяся пополамъ, то половина брачной жизни будетъ хорошая, а половина—нѣтъ. Если во снѣ укусить собака, то это означаетъ сватовство.

Нищіе (старці) означаютъ появленіе старость.

Предъ замужествомъ снятся вору.

„Варци, передъ тимъ, якъ иты замижъ, снылось, що три злодіи у комори одбылы засовъ и забрали збижжя и скрыню вытягли“.

Ярмарокъ между двумя горами—къ замужеству, впрочемъ, несчастливому.

¹⁾ Также въ Труд. Чуб. т. 1, стр. 90.

² и ³⁾ Также у магометанъ. Тэйл. Пер. К., стр. 114—115.

⁴⁾ Также у Чуб. т. 1, стр. 90

Идти на гору съ провальемъ—также. На яву—когда молодая шьетъ своему будущему мужу рубашку и на этой рубашкѣ много узловъ, то молодому предстоитъ долгая жизнь. Если рубашка шьется гладко, то короткая. Часто не сносить даже той рубашки (потому что мертвецу шьютъ рубашку на живую нитку).

Неудачный (глевкій) коровай—къ скверному житію.

III. Сны и событія, предвѣщающіе непріятности, страданія, болѣзни и смерть.

Видѣть во снѣ мѣсяцъ, половина котораго затуманилась, означаетъ смерть.

Вѣтеръ—хлопоты.

Туча съ молніей, туча, дождь, буря, градъ, громъ съ дождемъ—обозначаютъ смерть. Въ частности туча съ молніей—судъ, дождь—слѣзы, градъ выбившій окна—ушибъ, все перечисленные сны, кромѣ смерти, предсказываютъ иногда просто непріятность.

„Снылось, рассказывала крестьянка с. Литвяковъ, що зъ за Сулы иде чорна хмара, а я зъ дочкою билыла полотно, та зложыла ёго въ човенъ, прыкрыла соломою. Колы ось швыдко чоловикъ мій померъ“. (Отъ Варвары Максимейковой). Козачкѣ с. Тишковъ снилось, что сильный ударъ грома оглушилъ ея сына и зажегъ мостъ. Черезъ пять дней провезли мужа чрезъ тотъ мостъ, больного холерой. Онъ умеръ. Вскорѣ началась холера въ Лубенскомъ уѣздѣ въ 1892 г. (отъ Маріи Кириленковой).

Нечистая вода, грязь приснятся передъ болѣзнію.

Качать воду изъ колодца—передъ несчастіемъ.

Стоять въ водѣ къ смерти.

Гора означаетъ горе, смерть.

Идти на гору—тоже.

Выселеніе на гору—смерть. Иногда переселеніе на слободы, „на вильный степъ“.

Провалье, ярь (оврагъ)—смерть.

Идти яромъ—предъ смертью.

Яма, погребъ, погребъ съ наложеннымъ сверхъ него хворостомъ—къ смерти; ровъ—также.

Дочери предъ смертью матери снилось, что дорога къ избѣ послѣдней преграждена рвомъ, такъ что некуда пройти.

Идти дырявымъ мостомъ—означаетъ хлопоты.

Опрокинутый, уплывающій челнъ—къ смерти.

Цвѣты во снѣ означаютъ слѣзы.

Огурцы—непріятность (по созвучію „огирки—гирки“).

Зеленые огурцы—потеря, огорченіе.

Клубника, вишни, сливы, груши, яблоки, кислицы, всякіе вообще плоды,—къ слезамъ, несчастію.

Сухія ягоды--предъ болѣзнью.

Садъ съ спѣлыми плодами—досада, слёзы.

Гулять въ саду—досада.

Лѣсъ, изъ котораго выносятъ гробы и ставятъ среди двора—къ смерти.

Паденіе съ вербы—смерть.

Пшеничный хлѣбъ, печеный хлѣбъ,—печаль, несчастная жизнь (въ замужествѣ).

Мука—мука, мученія (по созвучію).

Конфекты, медъ, сахаръ—къ смерти, потому, что входятъ въ составъ панихиды.

Три головы сахару—къ смерти мужа.

Собирать рой, рой въ волосахъ („якъ рій укрутытця въ косы“) — къ смерти.

Укушеніе змѣи—ссора, непріятность, „щось такъ словомъ укусыть, шо ты ёму не вымовчышь“.

Пѣтухи—предъ пожаромъ.

Гуси, голуби, улетающіе—къ смерти. „Проты смерти двоухъ сынивъ мени снылось, шо два голубы прылетило въ оселю. Я забрала ихъ у хату. Вони посыдили, посыдили, та незнатъ де й дилысь“ (отъ к. р. с. Литвяковъ Агафіи Шевченковой). „Проты смерти матери мовъ бы голубка сысыза въ хати гуде, а я хочу ии піймать, такъ не піймаю, а розигналась за нею тай упала съ печи тай проснулась“ (отъ нея же).

Яйца во снѣ—болѣзнь, хлопоты.

Драть во снѣ яйца означаетъ ссору и непріятность въ дѣйствительности.

Рыбы--вредъ („рыють“).

Овцы—ссора, непріятность.

Свиньи—смерть.

Выгонять кабана изъ сажы—къ смерти.

Коровы—также (по созвучію съ „корогвы“—хоругви).

Рогатый скотъ—также.

Отелившаяся корова—несчастіе.

Лежащіе воли и кони предсказываютъ болѣзнь.

Собачій лай—напастъ.

Если собака рветъ и кусаетъ во снѣ, то это означаетъ побой въ дѣйствительности.

Волка увидѣть—значить быть „у позвахъ передъ панами“.

Дитя—напастъ, ссору, хлопоты.

Дитя на столѣ, оживающее—смерть дитяти.

Мальчикъ—несчастіе.

Дѣвочка—хлопоты.

Если дѣвушка или женщина чешетъ себѣ косу во снѣ, то этотъ сонъ

означаетъ дорогу.

Прать бѣлье—къ смерти.

Монахъ, нищій, просящій милостыню,—къ смерти.

Солдаты—болѣзнь.

Пьяный человекъ, еврей—обманъ.

Видѣть себя во снѣ раненымъ сѣкирой, сверломъ или косою предвѣщаетъ смерть.

Зубъ, выпадающій съ кровью¹⁾—смерть близкаго родственника.

Выпаденіе одной стороны зубовъ—предъ смертью.

Подошва, отпадающая отъ сапога—къ смерти.

Черный платокъ—дурное извѣстіе.

Рушникъ—къ смерти.

Полотно—дорога.

Наместо—къ стыду.

Дыра въ скрынѣ, пустая скрыня, разваливающаяся скрыня—къ смерти.

„Проты пятныци мени прснылась скрыня повна добра, а у вивторокъ батько умерлы“.

Серебряныя и мѣдныя деньги—къ несчастью. (По другимъ наблюденіямъ только послѣднія).

Дига лопнеть—къ смерти.

Строить, ставить, мазать хату—къ смерти.

Паденіе крыши во снѣ предвѣщаетъ смерть. „Проты смерты дочкы крыша ссунулась на прычилокъ“.

Горящая крыша—къ смерти старика.

Пожаръ вообще означаетъ стыдъ, ссору,²⁾ хлопоты, побои и болѣзнь.

Пожаръ трубы—смерть.

Дымъ—удивленіе (дыво) и смерть.

Раздвоеніе избы, паденіе сволака, потолка, стѣны (особенно „покутней“) печи, верха печи („кѣмина“) означаетъ смерть.

Печь, „печына“ (кирпичъ)—печаль.

Огонь въ печи—болѣзнь.

Ризы, церковная процессія—къ смерти.

Красныя хоругви—предъ пожаромъ.

Кладбище, гулять по кладбищу—къ смерти.

1) Тоже въ Онейрокрит. Артемидора. Тэйлоръ. Церв. Культ., стр. 114—115.

2) Тоже у Чуб. т. I, стр. 90.

Образа—хлопоты.

Икона Божіей Матери въ облакахъ—къ смерти.

Крестъ, нѣсколько крестовъ въ облакахъ—также.

Богоматерь на банѣ церкви—къ смерти матери.

Кромѣ вѣщихъ сновъ еще нѣкоторыя событія и признаки по мнѣнію крестьянъ Лубенскаго уѣзда указываютъ на смерть. Такъ наканунѣ Рождества наблюдаютъ въ чью сторону пойдетъ дымъ отъ свѣчи,—тотъ долженъ умереть. Тогда же замѣчаютъ чья ложка изъ оставляемыхъ надъ вечерей на ночь обернется,—тотъ умретъ¹⁾. Предъ смертью извѣстнаго лица замѣчено появленіе многихъ мухъ въ его жильѣ, даже и зимой. Иногда в одна муха гудеть подъ сволокомъ.

Въ тяжелой болѣзни или при отбываніи воинской повинности производятъ такой опытъ: садятъ паука въ новый горшокъ, который ставится на покутя. Если паукъ оснуетъ паутину на днѣ горшка, то больной умретъ, а если на верху горшка—выздоровѣтъ, а подлежавшій рекрутской повинности освободится отъ нея.

Сычъ появляется на хатѣ умирающаго („кугачъ реготивъ“).²⁾ Куры усиленно несутся и высиживаютъ или начинаютъ пѣть пѣтухомъ. Предъ смертію ребенка небольшая птичка трижды стучитъ въ окно. „Ятель“ долбитъ стѣну³⁾. Собака воетъ мордой вверхъ предъ пожаромъ и внизъ—къ смерти⁴⁾. Предъ смертью женщины бѣгалъ неизвѣстный жеребенокъ. Предъ смертью дитяти подходитъ къ дверямъ неизвѣстное дитя⁵⁾ и говоритъ: одчинить! Предъ смертью взрослога—старикъ. Предъ смертью извѣстнаго лица его ночью зовутъ (гукаютъ). Полъ, столъ и сволокъ изъ трескаютъ предъ смертью жильца. Также пустая дига, или съ нея спадаетъ обручъ. Благословенный образъ падаетъ на землю.

Каша и лемишка лѣзутъ изъ горшка.

2. Р о д и н ы.

1. Бесплодіе. Гигіена беременности. Осложненія беременности. Наблюденія надъ беременной.

Бесплодіе считается крестьянами большимъ несчастіемъ. Такой, выработанный вѣковыми преданіями, взглядъ поддерживается въ настоящее время народно-бытовыми условіями. Поэтому давно уже народное естествознаніе отыскиваетъ способы опредѣленія причинъ бесплодія и средствъ помочь

¹⁾ Рожд. св., стр. 3.

² и ³⁾ Тоже у Чуб. т. 4 й, стр. 697. Стукъ у Римлянъ, шумъ подъ поломъ, три удара въ головахъ больнаго или его родныхъ предвѣщаютъ смерть. (Тэйл. стр. 135—136).

⁴⁾ Сходное повѣріе у нѣмцевъ (ibid., стр. 111).

⁵⁾ Подобное вѣрованіе въ Бѣлозеркахъ, Херс. губ. Сб. Черняв. Харьковъ. 93 г., стр. 2.

такому состоянію. Бесплодіе по народнымъ свѣдѣніямъ можетъ быть какъ врожденнымъ недостаткомъ, такъ и результатомъ употребленія предосудительныхъ средствъ— „пороблене“. Для того, чтобы опредѣлить не представляетъ ли изслѣдуемый случай бесплодія врожденного недостатка, другими словами—могутъ ли вообще у данныхъ супруговъ быть дѣти, разбиваютъ куриное яйцо пополамъ и выпускаютъ. Въ средину яйца помѣщаютъ землю и зерна ржи. Смачиваютъ зерна водой, складываютъ скорлупу и закапываютъ на покути. Если зерна черезъ три дня и больше взойдутъ, то производительность супруговъ считается доказанной. Завязываютъ также конопляное сѣмя въ рубашки супруговъ и кладутъ въ жлукто. Если сѣмя проростетъ—то дѣти будутъ. Для того, чтобы опредѣлить точнѣе кто именно изъ супруговъ бесплоденъ, нужно наполнить черепокъ землей, разграничить пополамъ и, назначивъ съ одной стороны половину мужа, а съ другой—жены, посѣять жито. На чьей сторонѣ не будетъ всхода зеренъ—та и виновата въ бесплодіи. Какъ только выяснилось, что бесплодіе врождено, всякое употребленіе средствъ, кромѣ религіозныхъ молитвъ, посѣщеній св. мѣстъ, питья воды, капающей съ креста во время водосвятія,—безполезно и предосудительно, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго мною въ д. Пятигорцахъ отъ 75 лѣтней повитухи. Одна баба повела молодыцю у Мыхновцахъ до ставка у глупу ничь. Такъ тая молодыця крыкнула: „я не хочу до вику и дитей и его (дьявола) знать!“ тай утекла. Друга багата жинка схотила дитей. Поихала до бабы. Баба їй прыготовыла чогось изъ своими согласныками. А роботныкъ намазавъ тїй жинци саломъ свяченымъ губы и потимъ увійшла вона въ хату. Баба каже: „не можна тоби прынять, якъ-бы на двирь не ходила“. Жинка стала прохать, щобъ баба дала їй до дому той кушынъ. Завязала баба его тряпками и дала. Якъ уихалы въ лисъ, узявъ роботныкъ той кушинъ и розбывъ объ дуба. Сталы диты бигты за жинкою и крычать: „мамо! не кыдай насъ: мы твои диты“! Другое дѣло, если бесплодіе пороблено. Въ этомъ случаѣ помогаетъ питье 5-ти капельъ крови изъ пуповины новорожденного ребенка ¹⁾ или настоя изъ пупка ²⁾.

Женщина, желающая имѣть дѣтей, купается въ той ваннѣ, которую только что приняла родильница, или садится на днищѣ, положенномъ на такую ванну и покрытомъ рядомъ. Также шьютъ рубашку ребенку, который долженъ родиться у какой нибудь женщины, или берутъ чужое дитя на воспитаніе. Если бесплодіе наступило по рожденіи ребенка, то послѣдъ откапываютъ и женщина завязываетъ его въ пелену во время

¹⁾ Почти также у Ящуржинскаго въ К. Стар. 93 г., № 7.

²⁾ Въ рукописи Чены: „отъ неплодія пупецъ намочить и пить“, К. Стар. 92 г., № 1, стр. 127.

брачныхъ отношеній. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что вообще бабы относятся отрицательно ко всякой попыткѣ „щепить детей“.

Въ первый періодъ беременности¹⁾ у женщины изъ народа не замѣтно никакой перемѣны образа жизни, хотя какъ она, такъ и ея мужъ, обязательно слѣдуютъ извѣстнымъ правиламъ подѣ опасеніемъ разныхъ несчастныхъ случайностей. Предосторожности появляются преимущественно съ двадцатой недѣли, когда почувствуется движеніе ребенка. Въ счастливыхъ супружествахъ мужъ съ этого времени носить солому и воду вмѣсто жены. Вообще ее предохраняютъ отъ нѣкоторыхъ работъ и тѣлодвиженій. Напр. ей не даютъ толочь проса, перегибаться низко въ „кишъ“, подпирать скрыню головою, какъ въ обыкновенное время поступаютъ женщины, открывая скрыню. Беременная женщина не должна мазать печь внутри и трусить сажи, потому что дитя будетъ удушливымъ. Она не должна также подымать ничего тяжелого, а въ случаѣ неосторожнаго поднятія тяжести, поднявшую ставятъ надъ миской съ зажженной водкой, парятъ въ ваннѣ и опоясываютъ рушникомъ, на которомъ святили пасху²⁾. Женщина не должна выметать соръ, лить помой и воду черезъ порогъ, иначе у дитяти будутъ рвоты и помочь можетъ только мать, если купая положить свои серьги въ куцель. Беременная женщина не должна переступать कोरोмысла, веревки, снасти, упряжи, частей плуга („вія, скракли“). Если переступить веревку—ребенокъ родится запутаннымъ въ пуповину или съ чертой („смугой“). Если черезъ вія и скракли, у дитяти сдѣлаются „стиски“—грудная болѣзнь. Женщина не должна также бить и толкать ногою животныхъ³⁾, иначе у ребенка будутъ сухоты и онъ будетъ въ шерсти⁴⁾, будетъ колотьяся. Въ этомъ случаѣ помогаетъ купанье дитяти въ золѣ или выкачиваніе его горячимъ хлѣбомъ. Самое главное правило народной гигиены беременности—безусловное запрещеніе рубить, шить, прясть, вообще работать по праздникамъ⁵⁾, даже и небольшимъ, притомъ не только женѣ, но и мужу, подѣ опасеніемъ самыхъ разнообразныхъ несчастій съ новорожденнымъ ребенкомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Лубенскаго уѣзда. Беременная

1) Беременная женщина называется важка, товста, времена, черевата, ходить такою, у такимъ дили или у такимъ положеніи. О моментѣ зачатія думаютъ, что зачатый подѣ праздникъ будетъ воромъ или увѣчнымъ, дѣвочка--распутной. При проходѣ беременной женщины нужно посторониться и не переходить дорогу. Ударить такую женщину грѣхъ.

2) Во второмъ періодѣ беременности женщины часто повязываютъ себѣ низъ живота полотенцемъ или узкимъ пояскомъ (крайкой)—чаще послѣдней.

3) Также въ Италіи. См. „Вѣдьма“ Чіамполи. Сѣв. Вѣстникъ 1892 г., № 4 стр. 70.

4) Шерсть—так. наз. щетинки, шероховатость кожи, происходящая отъ неопрятности (Жижиленко. Учебн. родовспомог. иск., стр. 220).

5) Беременная не должна также по пятницамъ мыкать мычки.

женщина рубила въ воскресенье мясо и губа у ребенка разрублена; другая рубила дрова—на ножкѣ ребенка обозначился какъ-бы разрѣзъ ниткой. Беременная крестьянка сел. Песокъ сѣкла капусту на Кузьму-Демьяна, и у ея ребенка перерублены губы и десна видна до носа. Мужъ беременной крестьянки с. Вильшанки рубилъ дрова на праздникъ св. Саввы, и у дитяти оказались отрубленными пальцы на ногахъ—„передкы“. Другой затесалъ грабли—дитя оказалось безъ пальцевъ; третій крутилъ завертки, „каблочки“—у ребенка были скручены ручки. Крестьянинъ д. Пятигорець работалъ „на Параскы“. Родились двойни: дѣвочка, оказавшаяся жизнеспособной и мертвый мальчикъ. Отецъ выразилъ при этомъ случаѣ древній взглядъ на вещи, сказавъ: „доброта погыбла, а чорзнащо осталось“.

Крестьянка х. Тернавщины Софія Латенкова (Писаренкова) рассказывала о такомъ случаѣ: „чоловикъ Ляшенковой у въ осени, саме на Михайлово чудо, шывъ чоботы. Жинка пилса того якъ стала родыть, то тры дни и тры noci былася. Тоди сказали Ляшенку, щобъ поровъ чоботы. Якъ ставъ винъ пороть, то въ ей въ животи стало трищать такъ якъ хто сухи дрова ламавъ, або ото якъ нитки порешъ. На другый день найшлося у Ляшенковой друге, уже невременне“. У беременныхъ женщинъ, шьющихъ въ праздникъ, рождаются дѣти съ приросшимъ языкомъ, сшитыми пальцами, зашитымъ заднимъ проходомъ, неспособные къ мочеиспусканію, а у мотавшихъ—обмотанныя пуповиной. У женщины, выбиравшей картофель на Семена, были преждевременные роды. Мажущая въ праздникъ сапоги дегтемъ рискуеть имѣть дитя съ темными пятнами. „Моя дочка, рассказывала мнѣ бабка сел. Вильшанки Марія Харланова, мазала дегтемъ чоботы, таѣ капнула, а въ дытны и выйшла на щочи латка“.

Такимъ образомъ почти всѣ случаи уродствъ: заячья губа, волчья пасть у ребенка, срастаніе членовъ и т. п. приписываются народомъ несоблюденію родителями праздниковъ.

Беременной женщиной опасно красть, такъ какъ у дитяти украденный предметъ, напр. слива, можетъ отпечатлѣться на тѣлѣ. Когда женщина сорвала георгину („жоржину“)—у ея новорожденной дѣвочки оказалась вся ручка въ красныхъ пятнахъ. Такіе случаи особенно часты при испугѣ. Напр., если женщина схватится за себя во время пожара, у дитяти будетъ красное пятно, если наступитъ на рака—изображеніе послѣдняго на ножкѣ ребенка.

Беременная женщина не должна ни съ кѣмъ браниться, избѣгать нѣкоторыхъ встрѣчъ. Нельзя встрѣчаться съ женщиной, несущей три сосуда съ рѣки. Напр. два ведра и кувшинъ, такъ какъ у ребенка будутъ сухоты; если однако встрѣча послѣдовала, то встрѣтившаяся женщина разбиваетъ свою посуду („гличыкъ, тыкву“). Сухоты будутъ у ребенка и въ томъ случаѣ,

когда встрѣтится женщина, несущая сухое суровое, незолненное полотно, нитки и валь, такъ какъ она обязана обмочить эти предметы еще дома, — и женщина, несущая рубашку въ менструаціи. Однажды беременная женщина, увидавъ на ярмаркѣ калѣку, котораго везли въ повозочкѣ, сказала: „якъ бы въ мене таке, то ябъ его закопала“! И что же? У нея самой родился такой же ребенокъ — калѣка. „Не треба було завьдувать“ наставительно замѣтила рассказчица. Беременная не должна крестить дѣтей, присутствовать на похоронахъ со времени прибытія священника, особенно при пѣніи вѣчной памяти.

Крайне опасна встрѣча съ вихремъ, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: „Нивистка йшла зъ зовыцею по глыну въ клечану субботу. Де узаявся выхорь; якъ пидвие. Невистка упала тай лежить, а зовыця вернулась додому. Узялы неvistку въ рядно и принесли. Годувалы їи ложкою. Полегшало. Стала вона ходыть. Якъ понесла полотно стлатъ на ричку, такъ изъ неи выпало якъ вороненя, та въ воду ляпъ“. (Отъ С. Писаренковой д. Тернавщины).

Кулина Логвиненкова, не имѣя тридцать недѣль менструацій, родила затѣмъ только одну голову, такую какъ клубокъ или твердый комокъ мяса. „То їи пидбигъ выхорь и скрутывъ на клубокъ дытыну“. (Отъ Е. Недилькиной, с. Литвяковъ). Одну женщину „пидбигъ выхорь“. Она три года была беременна такъ, что рубашка въ три полотнища не сходилась. При вскрытіи найденъ живой ребенокъ съ рогами. (Отъ М. Шевченковой, с. Волчка). Беременная женщина, обвиненная въ кражѣ, поклялась вихремъ: „якъ шо я взяла, то нехай мене выхремъ рознесе“! И что же? Не успѣла она выйти на дворъ, какъ ее подхватилъ вихорь. Родившееся дитя до семи лѣтъ ничего не говорило, ржало какъ конь и ѣло, сколько бы ни давали.

„На троецкихъ святахъ выхорь скинувъ постиль молодойци, котору вона вынесла на жердочку. Выхорь схопывъ постиль и кынувъ додолу. Молодыця та полола. Сонъ їи налягавъ. Такъ вона взяла ту постиль, положила у сняхъ и сама лягла. И се вона не була беременна, а то забеременила. Уже й черезъ годъ перейшло. Повелы їи до знахаривъ. Знахаръ каже: „у тебе выхорь; будешъ помирать, тоди ажъ винъ выйде“. Якъ выходявъ винъ зъ тіей мертвой молодойци (Явдохы), то млынъ перекинувъ (отъ крестьянки д. Пятигорець).

Вообще по народнымъ понятіямъ, если въ женщину проникнетъ вихрь, то она сойдетъ съ ума и произведетъ выкидышъ. Такимъ образомъ случаи ложной беременности, также отчасти выкидыши и душевное разстройство беременной, объясняются народомъ вліяніемъ вихря.

При встрѣчѣ съ вихремъ, женщина должна лечь ницъ, крестясь и произнося молитву, или, по крайней мѣрѣ, присѣсть на корточки и плотно

обтянуть вокруг ногъ сподницу или запаску ¹⁾. „Тильки роззява не прысяде“. Если и затѣмъ вихрь подбѣжитъ, то выливаютъ переполохъ, но это средство не помогаетъ и у ребенка бываетъ падучая, также даютъ пострадавшей пить „стритеньску“ воду съ смирной и заставляютъ читать „воскресного Бога“ и сонъ пр. Богородицы ²⁾.

Изложенные факты приводятъ къ выводу, что народная гигиена беременности, при всей фантастичности объясненій, даваемыхъ ею различнымъ естественнымъ явленіемъ, все же въ сущности стремится предохранить, насколько возможно, мать и будущаго ребенка отъ механическихъ и душевныхъ потрясеній ³⁾.

Въ случаяхъ осложненія беременности народная медицина совѣтуетъ слѣдующія средства: при извращеніи вкуса, напр. при отвращеніи отъ борща, при желаніи свѣжей или соленой рыбы, также меда, необходимо удовлетворить желанію беременной, иначе родившееся дитя будетъ обжорливымъ. Притомъ эту пищу женщина должна ѣсть съ джи. При изжогѣ беременная женщина не должна ѣсть мѣлъ, потому что въ послѣдствіи родившееся дитя будетъ также его ѣсть. Гораздо лучше помогаютъ въ этомъ случаѣ по мнѣнію бабъ сырой горохъ, гречневья крупы и мука. Отъ тошноты употребляютъ маточныя капли. При запорѣ мочи—петрушку и сокирки. Также поднимаютъ и подвязываютъ животъ рушныкомъ. При отека ногъ—ихъ растираютъ оливой съ камфорой. Беременную женщину опасно купать, развѣ минуты три. Подмываній также никогда не дѣлаютъ. Истеченія вытираютъ сорочкой и только. Беременную женщину нельзя парить на камнѣ, такъ какъ дитя будетъ синее. Только въ крайности, въ предупрежденіе выкидыша,—какъ выше сказано,—или при послѣдовавшемъ

¹⁾ Боязнь скрывающагося въ вихрѣ духа распространена повсемѣстно. Напр. Данакии бросаются на вихорь и тычутъ его ножами (Спенс. Основ. Соц. 76 г., стр. 216). У насъ есть повѣріе, воспроизведенное въ одномъ стихотвореніи Мея, что на орудіи, брошенномъ въ вихрь, будетъ кровь.

²⁾ Пресвятая Богородица, мате Хрystова у Ерусалими у гради ночувала, прійшовъ до неѣ Исусъ Хрystосъ: мати моя, пресвятійшая! чи ти сплшъ, чи ти такъ лежишь? Спну мій и Боже мій! я не сплю, я такъ лежу, приснивсь мени сонъ предивенный, що мій синъ Исусъ Хрystосъ на великій муци. Его жиди мучили, на хрестъ распинали, залізними круцями руди и ноги прыбивали и на твою главу терновый винець надивали и съ праваго ребра копін доставали. Мате моя, пресвятійшая! не есть се сонъ,—есть се правда. Хто буде сей сонъ рано и вечеръ читать, того буде Господь на страшнимъ суди, на будущому вику, грѣхамъ дарувать.

³⁾ Нѣкоторыя дѣйствія, безусловно запрещаемыя беременнымъ подъ опасеніемъ выкидыша, употребляются напротивъ, какъ изложено ниже, для ускоренія родовъ, также и для витравленія плода. Въ послѣднемъ случаѣ; дѣвушка скачетъ съ вышины внизъ, поднимаетъ тяжесть сверхъ силъ, перевертывается черезъ джигу, также пьетъ порошокъ или синьку, отваръ піонів, сухаго луку, шафрана, рожковъ (*sesale cognutum*) чернобыля, возлѣ Дубенъ принимаютъ коричневую воду, также дѣлаютъ горячія ножныя ванны изъ горчицы.

уже выкидышъ („уровыще“) грѣютъ камень, поливаютъ его квасомъ, дегтемъ, кладутъ хрѣнъ и надъ паромъ ставятъ женщину. Ставятъ также и надъ зажженной водкой. Если женщина часто сбрасываетъ, то необходимо настоять въ водѣ часть стараго воздушка и дать ей выпить ту воду.

Уже во время беременности дѣлаются нѣкоторыя наблюденія надъ беременной женщиной съ цѣлью выяснить судьбу и полъ будущаго ребенка. Такъ если во время беременности изъ груди женщины отдѣляется покорь, то дитя не будетъ жить—„на вмируще“. Также если она хочетъ солевой рыбы, а если свѣжей, то дитя будетъ жизнеспособно. Женщина, часто страдающая изжогой и ослабѣвающая, родить мальчика. „Передъ дивчыною жинка буде бравиша“. Передъ мальчикомъ животъ у женщины круглый какъ тыква, предъ дѣвочкой плоскій („плесковатый“). Предъ мальчикомъ соски, иногда вся грудь, щеки женщины—темные. Лицо ея покрывается желтоватыми пятнами, похожими на веснушки („жинка буде смаглювата“). Положеніе ребенка до родовъ въ утробѣ матери по народнымъ представленіямъ таково: „якъ дытына ще ненародивши, то лежыть поперекъ: мовъ у колысци. Хлопецъ у правый бикъ головочкою, а дивчына—у ливый“. Поэтому если женщина ощущаетъ въ первый разъ движеніе ребенка въ правомъ боку, то у нея будетъ сынъ. По той же причинѣ движенія правой ноги у нея затруднено. Роды мальчика замедляются на недѣлю („хлопецъ перетяга“), дѣвочки—ускоряются на недѣлю. Также у коровъ и кобылъ.

. Первые и вторые сроки родовъ (отъ открытія матки до появленія младенца)
Народное акушерство. Приемы при замедленіи родовъ.

Необходимымъ условіемъ успѣшности родовъ является прежде всего по народнымъ, почти общечеловѣческимъ, понятіямъ полное уединеніе роженицы, такъ какъ каждый грѣхъ знающаго о случаѣ родовъ вызываетъ особыя страданія у ней. Поэтому роженица предъ наступленіемъ родовъ, если время года позволяетъ, удаляется въ сарай, повитку, клуню или на огородъ—на предполагаемое счастливое мѣсто. Зимой очищаютъ избу: взрослыхъ и подростковъ удаляютъ изъ нея, дѣтей прячутъ на печь, но случайно вошедшій остается до конца родовъ. Его не выпускаютъ. Конечно выборъ мѣста невозможенъ при внезапныхъ родахъ: въ полѣ, на ярмаркѣ и т. д. При родахъ въ полѣ ребенка перевязываютъ ниткой отъ завязки мѣшка, осыпаютъ землей вмѣсто воды трижды и, укутавъ въ мѣшокъ, приносятъ или привозятъ домой.

Если роды случатся на ярмаркѣ, то заѣзжаютъ къ знакомому и какаянибудь бабка приметъ ребенка. Женщина изъ подгородняго села Вильшанки родила на базарѣ. Здѣсь удалили пуповину и молодица принесла дитя въ

кошикъ домой. Бываетъ, что и на домъ бабу зовутъ уже послѣ родовъ для удаленія пуповины. Но дѣятельность бабу крайне необходима при замедленіи родовъ. Бабу вызываютъ обманомъ для сохраненія тайны о родахъ, причемъ и она должна обмануть свое семейство, говоря, что идетъ „заваривать сояшныцю“ или что нибудь въ такомъ родѣ. Баба, отправляясь къ роженицѣ, моетъ руки, надѣваетъ бѣлую рубашку и, по возможности, чистую одежду. Народная пѣсня изображаетъ такимъ образомъ шествіе бабы къ роженицѣ:

Сія ночи опивночи
Бижыть Олексійко по бабусеньку.
А бабусенька догадалася,
Бижыть боса, шей безъ пояса.
Що въ ливій руди свичу несе,
Правою рукою Бога просыть:
Ой, спасы-жъ, Боже, мою онучечку
И младеньску душечку ¹⁾.

Баба, входя къ роженицѣ, крестится, кладетъ три земныхъ поклона и трижды восклицаетъ: „Христось воскресъ!“ или: „Боже поможи!“—Рятуйте, бабуся! отзывается роженица.—Хай тебе Богъ рятуе.—Перейма (схватки) хвата.—Колыбъ шей дужче! говоритъ баба.

Осмотрѣвшись, ловкая баба приготовляетъ роженицѣ постель на полу изъ соломы. Затѣмъ изслѣдуетъ положеніе ребенка съ цѣлью опредѣлить по поперечному или продольному положенію его предстоятъ ли немедленно роды или нѣтъ. Убѣдившись, что предстоятъ роды, баба принимаетъ слѣдующія мѣры къ ихъ облегченію и ускоренію: смазываетъ мыломъ или оливой животъ роженицы и наружныя дѣтородныя части и слегка нажимаетъ животъ сверху внизъ, причемъ шепчетъ и читаетъ молитву Пр. Богородицѣ: „Божая маты Спаса родыла, черезъ частокиль Спаса прыймала и намъ помочи давала“. Какъ только начнутся „переймы“, баба водить роженицу трижды вокругъ стола, по сѣнямъ, по коморѣ, стараясь перевести черезъ три порога, по току — съ цѣлью найти гдѣ нибудь счастливое мѣсто. Роженицу заставляють переступать черезъ мѣшокъ, черезъ штаны мужа, черезъ коромысло. Ее ставятъ на колѣни на разостланномъ шерстью вверхъ кожухѣ и заставляють просить прощенія у старшихъ родственниковъ. На нее надѣваютъ рубаху мужа. Заставляють пить воду изо рта послѣдняго. Также воду, которой обмыли иконы, особенно благословенныя. Говорятъ,

¹⁾ Записана въ 1892 г. отъ кр. х. Тернавицны Софій Латенковой (Писаренковой) 50 л. Пѣсня эта поется при крестинахъ.

что въ 1848 г. въ Лубнахъ священникъ обмылъ чашу и далъ роженницѣ, мучившейся въ родахъ, выпить этой воды.

Всѣ узлы развязываютъ, помѣщенія растворяютъ. Изъ ушей роженницы вынимаютъ серьги, разстегиваютъ рубашки на присутствующихъ, развязываютъ шьшки; выбрасываютъ солому („гнѣздо“) изъ жлукта. Раскрываютъ скрыню, дижу, окна, двери, стекляной кіотъ въ иконѣ. Наконецъ просятъ священника раскрыть царскія врата. Пробуютъ держать женщину надъ паромъ отъ раскаленныхъ въ печи камней и садятъ въ ванну¹⁾. При обморокѣ роженницу вспрыскиваютъ холодной водой и трутъ ею лицо и около сердца. При очень трудныхъ родахъ неискусныя бабки позволяютъ роженницѣ скакать съ лавы или съ полу²⁾.

Излюбленное положеніе роженницы въ Лубенскомъ уѣздѣ при родахъ стоячее³⁾, причемъ она опирается поясницей. Рѣдко женщина родитъ лежа; ложиться на бокъ ей совсѣмъ не дозволяютъ.

Гораздо чаще женщина, стоя на голомъ полу, держится за поясъ, продѣтый къ сволоку, нѣсколько присѣвши и отбросивъ тѣло назадъ, а баба давитъ въ крестецъ колѣнкомъ. Иногда помогаютъ свекровь и мужъ. Бываетъ и такой приемъ: мужъ или и посторонній мужчина ставитъ роженницу на колѣни спиной къ себѣ и, крѣпко упирая въ поясицу, выгибаетъ къ себѣ. Вслѣдствіе сильной боли женщина иногда кусается. Иногда баба встряхиваетъ за ноги роженницу, или мужъ охватываетъ жену изъ и спины подъ грудь, слегка приподымаетъ и трижды встряхиваетъ ее какъ грушу. Одна дама, приглашенная дать совѣтъ роженницѣ, оставшейся безъ медицинской помощи, застала слѣдующее: подъ сволокомъ укрѣплены былъ два пояса, изъ которыхъ одинъ былъ продѣтъ подъ плечи, а другой подъ поясицу лежавшей на этихъ поясахъ, въ горизонтальномъ положеніи роженницы, которую присутствующіе раскачивали какъ въ люлькѣ⁴⁾.

Если ребенокъ показывается головкою внизъ, то бабка остерегается брать за головку изъ опасенія оторвать ее. При выпаденіи ручки на животъ роженницы кладутъ припарку изъ проса или высѣвокъ и животъ потихоньку приподымаютъ, покуда ручка не войдетъ обратно. Если ребенокъ

1) Такой приемъ рекомендуетъ наука при судорогахъ.

2) «Слѣдствіемъ такихъ приемовъ бываетъ разрывъ регинсі. См. Коваленко. Къ народной медицинѣ Малор. Оттискъ изъ Этногр. Обзор. Кн. X, стр. 175.

3) Стоячее положеніе ускоряетъ процессъ родовъ.

4) Отсюда уже недалеко до существующаго въ Великороссіи осо баго приема подыманья роженницы къ сволоку ногами вверхъ, а головою внизъ, приведеннаго въ интересной рѣчи проф. Г. Е. Рейна „О рус. нар. акушерствѣ“. Спет. Типогр. М. Стасюл. 1889 г. Какъ въ этой рѣчи, такъ и у Чубинск. (т. 4, стр. 3--4) и въ вышепривед. соч. Коваленка приведены нѣкотор. акушерскіе приемы, сходные съ приводимыми мной. Встряхиванье, приганье и тѣ ничего кромѣ вреда не приносятъ. Учеб. род. иск. Жижил. Сп. 1895 г., стр. 229.

выходить ножками, то бабка тихонько вытягивает его, но только до головки, а тамъ только говоритъ: „працюйсь, моя голубочко!“ Вообще при поперечномъ положеніи дитяти бабѣ дозволяется только нажимать правой рукойъ сверхъ живота роженицы противъ головки малютки для того, чтобы повернуть его головкой внизъ, но вводить руку въ пороги для извлечения ребенка нельзя.

Необходимо еще прибавить, что, по убѣжденію малороссіянокъ, родить незаконнорожденнаго легче.

III. Третій срокъ родовъ. Удаленіе пуповины, уходъ за родильницей. Выходъ послѣда. Родины.

Наконецъ ребенокъ появился на свѣтъ Божій („найшовсь, жицка россыпалась“). Баба рада, „бо якъ задушытця дытына, то грихъ бабы“; благодарить Бога, читаетъ Отче нашъ „бо то всимъ молитвамъ молитва“ и крестить ребенка, не глядя на него и приговаривая: „якъ я не знаю що ты таке, щобъ ты такъ не знало ни прыстрита, ни крыкльвыць, ни переполоху“. Обращеніе къ новорожденному дѣлается еще и въ другой формѣ: „Чуже дытятко ягнятко, мое—ведмежатко. Лапкамы одгрибається, зубкамы одгрызається. Уроку, прыстрыту не боится“. Въ с. Хитцахъ баба, принимая новорожденнаго, произноситъ двѣнадцать разъ: даръ Духа Святого. Затѣмъ бабка отмѣряетъ пуповину на три пальца отъ пупочнаго кольца и также на три пальца съ противной стороны и удаляетъ пуповину на топорѣ мальчику и на гребнѣ отъ прялки дѣвочкѣ; мажетъ кровью въ трехъ мѣстахъ на лбу дитяти крестики, чтобы онъ набирался крови и завязываетъ пупъ матеркой, приговаривая трижды: „завязую тобі съ щастямъ, здоровьемъ, викомъ довгимъ, розумомъ добрымъ“. Если обрѣзать пуповину коротко, то у ребенка будетъ всю жизнь рѣзь. Но если вслѣдствіе стремительныхъ родовъ, часто бывающихъ при стоячемъ положеніи женщины, оборвалась пуповина, то подвязываютъ пупокъ, натягивая кожу живота новорожденнаго. Пупокъ мать прячетъ въ особое отдѣленіе скрыни „прыскрынокъ“, покуда дитя подрастетъ и развяжетъ пупокъ. Такое дитя будетъ умное. Затѣмъ дитя кладется на кожухѣ, чтобъ было богатымъ, поперекъ лавы, чтобъ было долголѣтнимъ. Въ Черевковской волости дитя кладутъ на покути, по мѣстамъ на полу, чтобъ не боялось морозу, а кое гдѣ на край печи. У ребенка, родившагося въ „переходѣ“ (родимцѣ), не удаляютъ тотчасъ же пуповину, но ожидаютъ окончанія припадка, накрывъ ребенка чернымъ, иначе онъ былъ бы съ большой головой, что считается большимъ недостаткомъ. Особаго ухода за невременнымъ ребенкомъ нѣтъ, его кладутъ на печь (коминъ), гдѣ онъ лежитъ шесть недѣль въ рукавѣ отъ кожуха. Обмершее дитя вначалѣ только отгукуютъ: „Христось воскресъ!“ (трижды).

Также на имя отца: „Иване, гу!“ или на имя матери: „Ганно, гу!“ или на когонибудь изъ родичей. Иногда отгукуютъ часа три. Также шкочутъ головкой булавки въ ноздряхъ и ушахъ.

Давягь подъ пахи. Иногда отъ легкаго удара по задницѣ „воно квакне“. Баба раскрываетъ ему ротъ и дышетъ раза два—три ¹⁾. Однимъ изъ лучшихъ средствъ признается примачиваніе ребенка квасомъ или сыровцемъ. Наконецъ крайнее средство: зажигаютъ тряпку (ганчирку) или конопляный клокъ и натываютъ на дымъ ребенка. „Тоди воно хлыпне“. Обмершее дитя не кладутъ на землю, „бо въ землю пиде“.

Во время родовъ опять дѣлаютъ заключенія о характерѣ родившагося и его судьбѣ по слѣдующимъ признакамъ: если мать послѣ родовъ спитъ, то ребенокъ недолговѣченъ. Также, если дитя родилось лицомъ вверхъ ²⁾ Ребенокъ, родившійся днемъ будетъ спокойнымъ, сердитымъ; будетъ обладать хорошимъ аппетитомъ. Родившійся ночью будетъ спокойнымъ, сонливымъ. Родившійся на большой праздникъ будетъ несчастнымъ, на Благовѣщенье—юродивымъ, на Наума—умнымъ. Также будетъ уинымъ дитя, часто чихающее при родахъ. Быстро глядящее и кричащее—скорымъ и злымъ, кричащее—клеветникомъ. Дитя, запутавшееся въ пуповину, вслѣдствіе ея излишней длины, будетъ плутомъ, если пуповина обмотала шею и солдатомъ—если свѣсилась черезъ плечо. Дѣвочка будетъ развратной. Родившійся въ чепцѣ (пузырѣ, сорочкѣ) будетъ счастливымъ. Чепецъ этотъ нужно высушить на раздвоенной („россоховатій“) палочкѣ, спрятать и впоследствии брать съ собою какъ талисманъ. „Отъ того буде фортуна“. Послѣ родовъ новорожденнаго купаютъ, чаще всего вмѣстѣ съ матерью, въ водѣ, къ которой прибавляютъ сѣна, аера, по мѣстамъ ароматическихъ травъ: „живокоста, товстухы, руты, огирочныка, омана и хробуста, кромѣ того въ купель новорожденнаго бросаютъ еще мелкія серебряныя деньги. Воду изъ купели выливаютъ въ сторону, забрасывая вылитое землей и жаромъ. Кто нечаянно попадетъ въ эту воду можетъ заболѣть „жовтяницами“; даже и скотина будетъ сохнуть. Къ ночи совсѣмъ не выносятъ купели.

Ребенка купаютъ отдѣльно отъ матери въ томъ случаѣ, когда еще не отошелъ послѣдъ. Отдѣленія послѣда принято выжидать два часа. Если его нѣтъ, то родильницѣ даютъ муку съ примѣсью зеренъ, которыя посыпали

¹⁾ Лѣченіе посредствомъ вдыханія очень распространенный способъ; также подкуриванье больнаго и употребляемое нашими бабами сосисываніе кожи ребенка при купаніи его. Иногда болѣзнь сжигается и бросается въ воду. Леббокъ. Нач. цивилизаціи. Спт., 76 г. стр. 25 и 26.

²⁾ Позже о недолговѣчности ребенка заключаютъ еще по тому твердо ли тѣло и плотнѣ ли прилегаетъ къ костямъ. Если нѣтъ, если соединительная плева въ глазу мала и на перемосьи есть синія жилака,—то дитя не будетъ жить.

на новый годъ, а затѣмъ родильницу заставляютъ пить оливу, дуть въ пустую бутылку, забиваютъ ей ротъ волосами съ цѣлю произвести давленіе грудобрюшной преграды на матку. Иногда вытягиваютъ послѣдъ за пуповину. Если приостановилось послѣродовое очищеніе („брудъ“), то родившей даютъ пить шафранъ, цвѣты піоніи, настой вишневой коры, ромашку и растертые коралы. Послѣдъ закапываютъ у порога, подъ печью, поломъ, лавой или на самомъ мѣстѣ родовъ съ прибавленіемъ къ нему ржи, овса, проса, пшена, для того, чтобы ребенокъ былъ богатъ, а постель родильницы выбрасываютъ свиньямъ. Дѣтямъ рассказываютъ какую нибудь сказку о появленіи на свѣтъ ребенка. Напримѣръ: „мама бродыла, бродыла по рицци, колы плыве дытына, а я (баба) его піймала, думаю: кудыжъ его понесты? Чы нехай вамъ? Диты такъ и очеплюця—нехай намъ“. Обмывъ родильницу, которая, разрѣшившись отъ бремени, называется уже „породилей“, баба кладетъ ее на полу,—доскахъ, служащихъ постелью семейству. Здѣсь породила лежитъ до трехъ дней, иногда и дольше, смотря по состоянію своего здоровья, хозяйственнымъ и семейнымъ условіямъ ¹⁾).

Какъ только баба кончитъ обмываніе, отецъ новорожденного угощаетъ ее и породилю водкой, выпиваетъ самъ и несетъ тестю „родыво“—собственно извѣстіе о событіи, съ приложеніемъ паляницы и полкварти водки. Входя, онъ говоритъ родителямъ своей жены: „прошу Бога и васъ на родыны,“ и угощаетъ ихъ водкой. Тесть, отправляясь на родину, захватываетъ съ собой кварту, а если багатъ, то и четвертину водки, яичницу и пироги; теща—полотно, подушечки, рядно и старое бѣлье на пеленки. Они привѣтствуютъ породилю такой фразой: „будь здорова зъ животомъ!“ крестятъ дитя, садятся и пьютъ водку. Въ большей части селеній Лубенскаго уѣзда кромѣ родителей приглашаются еще тотчасъ по благополучномъ разрѣшеніи породили ближайшіе родственники и сосѣдки; послѣднія приносятъ породилѣ коржи, вареники, паляницы и отдаютъ, приговаривая: „на тоби окраецъ, та заткны той бикъ що выскочивъ заецъ“ ²⁾). Гости выкидаютъ на осьмину въ томъ убѣжденіи: „що скільки посадымъ за столомъ, стільки посыдымъ и въ царстви небеснимъ“. Баба же, выпивая водку, приговариваетъ: „дай, Боже, щобъ воно малымъ було сонлыве, а великимъ щаслыве! А породила щобъ выдужувала та дытыну годувала!“

Затѣмъ баба идетъ къ священнику объявить о новорожденномъ съ обычными приношеніями: хлѣбомъ, солью, десяткомъ яицъ или цыпленкомъ и водкой (отъ 3-хъ осьминъ— $\frac{1}{2}$ кв.) также 5 коп., изъ которыхъ съѣстные

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ м. Снѣтина соблюдался шестинедѣльный покой породили и при крѣпостномъ правѣ, а женщина, родившая двойни, освобождалась на годъ отъ панщины.

²⁾ Выраженіе, употребляемое въ д. Шекахъ.

припасы принадлежатъ породилѣ, а деньги—бабины. Въ дорогѣ баба должна воздерживаться отъ физиологическихъ отправлений. Хозяинъ между тѣмъ идетъ приглашать кумовъ. Этимъ удаленіемъ хозяина и бабы кончается обрядъ родинъ, но прежде нежели перейти къ крестинамъ, необходимо упомянуть объ обычаѣ крестить ножомъ окна хаты, въ которой находится новорожденный и зажженіе свѣчи,—а не керосина, который „чортове свитло,“—по ночамъ покуда ребенокъ не окрещенъ¹⁾). Несоблюденіе послѣдняго обычая можетъ повести къ важнымъ послѣдствіямъ. Напр. въ с. Вильшанкѣ дитя, положенное на полъ, оказалось въ темнотѣ перемѣщеннымъ на печь. Былъ и такой случай: „Передъ Меланками (31 Декабря, день св. Меланіи) найшовсь хлопчыкъ Васыль. Баба пишла до дому, а породила потушила свичку тай заснула. Баба прыходыть у ранци и недодывылась, що воно зробылось дивчыною. Священныкъ вылаявъ бабу, а дытыну назвавъ Мылашкою“. (Отъ М. Харлановой).

IV. Крестины (хрыстыны, хрысты). Приглашеніе въ кумы. Передача ребенка. Удаленіе и возвращеніе кумовьевъ. Обѣдъ.

Общія правила о кумахъ гласятъ: „1) баба сужена, а кумы люблени, 2) съ такимъ чоловікомъ треба куматьця, щобъ не лаятьця“. Поэтому, напримѣръ, лучше избѣгать близкихъ сосѣдей въ качествѣ кумовьевъ. Слѣдуетъ выбирать кумовъ между родственниками, хорошими знакомыми съ которыми живется по любви и людьми богатыми. Людямъ, имѣющимъ дочерей, не слѣдуютъ куматьця съ парнями, и вообще число кумовъ должно быть какъ можно меньше въ виду ограниченій брака между кумовьями, что очень важно для небольшихъ селеній. Поэтому нужно держаться однихъ и тѣхъ же кумовьевъ, если предыдущія дѣти, или окрещенныя растутъ благополучно. Нельзя „одхрыщувать“. Женщинѣ опасно имѣть много крестниковъ („хрещеныкивъ“). Если дѣти у родителей мрутъ, то послѣдніе приглашаютъ въ кумы брата и сестру изъ одного и того же семейства, также первыхъ встрѣчныхъ, „стритенныхъ“. Если и это не помогаетъ, то черезъ шесть недѣль послѣ родинъ родители новорожденного избираютъ счастливыхъ по ихъ мнѣнію людей, такъ назыв. закупныхъ кумивъ. Закупной кумъ кладетъ деньги, закупная кума—крыжмо, состоящее, какъ и обыкновенно,

¹⁾ Освѣщеніе новорожденного происходитъ изъ страха подмѣны ребенка. По общечеловѣческому взгляду духи любятъ темноту, оттого въ Индіи, Австраліи, Ю. Америкѣ ходятъ съ факелами. Китайцы зажигаютъ огни на свадьбахъ. На Малайскихъ островахъ горятъ огни вокругъ роженицы, чтобы не допустить къ ней злыхъ духовъ. У Скандинавовъ огонь горитъ до крещенія ребенка, иначе его похитятъ тролли. На Гебридскихъ островахъ вокругъ роженицы и дѣтей обносятъ огонь для защиты отъ злыхъ духовъ. (Тэйл. Первоб. Культ. стр. 258) Сюда же примыкаютъ рассказы объ одминкахъ, обмѣненныхъ чертомъ дѣтяхъ. (Чуб. Эт. Ком. т. I, стр. 194).

изъ 3—4 арш. холста. Присутствующіе также сбрасываютъ деньги. Отношенія къ этимъ закупнымъ кумамъ устанавливаются такія же, какъ и къ настоящимъ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ родители должны выкупить своихъ дѣтей у кумовъ, до какого выкупа дѣти принадлежатъ послѣднимъ. Этотъ выкупъ производится такимъ образомъ: на первый день Свѣтлаго праздника породила беретъ дитя и дары: булку, калачъ, платокъ или хустку, цѣной въ 5—10 коп. и подносятъ ихъ кумамъ. Кумы угощаютъ породилю водкой, берутъ дитя на руки и даютъ гостинецъ—5 коп. Отецъ приглашаетъ кумовъ въ такой формѣ: „послушайте дытмну у хрестъ увесты“. Отказываться „одъ хреста“ грѣшно. Обычай требуетъ, чтобы хозяинъ по возвращеніи домой угостилъ кумовъ водкой и закуской. Затѣмъ онъ опять удаляется приглашать гостей на обѣдъ, а кумы становятся въ парѣ. Баба закутываетъ новорожденнаго въ мужскую рубаху и передаетъ имъ. Унося ребенка, кумъ переступаетъ правой ногой черезъ сѣкиру ¹⁾ съ раскаленнымъ на ней углемъ для того, по объясненію бабокъ, чтобъ на ребенка не нападали жовтяницы. Крестный отецъ незаконнорожденнаго ребенка подвязывается уздечкой или налыгачемъ, смотря по тому, желаетъ ли онъ, чтобъ у него плодились кони или бычки. По пути къ священнику ангелъ ведетъ куму подъ правую руку. На первомъ же перекресткѣ кума бросаетъ влѣво, гдѣ предполагается нечистый, узелокъ съ углемъ, кирпичемъ (печыною), хлѣбомъ и солью. Иногда при этомъ плюетъ. До какой степени распространенъ этотъ обычай видно изъ того, что одной сельской учительницѣ, Лубенской гимназисткѣ, приглашенной въ кумы, женщины дали такой узелокъ въ руки и настояли, чтобы она также дала подать чорту. Кумы подносятъ священнику хлѣбъ съ солью, 5—10 коп. и водку. Во время крещенія они опять дѣлаютъ наблюденія надъ ребенкомъ. Если онъ сожметъ, то будетъ жить, если распрямится—умретъ. „Якъ вмажетця, або вмочытця пидъ хрестомъ буде въ стыду“, (т. е. развратенъ). Кума выноситъ дитя отъ священника. Она не должна никому открывать имени ребенка потому, что онъ можетъ умереть. Имя, даваемое новорожденному, должно по общенародному убѣжденію со-

¹⁾ Вѣроятно для того, чтобы ребенокъ былъ здоровъ. По замѣчанію проф. Вл. Б. Антоновича желѣзо закапывалось подъ порогомъ дома для того, чтобы сообщить крѣпость и здоровье жильцамъ. Гапка Мельничиха, обвиненная въ 1705 г. въ колдовствѣ, объяснила, что совѣтывала закопать желѣзо отъ плуга подъ порогъ дома для того, чтобы переступающіе черезъ него были здоровы какъ то желѣзо. (Ант. Колдовство. Спб. 77 г., стр. 19 и 357). Отсюда выраженіе: желѣзное здоровье. Для излѣченія дѣтской сыни (вогника) кузнецъ кропитъ трижды ребенка водой, въ которой охлаждалось желѣзо (Чуб. Этн. экс. т. I, стр. 138). Въ Индіи, когда рождается мальчикъ, надъ дверью вѣшаютъ зеленую вѣтвь и желѣзное кольцо. (Р. Киплингъ. Хищники. Нов. Вр. 17 Дек. 94 г. № 6755, стр. 2). Объ очистительномъ значеніи сѣкиры какъ символа огня, которую у Славянъ и въ Великороссіи кладутъ на порогъ или на гробъ при похоронахъ,—у Котларевскаго. Погреб. обыч. Слав. Счет. 91 г. стр. 224 и 246.

впадать съ именемъ святаго, чествуемаго въ день родинъ. Пережѣна имени приноситъ ребенку несчастіе. Поэтому, напримѣръ, у женщины въ Засульѣ четыре сына и всѣ Иваны. Возвратясь отъ священника, кумы передаютъ дитя бабѣ съ такимъ заявленіемъ: „мы въ васъ брали нарождене, а вамъ дамо молитвяне и хрещене“! Поздравляютъ бабу и родителей, садятся за обѣдъ, приготовленный бабой по возможности съ мясомъ, а въ постные дни съ рыбой, и состоящій изъ борща, локшины, кнышей, пироговъ и жаркого. Водки берутъ къ обѣду отъ квартиры и до ведра, смотря по состоянію. Угощеніе начинается съ того, что баба или кума даетъ породилѣ водки и миску съ отсыпанными въ ней тремя ложками кушанья. Потомъ всѣ распиваютъ „ковалеву горилку“¹⁾, такимъ образомъ: предъ борщемъ потчуетъ гостей кумъ, послѣ борщу предъ локшиной—кума. Послѣ обѣда хозяинъ проситъ гостей еще посидѣть: „щобъ усе добре садылось“. Баба предлагаетъ и отъ себя варену, т. е. водку съ сухими фруктами, заранѣе приготовленную хозяевами. Варена стоитъ на подносѣ съ двумя рюмками и маленькими букетами калины. Присутствующіе пьютъ попарно въ такомъ порядкѣ: хозяинъ и хозяйка, кумъ и кума, гости и въ заключеніе баба. Гости, забирая калину, говорятъ: „квитки красни! щобъ такъ наша породила красна була“! и отдаютъ затѣмъ калину породилѣ на купель дитяти. Присутствующіе бросаютъ бабѣ на тарелку мелочь, а она проситъ: „попробуйте моей вареной, та выкыньте на пидметки, бо я боса“. Изъ этихъ денегъ баба даетъ тотчасъ породилѣ 2—5 коп. на покупку свѣчи для такъ называемыхъ „вводинъ“, т. е. когда породила идетъ послѣ шести недѣль приобщить дитя въ церковь. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ похрестынь на крестинахъ бываетъ иногда музыка и гости танцуютъ всю ночь.

У. Злывки²⁾. Первое кормленіе грудью. Способы увеличенія покорма.

На разсвѣтѣ слѣдующаго послѣ крестинъ дня, иногда еще при мѣсяцѣ, баба идетъ къ рѣкѣ и черпаетъ воду съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Добрыдень тобі, водо Уляно, и ты, земля Оссіано! Прыбуваешъ ты, водо, изъ гирь, изъ могылъ, изъ усякихъ украинъ. Прыбуди мойи породили и въ костяхъ и въ крыжахъ и въ усихъ іи маслакахъ. Рожденный, молитвянный и хращеній породили“ (имя). (Отъ кр. с. Литвяковъ Аг. Шевченковой).

Есть слѣдующіе варианты настоящаго обращенія къ водѣ:

„Добрыдень, водо Уляно, и ты, земле Тетяно! Наповняешъ моря, наповняешъ ріки, наповны Явдоси породили іи кости, іи уста, іи груди,

¹⁾ Ковалемъ называется отецъ новорожденнаго, какъ и въ пѣснѣ: „Спасыби тому ковалю“, которая есть и въ Луб. уѣздѣ и въ 4 т. у Чубинск.

²⁾ Злывки иначе описаны въ соч. *Бондановича*, Сборн. свѣд. о Полт. губ. Полтава. 1877, стр. 177 и въ соч. *Арендарежа* „Зап. о Полт. губ.“ 1849, т. II, 214.

хрещенному, нарощенному Ивасю кормить. (Отъ М. Танцюриной, с. Кононовки).

„Добрыдень тоби, водо Тетяно, земля Уляно! ты очищаеся, ты освящаеся, ты преспоряеся¹⁾. Преспоры рожденыци, хрещеныци, рабы Божой Явдохы покорму. Ты, пичъ, мате! прыспоры рожденыци, молитвяныци, хрещеныци, рабы Божой Явдоси дытя годуваты“. (М. Харланова, с. Вильшанки).

„Добрыдень, водо Тетяно, земля Уляно! Поможы мени сіи воды набратъ зъ пидъ зилля, зъ пидъ кремня. Та одъ Явдохы хрещенои молитвянои нечысть ту одигнать“²⁾. (Троянова, с. Песокъ).

Въ принесенную такимъ образомъ воду баба бросаетъ овесъ, рожь, конопляное сѣмя и хлѣбъ и ставитъ въ горшкѣ на припечкѣ. Затѣмъ въ избу вносятъ ночвы, въ которыя кладутъ сѣкиру и стебелекъ нехворощи или вербы. Породила ставитъ правую ногу на сѣкиру и баба трижды сливаетъ ей на руки находящуюся въ горшкѣ воду.

Въ Черевковской волости, гдѣ зливки бывають въ день родинъ, къ сѣкирѣ присоединяють также ножъ, или употребляютъ только послѣдній такимъ образомъ, что женщина просовываетъ его межъ пальцами ноги. Породила глотаесть сливаемую ей на руки воду, моетъ полными пригоршнями лице, третъ и моетъ себѣ плечи и грудь, причемъ трижды проситъ прощенія у бабы, а затѣмъ также сливаетъ трижды на руки бабѣ, которая говоритъ: „просты жъ, моя дытыно, и мене!“ По мѣстамъ кладутъ еще вербу на плечи и грудь породили. Потомъ породилу садятъ на кожухъ³⁾ и въ это время ей даютъ первый разъ покормить ребенка, а до того послѣднему мажутъ только губки медомъ, а если ребенокъ очень беспокоенъ,

1) Претворяешься.

2) Примѣч. Однѣ изъ старшихъ Сибѣтинскихъ рассказчиковъ, Николай Ивахненко, передавалъ мнѣ, что при крѣпостномъ правѣ женщина, черпая воду изъ Сулы, приговаривала: „Господи благослови! Здорово була, водо Уляно! Ты, водо, святися, ты водой хрестися! Благослови, Душе святой, воды набратъ!“ Въ такихъ обращеніяхъ къ водѣ, сквозь позднѣйшее христіанское наслоеніе, видѣется еще общечеловѣческое почитаніе воды. Такъ, Индусы бросаютъ деньги въ воду, переѣзжая рѣку. Во Франціи (близъ Тулузы), Англій (ключъ Ланмеръ и др.), Шотландіи и Ирландіи,—вездѣ священные воды (Лаб. Нач. цив., стр. 215—220). Древніе греки считали воду началомъ бытія (Вѣд. въ ант. мірѣ. Буше-Леклерка. Кіевъ, 1881, стр. 152). Также и славяне, у которыхъ богослуженія и гаданія происходили на берегу рѣки. Въ воду бросали деньги, приношенія и изображенія. Ключи и озера, считающіеся священными, находятся во всякой славянской странѣ. Въ древней Руси приносили жертвы болотамъ и колодцамъ. По понятіямъ малоруссовъ, воду нельзя засорять. Она цѣлебна. (Финск. Вѣстн. 1847 г. О язич. богослуж. др. Славянъ, стр. 19—23. Котлар. Погреб. об. др. Славянъ, т. III стр. 128. Изд. 91 г. Костом. Очер. жизни Велик. нар. Соврем. 60 г., № 11, стр. 532 и Чуб. т. I, стр. 41—43.

3) Въ упоминавшемся нѣрѣдко помѣщеніи матери и новорожденнаго на кожухѣ слѣдуетъ видѣть воспоминаніе о жертвоприношеніи животныхъ. Н. Ѳ. Сумцовъ. О вліян. греч. и рим. ритуала, стр. 19.

то его кормить посторонняя женщина. ¹⁾ Начинать кормить нужно правою грудью. Вообще каждый раз слѣдуетъ давать правую грудь прежде. При первомъ кормленіи грудью нужно читать Отче нашъ. Послѣ омовенія порадили, ребенка также купаютъ трижды въ приготовленной указаннымъ выше способомъ водѣ съ нехворощью и коноплянымъ сѣменемъ.

Обрядъ злывокъ въ настоящее время, по заявленіямъ бабъ, выполняется только для того, чтобы у порадили прибывалъ покормъ.

Баба, участвуя въ злывахъ, высказываетъ порадили пожеланіе: „щобъ молоко прыбувало“ ²⁾.

Если послѣ злывокъ молока недостаточно, что бываетъ „зъ очей“, то покормъ думаютъ увеличить повтореніемъ сливанія воды на руки порадили и предложеніемъ ей напиться воды изъ ведра черезъ порогъ; а при недостаточности этихъ средствъ прибѣгаютъ къ такимъ:

1) Къ ночи баба набираетъ изъ рѣки или колодца воды съ приведеннымъ выше заговоромъ: „добривечиръ тобі, водо Уляно!“ отжвряетъ тридевять ложекъ, сливаетъ ихъ въ кувшинъ и ставитъ на всю ночь. Утромъ баба изжвряетъ воду. Вжврятъ, что если за ночь прибавится лишняя ложка воды, то прибавится и покормъ, а если уменьшится на одну ложку—дитя умретъ. Этой водой поятъ порадилию и ребенка.

2) Родильница, вдвоемъ съ мужемъ, набираетъ воды изъ трехъ криниць въ три тыквы; приноситъ домой, грѣетъ купель, сливая воду вмѣстѣ, бросаетъ туда вербу, умывается сама и купаетъ дитя, затѣмъ относитъ эту воду во всѣ три криницы обратно.

3) При недостаточности одной воды, въ обрядъ вводятъ еще хлѣбъ такимъ образомъ: баба отрѣзываетъ кусочекъ перваго вынутаго изъ печи хлѣба, привязываетъ ниткой къ палочкѣ и относитъ въ рѣку или коло-

¹⁾ Обыкновеніе вредное, какъ для матери, такъ и для ребенка.

²⁾ Значеніе злывокъ въ настоящее время очевидно сужено. На самомъ дѣлѣ злыми ничто иное, какъ церемоніальное послѣродовое очищеніе ребенка и родильницы, развившееся изъ необходимости очиститься физически. По общечеловѣческому убѣжденію, женщина послѣ родовъ считается нечистой. Она не должна приближаться къ огню изъ опасенія осквернить его; посуду, которую она употребляла, не можетъ употреблять ее мужъ, не окуривъ предварительно. (Православ. Благов. 94 г. № 10, стр. 53). Омовеніе рожениць проводится у Готентотовъ, въ Западной Африкѣ, у Монтрасовъ, Монголовъ. Въ Индіи церемоніальное очищеніе женщины и нареченіе имени ребенку бываетъ въ одинъ день. Кипчаки, Якуты, Новозеландцы, Гвинейцы омываютъ новорожденныхъ или кропятъ ихъ водой и окуриваютъ, давая имя, черезъ 3—8 дней послѣ рожденія. Также въ Китаѣ и Японіи (черезъ мѣсяць). Тибетцы погружаютъ ребенка въ воду, а Лапландцы моютъ теплой водой, въ которую кладутъ вѣтки ольхи. Въ Мексикѣ кормилица омывала ребенка во имя богини воды. Грековъ женщина, присутствовавшая при родахъ, мыла руки, а кормилица обносила ребенка вокругъ огня и давала ему имя. У Римлянъ кормилица мазала слюной ребенку губы и лобъ. (Тейлоръ. Первоб. культура т. 2. Обряды и церемоніи. Гл. 18, стр. 463—472).

дезь на всю ночь. Если хлѣбъ сохранится, породила съѣдаетъ его утромъ съ освященной солью.

4) Баба или родильница—если въ силахъ, замѣшиваетъ дижу и выдавливаетъ навкрестъ рукою 3—4 углубленія, куда наливаетъ воды. Когда хлѣбъ взойдетъ и вода окажется на верху, баба, рассматривая это обстоятельство, какъ благопріятное предзнаменованіе, собираетъ воду, оmyваетъ грудь и плечи породили, также даетъ ей немного выпить. Если вода войдетъ въ хлѣбъ—дитя умретъ.

5) Если хлѣбъ не помогаетъ, то разыскиваютъ въ мышинномъ гнѣздѣ камешекъ, величиной и видомъ напоминающій дробь. Найденный камень погружаютъ въ освященную воду и ставятъ на ночь на дворѣ противъ покутя, накрывая ведромъ. Третья часть кувшина остается пустой. Утромъ воды прибудетъ, если ребенокъ долженъ жить; въ противномъ случаѣ, она останется въ прежнемъ количествѣ. Способъ употребленія этой воды такой, какъ выше объяснено.

VI. Продырины (очедерыны, похрыстыны).

Подъ продырынами, изрѣдка называемыми похрыстынами, слѣдуетъ понимать семейное торжество, бывающее на другой день послѣ крестинъ, въ честь новорожденнаго. Въ большей части Лубенскаго уѣзда они отжили свое время и представляютъ только остатки; въ мѣстечкѣ же Снѣтинѣ и въ Волчковской волости они сохранились еще вполне. Не то было прежде, когда „пидіймалы такы родыны, якъ теперъ весилля“ и распивали 1—2 ведра водки. Гости собираются на продырины „оченята продыратъ дытны, щобъ було зирке“, „очей дратъ“ къ званному обѣду, такому же, какъ на крестинахъ и также приготовленному бабой. За обѣдомъ сама породила угощаетъ бабу и гостей, которые пьютъ водку, приговаривая: „дай, Боже, щобъ дытына була бачуща, выдюща и памятуща! зирка и швыдка! Щобъ куды йшло—тай найшло. Щобъ робоче и охоче. Щобъ швыдке, прудке, повновыде, уродлыве!“ Затѣмъ мальчику желаютъ еще: „щобъ велькый рись. умивъ ткать, бондарювать, усѣго дила швыдко хватать! И пвець, и кравецъ, и чоботарь. Щобъ межъ панаамы. Щобъ бувъ велькый кныжныкъ!“ Дѣвчкѣ желаютъ: „Щобъ щасна, красна, довголитня и многолитня; щобъ хлопцы любылы и по персню носылы; щобъ помитуха я помазуха и швачка и прачка и пряха.“ Иной гость приводитъ двустигшіе изъ шуточной пѣсни:

„Щобъ до плуга и до рала
За хлопцями боса драла!“

При этихъ пожеланіяхъ кладутъ иногда деньги на ребенка.

Послѣ обѣда развеселившіеся гости ведутъ бабу, завернутую въ подарки, въ питейный домъ продавать. Въ Вильшанкѣ ее тянутъ на вѣтки глода, а въ х. Тернавщинѣ везутъ на высоко помощенномъ возѣ въ лучшей одеждѣ породили. Въ с. Юсковцахъ, гдѣ нѣтъ продыринъ, вспоминаютъ еще: „якъ не пидемъ у шынокъ, то крадена дытына“, а за отказомъ бабы, шутя грозятъ бабѣ: „зависьмо бабу до сволока“. Гости, проходя по селу шумною толпой: „щобъ люды зналы, що у насъ не крадена дытына“, поютъ или горланяють („верзуть“) извѣстную пѣсню: „Спасыби тому ковалю и т. д.“ Въ корчмѣ баба должна угостить спутниковъ изъ своего скуднаго гонорара ¹⁾

¹⁾ *Примѣчаніе 1-е.* Значеніе продыринъ. Публичность продыринъ, представляющихъ оглашеніемъ о событіи рожденія и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія: «у насъ дытына не крадена», позволяютъ видѣть въ этомъ обыкновеніи остатокъ арійскаго обычая—признанія отцемъ дитяти и присоединенія его чрезъ то къ извѣстному роду. Фюстель де Куланжъ въ соч. Древнее общество (Скпн. 67 г., стр. 66 и 67) объясняетъ, что въ Римѣ, Греціи и Индіи отецъ собиралъ семейство, призывалъ свидѣтелей, приносилъ жертву очагу и обнесеніемъ новорожденнаго вокругъ огня устанавливалъ религіозную и нравственную связь младенца съ семьей. Необходимость такого публичнаго заявленія отца о новорожденномъ съ чисто французскимъ остроуміемъ указана Жиро-Телономъ: материнство, говоритъ онъ, выражается очевидно, чисто физическою связью ребенка съ матерью. Отчество (paternité) не исходитъ изъ такого очевиднаго факта и, являясь предположеніемъ, нуждается въ особомъ юридическомъ актѣ явственнаго или молчаливаго усмновленія. Бракъ въ Греціи и Римѣ не былъ самъ по себѣ достаточнымъ для установленія происхожденія. Только поднятныя отцемъ съ земли дѣти получали воспитаніе. (Les origines de la famille par A. Giraud-Teulon. Genève, Paris. 1874 p. 203—205). Необходимость продыринъ, по моему мнѣнію, логически вытекаетъ изъ принципа тайны при родахъ.

Примѣчаніе 2-е. Значеніе дѣятельности бабы при родахъ. Дѣйствія бабы при родахъ также носятъ на себѣ признаки культурнаго переживанія. Когда люди селились отдѣльными дворщами, печищами, то обязанности бабки только и могла, конечно, исполнять старшая родственница. И теперь, напр., у Осетинъ бабка, принявшая ребенка, считается родной. (Соврем. обычай и законъ Ковал. Москва. 1886 г., стр. 312) То же и у насъ, что доказывается, во 1-хъ) тѣмъ обстоятельствомъ, что отношенія бабки къ призвавшему ее семейству не могутъ быть сведены къ договору, какъ и у Римлянъ. Уклониться отъ своей обязанности баба не можетъ—грѣшно. «Баба сужена» говоритъ народъ. Ничтожный гонораръ бабы, состоящій изъ 2 арш. холста или чернаго платка, цѣной въ 20 к. („тільки що не ганчирка“) назначается ей лишъ за замѣну породили въ хозяйствѣ: печеніе хлѣба, изготовленіе двухъ обѣдовъ. Помощь породилѣ и принятіе младенца не оплачиваются. 2) Между бабой, породилей и принятыми дѣтьми устанавливаются отношенія, подобныя родственнымъ. На свят. вечеръ дѣти, наравнѣ съ кровными родичами и крестными отцемъ и матерью, ходятъ и къ бабѣ съ вечерей: кутей и медомъ. На Рождество мать принятаго ребенка приходитъ къ бабѣ съ хлѣбомъ, солью и водкой, на Свѣтлый праздникъ—съ крашанками, на проводахъ и поминальныхъ субботахъ—съ паляницами. Обязанности эти настолько священны по народному убѣжденію, „що якъ хрещенымъ не носытумуть вечерю хреснымъ батьку и матери, то буде конецъ викови.“

3. Раннее дѣтство.

I. Народная дѣтская гигиена. Содержаніе ребенка: купель, пища. Отлученіе отъ груди. Ростъ дитяти, первая слова и движенія. Пострижчины (постриги).

Малорусская дѣтская гигиена въ первые мѣсяцы жизни ребенка направлена главнымъ образомъ на то, чтобы сонъ дитяти былъ продолжителенъ и непрерывенъ. Этой цѣли служатъ: мѣрное покачиваніе колыбели, тугое повиваніе ребенка, однообразная мелодія колыбельныхъ пѣсенъ и частью также купель.

Новорожденное дитя купаютъ первая шесть недѣль ежедневно или, по крайней мѣрѣ черезъ день въ водѣ до 30°/о съ примѣсью сѣна, дерева, чебреца, иначе чепчыка, листьевъ вишни и калины, также гвоздики. Кладя въ воду говорятъ: „мате водыця! а ты въ ій прысвятыся“¹⁾. Дитя заворачиваютъ въ пеленки и сливаютъ горстью или чашкой, прибавляя: „на тоби сонъ зъ усихъ сторонъ“. Въ купели его измѣряютъ, сводя вмѣстѣ противоположный локоть и колѣно. При этомъ облизываютъ дитя и сплевываютъ. Купель считается удачной, если дитя въ ней уснуло. Купаютъ въ ночвахъ. Послѣ купели мать завѣртываетъ ребенка въ пеленки, сдѣланныя изъ стараго бѣлья, и связываетъ крестообразно узкимъ повивачемъ (крайкой), туго стягивая ножки. Пеленаютъ большею частью разъ въ день. Мать, укладывая въ колыбель ребенка, молится: „Лягаю я спаты, коло мене Божая маты. Анголы въ головахъ, хранители по бокахъ. Хранить мою душу зъ вечора до пивночи, а одъ пивночи до свиту, а одъ свиту до самага вику“²⁾.

Дитя лежитъ въ колыбели на подушкѣ изъ куриныхъ перьевъ, укутанное въ рядно. Если начинаетъ кричать, то закачиваютъ усиленно, толчками. скорѣй трусятъ, чѣмъ качаютъ. Продолжаютъ закачивать дитя годъ и два, покуда не появится новое, которому нужно освободить люльку. Дитя одѣваютъ до перваго причащенія (вводиць) въ такъ называемый „плащокъ“ или „плащечокъ“—рубашку безъ рукавовъ, а на вводицы дѣлаютъ настоящую изъ крыжма.

Другая важная сторона физическаго воспитанія ребенка—пища состоитъ въ первое время жизни изъ материнскаго молока. Но даже въ случаѣ достаточнаго количества молока у матери прикармливаніе ребенка посторонними пищевыми средствами: жидкой пшенной кашей, писпой, квашей,

¹⁾ Въ главѣ о родинахъ было упомянуто о почитаніи воды, о слизваніи ребенка и объ осторожномъ обращеніи съ купелью. Остается добавить, что купель не выливаютъ къ ночи и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ходятъ люди, также подъ дерево, а туда, куда сходятся пчелы. Въ жатву купель бываетъ только по воскресеньямъ.

²⁾ Отъ Маріи Кунаковой, сел. Литвяковъ.

картофелемъ и тыквой начинается рано: на второмъ, третьемъ и четвертомъ мѣсяцѣ жизни дитяти. Эту пищу кладутъ въ свертокъ изъ стараго, мягкаго холста, такъ называемую куклу, и запикиваютъ ею ротъ дитяти. Гораздо раньше полугодія разрѣшаются также дѣтямъ свѣжіе овощи и фрукты. Вода нѣсколько позже, съ 8, 9 мѣсяца, такъ какъ до того дитя поятъ ангелы. Крестьянки никогда не пригоняютъ кормленія грудью къ определенному времени, но кормятъ постоянно, насколько позволяютъ работы: „Якъ заплаче, такъ и цыцьку“, начиная только всегда кормить правой грудью для того, чтобы дитя не было лѣвшею. Недостатокъ или отсутствіе молока у матери настоящее бѣдствіе. Женское молоко замѣняютъ коровьимъ или овечьимъ, разведеннымъ на треть или на половину водою,—иногда совсемъ не разведеннымъ, что зависитъ отъ густоты молока. Кормятъ соской. Но такъ какъ коровье молоко за уменьшеніемъ числа коровъ доставать трудно, то дитя кормятъ указанной выше пищей, также размоченной булкой. Въ такомъ случаѣ дитя иногда умираетъ отъ голода или отъ воспаления кишечника. Еще чаще умираетъ оно, оставшись сироткой безъ матери.

При достаточномъ количествѣ молока въ груди крестьянка старается кормить дитя какъ можно дольше: до двухъ лѣтъ или до новой беременности. „Порожня годуетъ два года“. Стараются не отлучать въ постъ, а предъ постомъ, особенно предъ Спасовкой. Иныя матери выбираютъ для отлученія день рожденія дитяти. Другія предпочитаютъ пятницу. Кромѣ общеизвѣстнаго способа отлученія, т. е. предложенія матерью ребенку черезъ плечо хлѣба и соли, иногда и яйца, съ объявленіемъ: „на тоби хлѣбъ и сіль, а на цыцьку не надійсь!“—есть еще слѣдующіе приемы. Мать надѣваетъ себѣ рубашку грудью на спину для того, чтобы дитя не нашло пазухи; или приchetъ за пазуху щетинную щетку, которою мычуть мычки, тыкаетъ ею ребенка и говоритъ: „вова!“ Также мажетъ сосокъ сажеею и перцемъ. Отлучивъ ребенка, его кормятъ иногда цѣлую недѣлю булкой, размоченной съ сахаромъ. Разъ отлученное дитя нельзя уже подъ опасеніемъ глупости припускать къ груди вторично. Подростая, дитя часто до года произноситъ общечеловѣческія слова: мамо, тато, бабо. До того „гукаетъ“. Если первое произнесенное ребенкомъ слово будетъ мамо, то у матери родится слѣдующее дитя дѣвочка, а если—тато, то мальчикъ.

На третьемъ мѣсяцѣ и раньше дитя уже сажаютъ въ деревянную коробку или сито, а затѣмъ и на полъ. Съ восьми мѣсяцевъ оно уже начинаетъ ходить. Учатъ ходить посредствомъ „постоячки“, состоящей изъ двухъ круговъ на четырехъ ножкахъ. Въ средину ставятъ дитя. Постоячка дѣлается для того, чтобы ребенокъ не мѣшалъ занятіямъ. Вообще по бытовымъ условіямъ мать не можетъ удѣлять много времени дитяти. Большое счастье, если бабуся можетъ замѣнить мать. Въ противномъ случаѣ дитя

отдается на руки старшей сестры, иногда дѣвочки 6—7 лѣтъ. Неудивительно, если охраняемое такою нянькой дитя пощипаютъ гуси или ранить свинья.

Первый годъ жизни ребенка оканчивается маленькимъ семейнымъ праздникомъ — обстрижчынами или пострижчынами. Во время праздника дитя садятъ на столъ, мальчика на сѣнирѣ, для того, чтобы изъ него вышелъ искусный мастеръ, а дѣвочку на конопля въ надеждѣ имѣть въ послѣдствіи хорошую пряжу. Баба, принимавшая ребенка, обрѣзываетъ ему волосы ножницами прежде крестообразно, а потомъ остригаетъ всю голову¹⁾. Конопля отдають бабѣ. Она, домашніе и сосѣдки выпиваютъ полкварти водки и слегка закусываютъ мягкимъ хлѣбомъ съ сметаной или жареной рыбой. У богатыхъ на постригахъ малютку ставятъ ножками въ водку для того, чтобъ скорѣй ходила.

II. Народная дѣтская медицина. Болѣзненные состоянія первыхъ дней жизни. Нервные страданія.

Воспаленіе глазъ новорожденнаго и внутренней части уха (якъ въ ушку крутить), народная медицина лѣчитъ однимъ и тѣмъ же средствомъ — впрыскиваніемъ покорма. Воспаленіе же слизистой оболочки рта — „плиснявку“ (молочницу) — разными средствами. Перевариваютъ „синій каминецъ“ (surgum sulfuricum) съ медомъ и мажутъ языкъ дитяти. Синій камень замѣняютъ иногда перцемъ и гвоздикой. Приобрѣтають въ аптекѣ розовый медъ. Подносятъ дитя къ свиному корыту и мажутъ ему языкъ помоями, говоря трижды: „годи плиснявка нападе, якъ на долони волосся поросте“. Средство это примѣняютъ только тогда, когда кормится черная свинья. Также вытирають ротъ дитяти косою матери. Страданія легкихъ — „стыскы“ („якъ у грудяхъ важко“) думаютъ излѣчить воробьинымъ каломъ („горобынцемъ“) настояннымъ на теплой „стритеньскій“ водѣ, которой трутъ грудь и спину дитяти; даютъ немного и внутрь. Разстройство пищеваренія у дитяти, выражающееся въ рвотѣ и поносѣ, на первыхъ порахъ ничѣмъ не лѣчатъ, считая, что дитя очищается, а отъ запора (якъ не каля) впихають въ задній проходъ кусокъ мыла, смазанный оливой. При рѣзи въ животѣ разбиваютъ яйцо въ горящую водку и прикладываютъ въ тряпкѣ на пупокъ. Прикладываютъ также къ пупку яйцо съ солью. Животъ растирають оливой; внутрь дается отваръ мяты. При разстройствѣ пищеваренія даютъ еще тертый сургучъ съ круглой сѣркой въ покормѣ. Гноеніе пупка залѣчивають покормомъ, а пупочную грыжу загрызають. Грызть съ успѣхомъ

¹⁾ По разъясненію профессора Н. Ѳ. Сумцова постриги — сокращеніе человѣческой жертвы въ смыслѣ *paris pro toto*. Религ. мнѣ. знач. малор. свадьбы. Кіевъ, 1885 г., стр. 8.

можетъ только первенецъ. Онъ трижды приговариваетъ: „ой у грызи девять зубивъ. Одъ девяти до восьмы, одъ восьмы до семи и т. д. одъ двою до одного, одъ одного ни до одного“¹⁾. Кладутъ еще на пупокъ мѣдную монету стараго образца, но пупокъ и животъ никогда не бинтуютъ. При недержаніи мочи подкуриваютъ дитя смолой и калганомъ; при задержкѣ ея—поятъ настоемъ петрушки и сѣкирокъ. Стираютъ скипидаромъ. Красную и пузырьчатую сыпь ничѣмъ не лѣчатъ, полагая, что ребенокъ очищается (дытына цвите, тильце молодытця). Прѣль засыпаютъ гречневой мукой или пылью изъ гнилаго дерева, просѣянными на густомъ ситѣ. Отъ шероховатости кожи—„шерсты“ (щетки) купаютъ въ непочатой водѣ съ золой, просѣянной оборотомъ руки („на выдли“). Отъ рожистаго воспаления прикладываютъ къ покраснѣвшему мѣсту мѣлъ съ однолѣтними побѣгами бузины, или только эти побѣги, предварительно смазавъ воспаленное мѣсто оливой.

Народная медицина не различаетъ опасной формы желтухи (жовтяницы), сопровождающей гноеотравленіе крови, отъ неопасной, состоящей въ простудѣ кожи. Въ обоихъ случаяхъ купаютъ дитя въ купели, приготовленной особеннымъ способомъ. Именно женщина садится на порогъ избы, обнажившись до пояса и прядетъ лѣвой рукой (навпаки). Затѣмъ приносятъ непочатой воды, не здороваясь и не заговаривая ни съ кѣмъ. Воду ставятъ возлѣ порога и черезъ порогъ наливаетъ ночвы, куда бросаетъ упомянутую пряжу. Грѣтъ купель, купаетъ въ ней трижды дитя и выливаетъ воду въ то мѣсто, гдѣ сходятся плетни²⁾. Кромѣ этого способа кладутъ еще въ нагрѣтую какъ обыкновенно купель вѣнчальное кольцо и мѣдные деньги взамѣнъ золотыхъ перстней и червонцевъ, также матирку, горчицѣтъ и „стриючковате зилля“ и купаютъ дитя, и на ночь кладутъ ему подъ головы ножъ.

Подъ сухотами нужно понимать крайнюю худобу ребенка, происходящую отъ дурного содержанія, природныхъ недостатковъ, препятствующихъ питанію, а быть можетъ и отъ наследственной чахотки, по крайней мѣрѣ въ польскомъ языкѣ слово это означаетъ чахотку.

Отъ сухотъ нужно скупать трижды ребенка въ водѣ, въ которую положена земля изъ трехъ нечищенныхъ рвовъ, солома и жито изъ трехъ токовъ и трехъ стоговъ. Послѣ такой купели воду выливаютъ подъ вербу.

Также, нагрѣвъ воду, бросить туда „тричи по девять“ варениковъ. слѣпленныхъ изъ земли, взятой съ покутя. Скупать трижды дитя, а затѣмъ, поймавъ чужое черное животное: курицу, кошку, собаченку, скупать

¹⁾ Отъ Маріи Кириленковой с. Тишокъ.

²⁾ Отъ кр. с. Волчка Маріи Шевченковой.

и его и выбросить на дворъ, а воду слить въ мѣстѣ соединенія шлетней. Животное погибнетъ, а дитя будетъ здорово ¹⁾). Также, сваривъ жидкую кашу съ саломъ, купать въ ней дитя и отдать купель съѣсть собакѣ. Последняя сдохнетъ, а дитя выздоровѣетъ.

Кромѣ того купаютъ дитя въ настоѣ изъ трехъ корней: шиповника (шешыны), терна и чернаго глода или въ настоѣ жостира, глода и калины.

Отъ уроковъ, т. е. лихорадочнаго состоянія, произведеннаго какъ дурнымъ глазомъ, такъ и завистливой похвалой, предохраняютъ дитя тѣмъ, что отправляясь въ церковь, на порогъ хаты колятъ иглой безъ нитки трижды двери крестообразно, начиная съ глухаго угла, а затѣмъ закалываютъ иголку въ шапку дитяти „щобъ нищо не урекло“. Также, унося дитя изъ дома, умываютъ его изъ помойницы. Наступившіе уроки излѣчиваютъ такимъ образомъ: мать беретъ дитя на ладонь и трижды слизываетъ, затѣмъ кладетъ дитя на разостланный мѣшокъ и, переступая три раза черезъ дитя, говоритъ: „яка маты вродыла, тай отходыла“. Послѣ того, мать, оборотомъ руки, ея поверхностью („на выдли“), обмываетъ личико ребенка освященной водой. Заговариваютъ уроки такъ:

„Уроки, урочыща! Тутъ вамъ не буваты, червонои кровы не пыты, жовтои косты не ломыты. Идить соби на очерета, на болота, на дыки степа, де пивень не спива, де козакъ коня не сидла, де сонце не сходе, де людський гласъ не заходе. А ты, вразе, вразочку, Божій чоловічку! Стань соби на мистечку. Викъ викомъ, а судъ судомъ. Аминь тому слову ²⁾). Или такъ:

„Ходылы уроки коло переволокы, а я ти уроки на очерета, на болота, на попови ворота, а зъ тихъ ворить тому (сатани) въ жывить. Дакъ я зъ тебе прынимаю на себе, а зъ себе высылаю на дыма, на болота, на дерева и на очерета. Изъ поповихъ ворить сатани въ жывить ³⁾).

Для излѣченія уроковъ берутъ деркачъ, бьютъ по колыбели, приговаривая: „уроки, сорокы!“ ⁴⁾).

Мать предохраняетъ дитя отъ бессонницы, кладя ему подъ головы на ночь гребешокъ, а подъ подушку головки мака. Даетъ пить макъ ⁵⁾ или впрыскиваетъ въ уши сокъ лука. Нельзя на ночь оставлять ложекъ и ножей въ мискѣ, а гребня въ днищѣ. Бессонница осложняется еще иногда особымъ нервнымъ состояніемъ ребенка — крикливицами, громкимъ крикомъ безъ слезъ, при которомъ дитя запрокидываетъ головку назадъ, „заходытця“. Кричитъ не постоянно, а время отъ времени. Крикливицы могутъ быть до

¹⁾ Отъ М. Шевченковой.

²⁾ И заговоръ, и средство отъ Маріи Кириленковой 46 лѣтъ, с. Тишковъ.

³⁾ Отъ Литвяковскаго дѣда Василя Кириченко.

⁴⁾ Отъ Маріи Шевченковой с. Волчка.

⁵⁾ О вредномъ обыкновеніи понть макомъ у Чуб., т. 4, стр. 17.

шести недѣль естественными, „родовытыми“, а послѣ того „поробленными“, „насланными“ другою женщиною отъ своихъ дѣтей. Крикливицы излѣчиваютъ такимъ же почти приѣмомъ, какъ и уроки. Мать несетъ дитя къ „седалу, пидъ куры“ и кладетъ на землю: дѣвочку лицомъ къ печи, возлѣ которой должна впослѣдствіи проходить большая часть ея жизни, а мальчика лицомъ къ окну. Мать переступаетъ трижды дитя, приговаривая „яка вродыла, тай отходыла“, и переодѣваетъ его въ другую одежду.

Изгоняютъ крикливицы такъ: мать выходитъ изъ хаты и, подойдя къ окну, говоритъ:

— Добривечирь вамъ!

— Здоровы! отвѣчаютъ присутствующіе въ хатѣ.

— Чы дома ваши крыкльвыцы?

— Дома.

— Нехай идутъ до насъ на вечерныци: у насъ музыкы грають, дивкы спивають и крыкльвецъ бажають. Затѣмъ мать обходитъ трижды вокругъ хаты ¹⁾.

Въ другомъ вариантѣ спрашиваетъ постороннее лице, а мать, вымита хату, отвѣчаетъ такъ же, какъ и въ первомъ вариантѣ. Конецъ такой: „Хай идутъ на улыцю, де челядь спивае и крыкльвыцы дожыдае“ ²⁾.

Въ третьемъ вариантѣ женщина заходитъ со двора съ причилка и спрашиваетъ въ окно:

— Добривечирь! чы дома ваши дивыцы?

— Нема нашихъ дивыць, пишлы на вечерныци, понесли крыкльвыцы, сонлывыцы на вечерныци.

Баба повторяетъ вопросъ въ каждое окно.

Есть и заговоръ отъ крикливецъ. Дуютъ на ребенка и, взглянувъ на небо, говорятъ:

„Вы зори, зорныци, Божіи помишныци! Прыйдить, прынесить нароженому, мольтвяному, хрещеному Ивасю соннывыцю, дримнывыцю, а одъ его одберить крыкльвыцы и плаксывыцы и понесить на вечерныци, де дивыцы гуляють. Тамъ ихъ проспивають.

Мать слизываетъ трижды накрестъ дитя и трижды плюетъ ³⁾.

Перехидъ понятіе сложное. Сюда входятъ болѣзненные состоянія различныхъ періодовъ жизни. Подъ переходомъ (родимцемъ) у дѣтей понимаютъ сильныя судороги, осложняющія иногда прорѣзаніе зубовъ, но могущія быть и гораздо раньше, даже при родахъ, какъ было выше объяснено. Ребенка въ переходѣ покрываютъ чернымъ платкомъ или запаской

¹ и ²⁾ Отъ Евгеніи Недилькиной и Анны Мартыщенковой с. Литвяковъ.

³⁾ Отъ г-жи—ской.

и молчать, чтобъ не обезпокоить его. На ночь кладутъ спать на желѣзѣ: серпѣ, долотѣ или лемишѣ ¹⁾. Надрѣзаютъ палецъ отцу, а если его нѣтъ, то матери и, взявъ иглой крови изъ порѣза, пишутъ дитяти крестики на лбу, щекахъ, подбородкѣ, рукахъ и ногахъ. Соски матери смазываютъ смирной.

Впрочемъ народная медицина склоняется къ мнѣнію, что переходъ неизлѣчимъ.

Описокъ растений, употребляемыхъ при женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ и въ дѣтской купели, упомянутыхъ въ сборникѣ:

Сокирки— <i>delphinium ajacis</i> .	Хмѣль— <i>humulus lupulus</i> .
Аеръ— <i>acorus calamus</i> .	Нехворощъ— <i>artemisia scoraria</i> .
Живокость— <i>symphytum officinale</i> .	Деревій— <i>achillea millefolium</i> .
Товстушка— <i>gentiana cruciata</i> .	Чебрець (чепчыкъ)— <i>thymus serpyllum</i> .
Рута— <i>ruta graveolens</i> .	Калина— <i>viburnum opulus</i> .
Огирочныкъ— <i>borrago officinalis</i> .	Гвоздика— <i>tagetes patula</i> .
Оманъ— <i>verbascum nigrum</i> .	Бузина— <i>sambucus nigra</i> .
Хробусть— <i>cirsium oleraceum</i> или <i>carduus crispus</i> .	Жостирь— <i>rhamnus cathartica</i> .
Пивонія— <i>raeonia corollina</i> .	Глодь— <i>crathaegus monogyna</i> .
Ромашка— <i>matricaria chamomilla</i> .	Шиповникъ— <i>rosa canina</i> .
Конопля— <i>cannabis sativa</i> .	Теренъ— <i>prunus spinosa</i> .
	Макъ— <i>papaver somniferum</i> .

III. Колыбельныя пѣсни.

Колыбельныя пѣсни Лубенскаго уѣзда, какъ и всякія другія колыбельныя пѣсни, имѣя задачей усыпить ребенка, характеризуются: монотоннымъ напѣвомъ, обиліемъ уменьшительныхъ словъ дѣтскаго языка съ преобладаніемъ мягкой согласной л, и несложнымъ содержаніемъ, преимущественно изъ жизни животныхъ, окружающихъ колыбель ребенка. Часто колыбельныя пѣсни замѣняются однимъ припѣвомъ: люли, люли, люли.

1.

Ой сонъ ходыть по долини
Клыче маты до дытыны:
Ой, соночку, соколочку!

Иды до насъ въ колысочку,
Прыспы нашу дытыночку.

(записана въ 1891 г. отъ козачки Ксеніи Дивинской м. Снѣтина).

2.

Ходыть сонько по долини
Маты гука до дытыны:
Ой ну, соньку, въ колысоньку

Заколышы дытыноньку.
Вона хоче тай не спыть
Мабуть его дубцемъ быть.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Наталіи Грицаевой 20 л.).

¹⁾ Тоже у Чуб. т. 4, стр. 17.

3.

Ходѣ сонько по комышу Я дытыну заколышу. (записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Гетьмановой 25 л.) (Чуб. т. 4, стр. 20, № 15, А. Начало сходное съ вторымъ варіантомъ).	Иды, соньку, въ колысоньку Заколышы дытыноньку.
--	--

4.

Ходыть сонокъ по долини, Клыче маты до дытыны! Иды соньку въ колысоньку Прыспы нашу дытыноньку. (записана въ 1892 г. отъ кр. м. Снѣтина Марини Василенковой 55 л.)	У насъ хата тепленькая И дытына маленькая; Колысочка новенькая.
--	---

5.

Ой ну люли, люли, Налетилы гули Изъ чужой стороны До нашей дытыны. Сталы думать и гадать Чимъ дытыну дарувать: (въ 93 г. отъ коз. х. Гребищъ, Домникін Гавриленковой).	Чи сонькамы, чи дримкамы, Червоными ягідкамы. Сонькы, дримкы въ головонькы, А ростонькы въ костонькы. Розумъ добрый въ головоньку.
--	--

6.

Ой ну люли, люли! Налынулы гули, Силы на воротяхъ Въ червонихъ чоботяхъ. (записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Харитини Иваненковой 16 л.)	Сталы думать и гадать Чымъ дытыну годувать. Чы кашкою, чы борщемъ, Чы по с..... деркачемъ ¹⁾ .
--	--

7.

вмѣсто первыхъ двухъ строкъ поють:

Налетилы гули (записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Елены Кунаковой 14 л.)	Тай силы на люли.
---	-------------------

8.

Ой ну люли, люли! Прылынулы гули Тай силы на люли.	Тай сталы гадаты Чимъ дытыну даруваты Далы іѣ сонькы,	А сонькы въ головки, А дримныци въ очыци, А ростонькы въ костонькы.
--	---	---

(записана въ 1890 г. отъ Марѣи Малькиной 16 л. с. Волчка).

9.

Послѣ первыхъ трехъ строкъ, такъ:

Сталы думаты, гадаты Що дытыни даруваты. Подаруймо сонькы, дримкы. Сонькы—дримкы въ головонькы, А ростонькы—у костонькы, (записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Гетьмановой 25 л.)	Здоровьячко—у сердечко А розумъ у головоньку. Щобъ спало, щастя мало, И щобъ росло, не болило, Щобъ матинкы не доило.
---	---

¹⁾ Чы пшеничнымъ калачемъ.

10.

Послѣ словъ: „стали думаты, гадаты“, такъ:

Чимъ дытыну забавляты;	Другу квитку дримливую,
Далы ёму тры квиточки:	А третюю—щасливую.
Одну квитку сонливую,	

(въ 93 г. отъ кр. с. Засуля Прасковьи Якимцевой 20 л.).

11.

Послѣ первыхъ трехъ строкъ поютъ:

Ой вы, гули, не гудить!	У насъ дытына маленька
Намъ дытыны не збудить	И спатонькы раденька.

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщины Софіи Писаренковой л. 50-ти).

12.

Налетили гули	Чымъ дытыну годувать?
Посидалы на люли.	Чы кашкою, молочкомъ,
Стали думать, та гадать:	Чы бублычкомъ изъ медкомъ?

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщины Устиньи Початкиной 17 л.).

13.

Послѣ словъ: „въ червонихъ чоботяхъ“, такъ:

Силы на колысци	Изъ вареннячкомъ?
Въ червонимъ намысти.	Чы кутыцею
Стали думать и гадать:	Изъ сытыцею?
Чимъ дытыну годувать?	Чы кашкою, чы борщемъ,
Чы варенычкомъ	Чы по ж..... деркачемъ?

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковиъ Прасковьи Квирленковой 18 л.).

14.

Чы кашкою, чы борщемъ,	Чы лемишкою, кулишемъ?
Чы бублычкомъ, калачемъ,	

(въ 94 г. отъ Д. Гавриленковой).

15.

Ой ну люли, дытя, спать!	Зъ высокои дубыны,
А я буду колыхать.	Зъ червонои калыны
Колыхаю тай не спыть	Для малои дытыны.
Дайте дубця буду быть.	

(въ 93 г. отъ коз. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

16.

Люли, люли, люлечкы,	Заколышу чернобривця.
Шовковиі вирвечкы;	Заколышу, залюляю,
Малевани быльця	Сама пиду погуляю.

(въ 93 г. отъ кр. с. Засуля Прасковьи Якимцевой 20 л.).

17.

Послѣ первыхъ трехъ строчекъ, такъ:

А дытны спытсья.

И ничого не думай.

Засны, засны, задримай

(въ 94 г. отъ кр. с. Литвяковъ Овсія Батиенка 18 л.).

18.

Ой ну люли, люлечкы!

Що Кырылець робыть?

Шовковыи вервечкы,

Винъ лыстонькы пыше

Малеваны быльця.

Дытynu колыше.

Ходимъ до Кырыльця.

(записана въ 1890 г. отъ коз. с. Литвяковъ Ганны Мартищенковой 12 л.).

19.

Послѣ первыхъ трехъ строкъ поють:

А дытны спытсья, и тѣмъ кончають.

(записана въ 90 г. отъ коз. с. Литвяковъ Фодосіи Пулехиной лѣтъ 50).

20.

Послѣ первыхъ четырехъ строкъ также поють:

А въ Кырыльця хресты пышуть

А люлычка малесенька

На люлычку легко дышуть.

Дытя спаты радесеньке.

(отъ кр. с. Литвяковъ Настасіи Шерстюковой 16 л.).

21.

Послѣ первыхъ трехъ строчекъ:

Колыше сестрыця

Братця чернобривця.

(въ 1891 г. отъ кр. х. Тернавщины Даріи Безносовой 18 л.).

Вар., приведенный въ ст. Ящуржинскаго—К. Ст. 93 г., № 7, стр. 82, VIII, схожъ съ настоящимъ

22.

Послѣ словъ:

Що Кырылець робе?

Дытятко колыше.

Пысаночки пыше,

(записана въ 1893 г. отъ кр. с. Вильшанки Маріи Харлановой 50 л.).

23.

Послѣ словъ: „иду до Кырыльця“, такъ:

А въ Кырыльця вечера

Курятына жарена,

Буде рыбка печена,

Лебедына варена.

(въ 93 г. отъ кр. с. Засуля Прасковьи Якимцевой 20 л.).

24.

Послѣ словъ:

Пидъ лавкою заховавъ,

Що Кырылко робыть?

А съ пидъ лавки на торжокъ,

Черевычки кроить.

Тай продавъ за шажокъ.

И пошывъ, покувавъ,

(въ 94 г. отъ коз. х. Гребницъ Домахи Гавриленковой 23 л.).

25.

Послѣ словъ „що Кырыло робыть“, поють:

Нема ёго дома		Та не дорогіи
Пишовъ въ лисъ по дрова.		По тры золотіи.
Сами Кырылята		Не сихъ шевцивъ,
Шіють чоботята		А переясливцивъ.

(записана въ 1890 г. отъ Софіи Писаренковой, кр. хут. Тернавщины Матяшовской вол. лѣтъ за 50).

26.

Послѣ словъ 1-го варіанта—дытыну колыше:

Лыстонькы чытае		Лыстонькы малюе
Дытыну хытае.		Дытыну годуе.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

27.

Ой ну люли тазочки		Пишлы до Кырыльця.
Тамъ шовкови клубочки.		Що Кырылець робыть?
Золотіи крыльця,		Черевычкы кроить.
Малеваны быльця.		

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Березоточи Татьян Пироговой 20 л.).

28.

Дивчачая краса		Пидскочъ пидъ вербыцю,
Пиды до Тараса		По холодну водыцю.
А що Тарась робыть?		—Такъ вовка боюся.
Били лысты пыше,		А вовкъ у болоти,
На княгыню дыше.		А дытына въ срибри, злоти.
Люба й мыла княгыня!		

(въ 93 г. отъ кр. с. Засуля Прасковьи Якимцевой 20 л.).

29.

Ой ну, коте!		Купывъ Ивасю кожушокъ.
Котъ воръ		Ой на Ивасю износы,
На виконечко скикъ.,		Бильшъ у мене не просы.
А зъ виконця на торжокъ		

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки, Матяшов. вол., Зиновіи Дорошенковой 17 л.).

30.

Ой китъ, воркитъ		Дытыни спать не давать.
Скочывъ на виконце,		Ты, котыку, лясны,
А зъ виконця на торжокъ,		То дытына засне,
Купывъ соби пырожокъ.		А ты, сирый, воркны,
Скочывъ на колыску		Дытына умовкне.
Тай ставъ воркотать,		

(въ 94 г., отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

31.

Ой ну, котку воркить,
На колысочку скикъ,
А съ колыскы на торжокъ;
Купывъ соби кожушокъ.
Треба съ того котка знять
Та Ганнуси отдать,

А щобъ було тепло спать
У день, у день и въ ночи,
У запичку и въ печи
И доли и на двори
И въ синяхъ и въ комори.

(въ 1893 г. отъ вр. с. Засуля Прасковьи Якимцевой 20 л.).

32.

Ой кить—воркить
На виконечко скикъ,
А зъ виконьця на торжокъ,
Купывъ соби кожушокъ
И шапочку бибровую

И стѣжечку шовковую
Треба съ котка зняты,
А дытны даты
Щобъ тепленько було спаты.

(записана въ 1890 г. отъ Агафин Шенченковой м. Сяѣтна).

Двѣ пѣсни у Чуб. въ 4 т. схожи съ настоящей: № 27, стр. 24 и № 30, стр. 25.

33.

Ой кить—воркить
По загирьячкамъ скикъ,
Перепелочки ловывъ,
А що вловывъ, тай пропывъ,
Шынкарочци заплатывъ:

— Шынкарочко Галя,
Пошый мени лѣлю,
А я тоби заплачу
Тры пивныка прытащу.

(записана въ 1890 г. отъ козачки с. Волчка Марин Шостаковой 13 л.).

34.

Ой ну люли, кицю,
Пожены тельцю
На попови толоки
Тамъ травыци по боки

Воны напасуться
Водыци напьються
У домъ прытрясуться.

(записана въ 1890 г. отъ Варвары Максимейковой сел. Литвяковъ).

35.

Вмѣсто первыхъ двухъ строчекъ:

Люлю, люлю, люлята

Гонять дивкы телята и т. д.

(записана въ 1890 г. отъ Марин Одокиенковой).

36.

Ой, ну, котусю!
Займы нашу телусю,
Пожены на пашу

Щобъ прынесла на кашу,
А матинка зное
Дытятко напое.

(записана въ 1892 г. отъ кр. х. Николаевки, Матяшевской вол., Веклы Калениченковой).

Вар. Киев. Стар. 1894 г., № 3, № пѣсни 2, стр. 560.

37.

Послѣ первыхъ двухъ строчекъ, такъ:

На попови толоки		Тамъ трава и вода		Воно й напасеться,
Де травыци по боки.		И зелена лобода		Водыци напьеться.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Маріи Киряленковой 40 л.).

38.

Ой ну люли, люлята,		У травыци напасуться,		Часто напувалы
Пасуть дивкы телята		Водыци напьются		Водыцею чыстенъкою
На поповій толоци,		И намъ похваляються:		Травыцею зеленень-
Тамъ травыци по боки.		Що добре выталы,		кою.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребичъ Д. Гавриленковой).

Вар. въ Кіев. Стар. 94 г., № 3, стр. 561.

39.

Люли, люли, люлята		Воны напасуться,
Женуть дивкы телята		Водыци напьются
На попови толоки,		И додомку прытрясуться.
Тамъ травыци по боки.		

(записана въ 1891 г. отъ Литвяковской кр. дѣвочки Маріи Одохіенковой 8 л.).

40.

Вмѣсто первыхъ двухъ строкъ поють:

О ну, люли, кыцю		Пожены тельцю.
------------------	--	----------------

(отъ Варвары Максимейковой).

41.

Послѣднюю строчку замѣняютъ:

Тай такъ полягають		Тай такъ позасыпають.
--------------------	--	-----------------------

(отъ Анны Мартыщенковой).

42.

Или:

Коровка напасетьця		А матинка сдоить,
И до дому прытрясетьця,		Ивася напоить.

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки Зинаиды Дорошенковой 17 л.).

43.

Люли, люли, люлята!		А пастушокъ у мишокъ,
Гонять хлонци телята.		А зъ мишечка въ торбыночку.
Теляточка напасуться		Прыспы нашу дытыночку.
Въ хливець заженуться.		Засны, засны, задримай
Полягають спаты,		Та ничего не думай.
Пастушка сгадають.		

(въ 94 г. отъ кр. с. Литвяковъ Овсѣя Батиенка 18 л.).

44.

Ой, ну люли, котку!...	За ушечко вытягать.	Тай укынемъ въ колыску.
Пишла кыця по водыцю,	Ой будь кыцю весела	Мышка буде граты,
Тай упала у крыныцю.	Пойидемо на села.	А кить буде воркотаты,
Пишовъ котыкърятувать	Тай уловымъ мышку	А дытына буде спаты.

(записана въ 1891 г. отъ кр. с. Литвяковъ Евфросини Бучакиной 60 л.).

У Чуб. т. 4-й, № 26, стр. 24 сходства очень мало, также и въ вар. Ящуржинскаго. Повѣры
родинь. (Кiev. Стар. 7, стр. 82, № VI).

45.

Послѣ 5-й строчки такъ:

Вытягъ кишку за ухо	Тай выорю нывку	Матерынку пожнемо,
Да посадывъ де сухо.	Тай посию матерынку.	Та повеземъ продамо,
Сыды кишко а ты тутъ,	Матерынка цвистыме,	А Параси на плаття
А я пиду найду пруть.	А Парася ростыме.	наберемо.

(въ 1892 г. отъ кр. х. Яновцаны Ѳедоси Бойченковой 19 л.).

46.

Ой ну, люли, люли!	Въ ранци на лавци,—	И пшенычный перижокъ.
Коткови дули,	Нашій дытыни коханци,	Медомъ помажемъ,
А дытынци калачи,	А коханци ляльци	А дытыни покажемъ;
Що спыть удень и въ ноци:	Горилочка въ склянци	Самы зъимо,
Въ ноци на печи,	И медокъ солодокъ	А дытыни не дамо.

(въ 93 г. отъ коз. д. Гребичъ Д. Гавриленковой).

47.

Ой люли, люли,	Кравецъ у хливецъ	А ты коточокъ
Коточкови дули.	Не полохай овецъ.	Не ховайся въ куточокъ,
Настя пава	Пополохавъ вивци,	Та зажены овечокъ
Пыво варыла	Пишлы вивци	Хай воны не блудять.
Кравцивъ маныла.	По идвирцю.	И вовночки не гублять.

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавцины, Матяшовской вол., Софiи Писаренковой 50 л.).

48.

Ой ну, коте муругый,	Та нарубалы хмызку,
Колыбъ намъ такой и другый.	Та заплелы хыжку,
Та запряглы у возокъ,	Та загналы овечечку стрыжку.
Та поихалы въ лисокъ,	

(записана въ 1892 г. отъ кр. м. Сятина Марини Василенковой 55 л.).

49.

Ой ты, коте рябку,	Та выметы сины,	То було бъ васъ пара
Та выметы хатку,	А ты, коте муругый,	И дытына бъ спала.
А ты, коте сирый,	Та якъбыщей другый,	

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

50.

Ой ты, коте сирый,
Ты выметы сины,
А ты, волохатый,
Бижы кругомъ хаты.
Тилькы, котку, не мурчы
Намъ дытыны не збуды.
У насъ дытына маленька.

Вона спаты раденька,
А хочъ хоче, та не спыть
Треба кота дубцемъ быть.
Ой щобъ росло, не болило
И матинкы не доило.
Соньки, дримкы въ головонькы,
А ростонькы на костонькы.

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщины Софiи Писаренковой 50 л.).

Чуб. т. 4, № 23, стр. 23 сходства почти нѣтъ.

51.

Ой ты, коте сирый,
Та выметы сины;
А ты, кишко, не ворчы,
Пиды смиття одымчы.
А ты, коте муругый,
Прыйды до насъ шей другый.
До нашої хаты
Дитокъ колыхаты.

У насъ хата тепленька
И дытына маленька,
Вона спаты раденька.
А щобъ спало не плакало,
А щобъ росло, якъ зъ воды йшло,
А щобъ росло не болило
И въ головци розумъ мило.

(въ 93 г., отъ кр. с. Засульи Прасковьи Якимцевой 20 л.).

52.

Э... э... люлыно,
Засны, мала дытыно!
И щобъ спало не плакало,

И щобъ росло не болило
Й на серденьку не скорбило.

(въ 1892 г. отъ кр. м. Сяѣтина Марiи Денисенковой).

53.

Ой ну люли котарю,
Та выметы кошару,

А ты, котко рудю,
Та выметы грубу,

А ты, котку волохатый,
Тай обметы коло хаты.

(записана въ 1892 г. отъ кр. м. Сяѣтина Марiи Денисенковой).

54.

Ой ты, коте рябку!
Та заметы хатку,
А ты, коте сирый,
Та заметы сины,
А ты, коте рудьку,
Пидтопы намъ грубку;
А ты, коте волохатый,

Та не ходы коло хаты,
Бо побьемо лапкы
Та будуть щемиты
Та будуть болиты
Ничимъ завертиты.
Нема ни платочка,

Нема ни лысточка,
Ни ныточкы шовку
Завязать головку,
А щобъ не щѣмило,
Щобъ не болило
И матинци не надоило.

(въ 93 г. отъ коз. Д. Гавриленковой изъ Гребищъ).

55.

Э... э... коточокъ! ходы до насъ ночувать И дытыну колыхать. Будемъ котка быть, Щобъ не вчывся такъ робыть.	Быйте кота въ губы, Щобъ не просывъ бубы. Быйте кота въ лапы, Щобъ не просывъ папы. За що его дурно быть? (въ 1892 г. отъ кр. х. Тернавщины Даріи Безносовой 20 л.).	Котко буде молотыть. Котко сирый, Та выметы сины. Хоть вымету та не я— Есть у мене кошениа.
--	---	---

56.

Ой, котыку рябку, Та вымитай хатку, А ты, котку сирый, Та вымитай сины,	А ты, котку—котарю, Та вымитай кошару, Выженемо овечкы Щобъ по гирци неходылы	Дитокъ малыхъ не будылы Щобъ вовныци не губылы Въ насъ вовныця дорогая, У насъ дытына малая.
--	--	---

(записана въ 1890 г. отъ кр. сел. Литвяковъ Маріи Одокіенковой 8 лѣтъ).

57.

Ой ну, коте—котарю, Займы вивци зъ кошары. Нехай воны не блудять	И вовныци не гублять. Теперь вовныця дорога, Якъ руненьце, такъ копа.
--	---

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки Зиновіи Дорошенковой 17 л.).

58.

Ой ну люли, китку, Укравъ въ бабы квитку. Ой ну люли, коточокъ, Укравъ въ бабы клубочокъ Тай сховався въ куточокъ. Тилькы видно хвосточокъ Та лапочки кусочокъ.	Треба котыка піймать Тай хвостыка надрубать И шубочку зъ его знять Дытыну вкрывать. Щобъ тепленько було И вельке росло.
---	--

(въ 94 г. отъ воз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

59.

Е-е-е коточокъ Заховався въ куточокъ Тилько видно хвосточокъ Изъ сиренькихъ лапочокъ ¹⁾ . А мы того коточка	Выженемо съ куточка Щобъ по хати не ходывъ И дытяти не збудывъ Бо въ насъ дытя маленьке Воно спаты раденьке.
--	--

(записана въ 1890 г. отъ Агафін Шевченковой 65 л. м. Сяѣтина).

60.

(отъ Анны Мартыщенковой 12 л. с. Литвяковъ, записана въ 1891 г.

¹⁾ Та лапочки шматочокъ, и этимъ кончается пѣсня.

61.

Ой ну люли, коточокъ,
Заховався въ куточокъ,
А дытя якъ прыйшло
Кота въ куточку найшло.
А я того коточка

Та выжену съ куточка
Щобъ по хати не ходывъ
И дытяти не збудывъ.
У насъ дытына маленька
Вона спаты раденька.

(записана въ 1891 году отъ казачки с. Хорошковъ, Свѣтнянской волости, Лубенскаго уѣзда,
Варвары Супруновой 21 года).

62.

Ой, ну люли, коточокъ, | Та поймавъ мышку | Мышка буде граты,
Заховався въ куточокъ | Укынувъ въ колыску. | А дытынка спаты.

(записана въ 1890 г. отъ Ганны Мартыщенковой 12 л. с. Литвяковъ).

63.

Ой ну, китку—котарю, | Тай уловы мышку
Та вымитай кошару | Та вкынь у колыску.

(далѣе какъ въ предыдущей).

(записана въ 1890 г. отъ Харитины Иваненковой 16 л., с. Литвяковъ).

Вар. у Ящуржинскаго (К. Стар., 7, 81 стр., № III).

64.

Ой ну, коту, котивъ два,
Ходить до насъ обыдва.
Ходить до насъ ночувать

Намъ дытыну колыхать
Дытыночка малесенька
Вона спаты радесенька.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Харитины Иваненковой, 16 л.).

65 и 66.

Ой ты, коте чорный,
Та сидай у човень,
Та пойдёмъ на лужокъ

Та наламнымъ квиточокъ
Та забавымъ диточокъ.

(записана въ 1890 г. отъ Варвары Максимейковой 65 л., с. Литвяковъ).

....Повидь у долину по червону калыну.....

67.

Ой ну люли, китку!
Та вкрадь, китку, плитку
Та понесы до Гали
Та положи на лави.
Стала Галя котка быть,
Щобъ не вчывся такъ робыть;
А вчывся робыты,
Черевычкывъ шыты.

И пошывъ, покувавъ
И пидъ лавку поховавъ,
А съ пидъ лавкы на торжокъ
Та продамо за шажокъ
Та купымо перижокъ
И яблучко тее,
Що все золотее.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребичъ Д. Гавриленковой).

68.

Ой ну люли, китку,
Тай укравъ квитку,
Та понисъ до Гали
Положивъ на лави.
Стала Галя котка быть:
Не вчысь котку такъ робыть
А вчыся робыты

Черевычки шыты
Тай не дорогіи
По два золотіи
То по шесть,
То по пять,
Куды ступыть—той рыплять.

(записана въ 1890 г. отъ крестьянской дѣвочки 12 л. Ганны Мартыщенковой).

69.

Первыя 2 стр. такъ:

Э..... э....., китку,

Та вкравъ же винъ плитку (рыбыну).

(въ 92 г. отъ вр. м. Свѣтина А. Гетьмановой).

70.

Послѣ словъ „по два золотіи“:

Та внесы шевцю,
Переясливцю.

Та не пошивъ, покорпавъ
Пидъ лавою поховавъ.

(записана въ 1890 г. отъ кр. Агафіи Шевченковой 60 л., м. Свѣтина).

71.

Второй стихъ замѣняютъ въ с. Волчкѣ такимъ:

Тай укравъ плитку.

(записано въ 1890 г. отъ Марен Малькиной 16 л.).

Ящурж. Кіев. Стар. 7, стр. 82, № VII.

72.

Ой ну люли дытына маленька,
Колысочка новенька,
Въ насъ дытына маленька,
Вона спаты раденька.
Вона хоче тай не спыть.
Дайте дубця кота быть,
Щобъ не вчывся такъ робыть.

Щобъ учывся робыты
Черевыченьки шыты
Та не сѣго ременю,
Прывезены зъ Ромену.
Та не сихъ купцивъ,—
Переясливцивъ.

(въ 1892 г. отъ кр. х. Яновщины Феоосіи Бойченковой 19 л.).

73.

Ой ну люли, котку,
Не лизъ на колодку
Бо забьешъ головку,
Та буде болиты
Ничимъ завертиты.
Нема ни платочка,
Нема ни лысточка,
Одна була хустына

Тай ту вкрала дивчына
На куклы подрала
Куколъ наробыла
Хлопцивъ наманыла,
А хлопци молодци
Куклы попалылы
Дивчатъ попобылы.

(записана въ 1890 г. отъ Варвары Максимейковой лѣтъ 65, с. Литвяковъ).

74.

Послѣ словъ „куколъ наробылы“:

Дитокъ подражнылы. | Куклы погорилы | Дивкы подурилы.

(кр. Марія Одокіенкова восьми лѣтъ, с. Литвяковъ).

Весьма отличные варианты, какъ отъ помѣщенной въ 4 т. Чуб., стр. 23, № 25, колыбельной пѣсни, такъ и отъ находящейся въ „Дитьски пѣсни, казки и загадки“. Кіевъ, 76 г. стр. 7, № 13.

75.

Послѣ словъ „нема ни лысточка“, такъ:

Одна була хустына | Сучы прачкы пралы | Куколъ наробылы
Тай ту въ воду впустила. | На куклы подралы. | Дитокъ поманылы.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Маріи Кириленковой 46 л.).

76.

Ой ты, коте, коте нашъ,	Дытыночку колыхай.
Чы вмѣшъ ты оче нашъ?	Я дамъ тоби молочка
—А я знаю лучше васъ,	И трошечкы маслычка
Бо я въ попа родывся	И сметанкы горщечокъ
Оче нашу навчывся.	За здоревье диточокъ.
—Такъ ты лучше заспивай	

(записана въ 1890 г. отъ кр. х. Тернавщины Софіи Писаренковой, лѣтъ 50).

Чуб. т. 4, стр. 23, № 24, схожи только 2 первыя строчки.

77.

Ой ну люли, коте нашъ!	Тилькы половыну
Чы вмѣшъ ты оче нашъ?	За вашу дытыну.
А я вмюю, та не весь:	

(въ 93 г. отъ кр. л. Гребницъ Д. Гавриленковой).

78.

Ой ну, котку нашъ,	Оче наши переймавъ,
Чы знаешъ ты оче нашъ?	Що я въ попа родывся
Що я въ школи ночувавъ	Оче наши вчывся.

(записана въ 92 г. отъ кр. х. Николаевки Веклы Калениченковой 19 л.).

Чуб. т. 4, стр. 23, № 24, вар. А и В—различны.

79.

Китку рябку!	Мы насіемъ квиточокъ
Та скопай намъ грядку.	Забавляты диточокъ.

(въ 93 г. отъ кр. с. Литвяковъ Маріи Кунаковой 12 л.).

80.

Ой ну, котку рябку,	Ище й пустернаку
Та скопай намъ грядку	Та насадымъ квиточокъ
Малу, невельчку	Забавляты диточокъ,
Якъ изъ рукавычку.	Бо въ насъ диты малынькы.
Мы посіемъ маку	Гуляты раденькы.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

81.

Ой ну люли, гойдаша!
И кобылу и лошя.
Мы кобылу продамо,
Лошя будемъ годувать

По ярмарку пойизжать
И бублыки купувать
И дытыну годувать.

(записана въ 1891 г. отъ коз. с. Хорошковъ Варвары Супруновой 21 года).

82.

Гойдана, гойдана,
Зарижемо барана.
Батькови тулубецъ,

Що хорошій молодець,
А матери голова,

Що хороша, молода,
А Настуси кисточка,
Що хороша дивочка.

(записана въ 1891 г. отъ кр. с. Литвяковъ Евфросиніи Бучачиной 60 л.).

83.

Ой ну люли гойдана
Заризалы барана.
Батькови голова,
А матери стегенце,

А котови г. ,
А дивчыни сльвкы
Съ пидъ чорной свынкы.

(записана въ 91 г. отъ коз. Варвары Коломійцевой 19 л. урож. Радьковой, с. Хорошковъ)

84.

Ой ну люли гойда,
Чужа маты пойда;

Наша маты пани
Въ голубимъ жупани.

Жупанъ загубыла
Безъ сорочки ходыла.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

85.

Ой ну гойда, гойда
Умеръ старый Пойда ¹⁾,

А Пойдыха зосталась
Зъ дитьмы горя набралась.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Харитины Иваненковой 16 л.).

86.

Маты сына колыхала
И дня й ничкы не сыпляла
Ударывъ гримъ на сыній двиръ,

Убывъ жинку, дитокъ двое,
Чорнявіи тай обое.

(въ 1893 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

87.

Ой ну люли спаты,
Пишла маты до роду гуляты.
Тай у мене весь ридъ богатый
Буде мене часто частуваты,

А я буду повну выпываты.
Одъ родоньку пора до домуньку
Пробье мылый мени головоньку.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Евгениі Недильхиной 70 л.).

88.

Ой ну люли, Иване!
Дытя мое кохане!
Якъ я тебе родыла,
Цилу ночку ходыла;

Якъ я тебе оженю,
Сама себе звеселю.
Якъ я тебе въ службу дамъ,
Тоскы, горенька прыдамъ.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

¹⁾ Въмѣсто Пойда поетъ Бойда, Бойдыха.

89.

Ой сыну мій, Иване,
 Дытя мое кохане!
 Куды йдешъ, по сино?
 А що везешъ, солону?
 Визьмы й мене зъ собою,

Буду тобі слугою.
 Буду волю пасты,
 На визъ сино класты.
 Буду волю погонять
 И дытыну колыхать.

(записана въ 1890 г. отъ Агафін Шевченковой м. Свѣтина).

90.

Ой ну люли, котыно!
 Куды йдешъ?—По сино.
 —Беры мене зъ собою:

Буду тобі слугою
 Зъ дытыною малою.
 Буду волю напувать,

И дытыну колыхать;
 И волюкы пасты
 Й сино на визъ класты.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

Вар. Кіев. Стар. 1894 г. № 4, стр. 560.

І. Игры.

І. У т у м а н а

Первое мѣсто между весенними играми принадлежитъ туману, неоднократно описанному малорусскими и польскими этнографами подъ именемъ „крывого танця“ (ср. Быть Подол. Шейк., т. 1, выш. 1, № 12, стр. 27, Чуб. т. 3, № 1, стр. 32—38, Свидн. Велькд. у Подол. Основа 61 г. кн. 11 и 12, стр. 41). Игра эта извѣстна на противоположныхъ концахъ уѣзда: въ с. Шекахъ и Хорошкахъ, на сѣверной границѣ уѣзда, также въ южныхъ и западныхъ волостяхъ: Оржицкой, Великоселецкой, Денисовской и Лазирской. Въ срединѣ уѣзда встрѣчаются тольکو припѣвы, а самая игра уничтожилась. Кромѣ названія, самое выполненіе игры и припѣвы въ Лубенскомъ уѣздѣ разнятся отъ раньше описанныхъ. Такъ, здѣсь треугольнаго городка изъ палокъ не дѣлають, а на землѣ садится трое дѣтей треугольникомъ и рядъ дѣвушекъ, держась краемъ за одного изъ дѣтей обходить въ видѣ ключа всѣхъ остальныхъ, напѣвая:

1.

Туманъ танчокъ выводять;
 Що выведе, тай стане,
 На дивочокъ погляне:
 Чи вси дивкы у таночку?
 Тилькы одніи ¹⁾ не мае,
 Що хороше спивае.
 Мате косу ²⁾ чесала

А, чесучы, навчала:
 А якъ пидешъ у таночокъ
 Не попережай дивочокъ,
 Та не ставай край тумана,
 Бо той танчокъ не злюбыть,
 Ручку, ножку изломить,
 Золотъ перстень издѣме.

(отъ Катерини Гиччиной д. Шекъ).

¹⁾ рожи.

²⁾ рожу.

Въ Великой Селецкой прибавляютъ еще одинъ стихъ:

Та на свою надине.

(отъ Горини Ярмошевой).

Въ с. Хорошкахъ, Свѣтинской вол., предпоследній стихъ такъ:

Бо туманъ руки покаля.

(отъ Вар. Супруновой).

2.

Въ д. Стукаловкѣ, Яблоновской вол., конецъ такой:

Не становись край туманъ,
Бо той туманъ звезде зъ ума.

Винъ за ручку здавивъ,
Золотъ перстень згубивъ.

(Горини Бичевой).

3.

Въ с. Денисовкѣ конецъ измѣняютъ такъ:

Та не становись позъ тумана,
А становись позъ козака.

Туманъ ручку стыскае,
Козакъ перстень здѣймае.

(отъ Вас. Шульгиной, урожд. Бубликовой).

4.

Въ вариантѣ с. Хитцовъ, кромѣ того, что дѣвушка называется рожей, какъ замѣчено въ выноскѣ, еще и наставленіе матери поютъ иначе:

Дочко жъ моя, рожечко!
Не становись край туману.

Туманъ косу рознесе
Въ тихый Дунай понесе.

(отъ Дм. Погорѣлаго).

5.

Въ д. Солоницѣ, Засульской вол., гдѣ игра уничтожилась, въ сохранившемся напѣвѣ туманъ замѣняютъ Дунаемъ и слова матери передаютъ такъ:

Чы пидешъ ты въ таночокъ,
Не становись край Дунаю,

Бо то ричка вреклявая,
Врече тебе й косу твою.

(Пр. Якимцевой).

6.

Въ х. Тернавщинѣ, гдѣ также сохранился только напѣвъ, въ концѣ поютъ такъ:

Маты косу чесала,
Плахту, сынятку давала.
И йи маты науцае:

Не йды, доню, въ танокъ,
Бо тамъ твою косу вречать,
Тебе черезъ Дунай поволочать.

(отъ Д. Безносовой).

7.

Въ с. Загребельи, Яблоновской вол., наставленіе матери такое:

Не становись край короля.
Король пышный якъ дытя.
На ниженьку наступа,

Били рученькы лама,
Золотый персныкъ изнима.

(отъ Нasti Пшенишной).

Всѣ приведенные варианты туманѣ сходны съ вариантомъ III, А, у Чуб. съ тѣмъ главнымъ различіемъ, что въ Лубенскомъ уѣздѣ вмѣсто вдовы, устраивающей танецъ, являются туманъ, Дунай, козакъ и король. Но здѣсь встрѣчаются и другіе варианты, схожіе съ приведеннымъ у Чуб. вар. VIII, въ которомъ осмѣиваются парни.

8.

У кривого танця
Та не выведу кинця.
Треба ёго тай выносыты,
Кинецъ ему тай находыты.
Веду, веду, та не выведу,
Несу, несу, тай не вынесу.
Грайте, дивочки, грайте,
Пылу не сбывайте
И плаття не каляйте.
Шо на дивочкахъ плаття,
Якъ биль билесеньке,
Якъ папиръ тонесеньке,
А на хлопцяхъ плаття

Мишокъ та ряднына,
Зверху шапурына.
Гей, гей, та баранчыку!
Гей, гей, голованчыку!
Куды трава полягла
Туды й коза побигла,
А на кози каптанъ
Соломою напханъ.
А вы, дивкы, грайте
Каптанъ полатайте
Та на школы дайте.
Нехай школа зносыть,
А за васъ Бога просыть.
(Марія Бурхаевой с. Матяшовки).

9.

Въ вариантахъ, записанныхъ за Лубнами, второй половины припѣва совсѣмъ нѣтъ, а одежда молодежи изображается такъ:

Бо на насъ плаття
Все шовкъ та китайка,
Червона окрайка ¹⁾,

А на хлопцяхъ плаття
Михъ та ряднына,
Изъ заткала шапшюрына ²⁾.

(отъ Лиз. Слябиной с. Воронивецъ Лазарской вол. и В. Шульгиной, урожд. Бубликовой, с. Денисовки).

2. Смородына.

Играющіе въ смородыну, называемую также въ с. Волчкѣ игрою „въ жыда“, становятся въ ключъ, съ одного конца котораго двѣ дѣвушки подымають руки; въ эту арку пробѣгаетъ крайняя играющая противоположнаго конца и „тягне за собою увесь ключъ“. Поютъ:

1.

Чы не ягода смородына?
Чы не дивчына выходыла?
Жыдъ иде, коня веде,
Дрибенъ дощыкъ иде,
Роса паде.

Ой, посію лёнъ
Пидъ паньскимъ дворомъ.
Що чорнее кориннячко,
А золоте насиннячко,
А шовковый лёнъ.

(отъ Кат. Гиччиной д. Шекъ).

¹⁾ зверху завывайка.

²⁾ зверху шапчормна.

2.

Въ с. Загребельи три первыя строчки поють какъ въ 1-мъ вариантѣ, а затѣмъ:

Жыдивочка за нымъ иде.
Стой, коню, не бижы,
Жыдивочки пидожды.
Жыдъ иде, коня веде,
Жыдивочка лёнъ бере, лёнъ
Плету, плету плетеныцю

На парубкивъ шыбеныцю ¹⁾.
Жыдъ иде, коня веде,
Жыдивочка лёнъ бере, лёнъ.
Жыденята попереду
Йидяты молоко у середу.

(отъ Н. Пшеничной).

3.

Въ с. Волчкѣ поють иначе:

Жыдъ иде, коня веде,
А за нымъ жыдивка иде.
Постой, жыду, не тикай,
Жыдивочки постривай.
А въ жыдивкы—чорни бривкы,

Высоки пидкивки.
Плахта рябенъка,
Сорочка биленька.
Цуръ ёму батькови,
Яка чепурненька.

(отъ Наталіи Шевченковой).

Игра эта не имѣетъ ничего общаго съ гаивкой Желманъ (Залманъ).

3. К л ю ч ъ .

Въ ключѣ двѣ дѣвушки становятся поднявъ руки вверхъ, а остальные проходятъ у нихъ подъ руками, вытянувшись въ линію, причемъ припѣвають:

1.

—Ой, пустите, пустите на яро-
вый мистъ.
—Не пустымо, не пустымо,—
поламаный мистъ.

—А мы мосты помостымо
И тры ключи положымо
Тай пидемъ.

Послѣ чего первая пара пропускаетъ весь ключъ.

(с. Хорошки).

2.

Въ м. Лукомьи приговаривають такъ:

—Пане, пане! пусты черезъ
мистъ.
—Мистъ поламаний.

—Мы ключи переложымъ тай
перейдемо.

(отъ М. Норовой).

3.

Въ Матяшовской волости приговаривая:

—Пустить у ворота. | —Поламани. | —Прыйдемъ полагодымъ.
Пробѣгають подъ руками.

¹⁾ Эти двѣ строчки включены по ошибкѣ изъ другой игры—лозы, Пшеничной.

(Въ сбор. Чуб. такая игра называется король въ одноключевой формѣ, т. 3, стр. 42, № 3, вар. А).

4. Л о з а.

Въ лозу играютъ такимъ же образомъ, какъ въ смородину и ключъ, пробѣгая всей цѣпью подъ руками двухъ крайнихъ дивчатъ, и припѣвая:

	1.	
Плету, плету лись, лись,		А на дивчатъ плутаныцю,
На шарубкивъ бись, бись,		А на хлопцивъ вишальныцю.
		(въ с. Литвякахъ).

	2.	
Въ м. Лукомьи:		
Плету, плету плетеныцю,		На хлопцивъ короста;
А на хлопцивъ шыбеныцю,		Ни велька, ни мала,
А на дивчатъ роста.		Якъ на дубови кора.
		(Матрени Норовой).

3.

Въ с. Хитцахъ двѣ первыя строчки поютъ такъ, какъ въ Лукомскомъ вариантѣ, послѣднія же двѣ такія:

На дивочокъ гай,		Шобъ вывели край.
------------------	--	-------------------

5. Я щ у р ь.

Игра эта извѣстна только въ м. Лукомьи, пограничномъ съ Хорольскимъ уѣздомъ; здѣсь въ центрѣ круга дѣвицъ, „на коши“, садится парень и ловитъ дѣвку, съ которой снимаетъ платокъ и надѣваетъ себѣ на шею.

Дѣвушки поютъ:		
Сыды, сыды, ящуре,		Кого ймешъ,
Въ хорошему мисти.		Обдерешъ.
Май соби жинку,		Соби грошей наберешъ
Якъ перепилку.		И ящурку спомянешъ.
		(отъ Матрени Норовой).

(Чуб. № 38, стр. 96).

6. Д в в о н ь.

Дѣти, взявшись за руки, становятся въ кругъ. По срединѣ ходитъ одинъ изъ нихъ и говоритъ:

Пишла хмара	А сонечко	
На татара,	По людяхъ.	Дзелень, бевъ, бевъ, бевъ!

Проговоривъ эти слова, играющій подходитъ къ одной парѣ и, опираясь на руки этой пары, спрашиваетъ:

— Яки се ворота?

— Зализни.

Онъ отходить къ другой парѣ и продолжаетъ допросъ:

—А се яки?

—Камяни.

—А се яки?

—Глыняни.

Дзвонъ раздвигаетъ руки и бѣжитъ, остальные играющіе гонятся за нимъ и кто поймаеть—становится въ кругъ.

(отъ Ганны Мартищенковой с. Литвяковъ).

Въ другихъ мѣстахъ Лубенщины играютъ эту игру такимъ образомъ, какъ изложено въ сборн. Чубинск. (т. 3, № 28, стр. 87) и Иванова (№ 62, стр. 54), т. е. безъ припѣвовъ и приговоровъ, или только съ краткими переговорами. Напр. въ м. Лукомья:—пане, пане! на яки мени ворота бигты?—на яки хочъ.—Припѣвъ приведенный въ соч. Максимовича (изд. 77 г., т. 2, стр. 471) другой: „бый, сонечко, татаръ“.

7. Г а д ы л о

(свиня).

Гадыло соотвѣтствуетъ приводимой въ сборникъ Чубинскаго (т. 3, № 29, стр. 88) игрѣ „тикало“. Играющія въ гадыло садятся кружкомъ и которая вибудъ изъ нихъ, зажавъ въ ладонь соломинку, палочку или камушекъ, передаетъ ее слѣдующей, а та своей сосѣдкѣ и т. д. пока стоящая „на коши“ не отгадаетъ у кого въ рукѣ соломинка. У кого въ рукахъ соломинка, тотъ замѣняетъ отгадчицу. Припѣвъ такой:

Гадъ, гадъ, гадыло,
Що по полю бродыло.
Дай, Боже, угадать

У кого свиню взять.
А тоби то оддать.

(М. Норова м. Лукомья).

8. Пижмуркы

(кузьмирка).

Играющіе мальчики и дѣвочки кладутъ одному среди себя по одному или по два пальца на колѣно. Такой счетчикъ считаетъ:

Одіянъ, другіямъ,
Наставъ на баранъ.
Симсотъ груддя,
Поломавъ суддя.

А ты кумъ,
А ты лысь,
А ты—вонъ остушысь!

(с. Литвяки).

Считаютъ и иначе:

Арци, барци,
Ремисварци.

Татагонъ.
Капъ, шляпъ,—

Пиды вонъ!

(м. Лукомье).

Выступающій изъ кружка „жмурытця“ и долженъ ловить остальныхъ до отгороженнаго мѣста—дука. Тотъ, кого поймають внѣ дука—идеть

жмуриться (ср. Чуб., т. 3, № 49, стр. 101 и Иван. № 57, стр. 49. Можетъ быть въ настоящей игрѣ сохранилось воспоминаніе о первичномъ счисленіи по пальцамъ—Тэйл. Перв. культ. Слет. 72 г., гл. 3., стр. 67—78 и 228).

9. Р ё б ь

(хрещикъ).

Въ Лубенскомъ уѣздѣ въ рёба играютъ совершенно такъ, какъ описано въ сборникахъ Чубинскаго (т. 3, № 21, стр. 82 и № 31, стр. 89) и Иванова (№ 66, стр. 55) т. е. одна пара—рёбы или рябы ловить остальные, разбѣгающіяся пары. Число играющихъ ограничено 4—6. Пойманные становятся въ свою очередь рёбами. Мѣстное отличіе игры составляетъ слѣдующій припѣвъ:

Край маты	Не буваты.	Наверстаты
На гори статы,	Или:	Намъ рёбамы
Намъ рябамы	Крайня маты	Не буваты.

(Прасковья Журавлева с. Литвяковъ).

Примѣчаніе. Слѣдующія игры, кромѣ приведенныхъ, встрѣчаются въ Лубенскомъ уѣздѣ или въ такомъ точно видѣ, какъ въ сборникѣ Исаевича: Малор. нар. игры въ окрестн. Переяслава Кіев. Стар. 77 г. Іюнь и Іюль и др., или въ слегка измѣненномъ:

- 1) Ковзалка—катаніе по льду.
- 2) Крутилка—круженіе на саняхъ, привязанныхъ къ шесту, вокругъ вбитаго на льду кола.
- 3) Коромысло—перегибаніе двухъ дѣтей, ставшихъ спиной другъ къ другу и взявшихъ за руки.
- 4) Довга лоза—перепрыгиваніе черезъ лежащихъ или согнувшихся мальчиковъ (см. Свидн. Велькд. у Под. Основ. 61 г. № 11 и 12, стр. 35).
- 5) Тисна баба—нажиманіе другъ друга на скамьѣ.
- 6) Куци-баба (цици-баба по Номису. Осн. 61 г., стр. 36, Рязд. св.)—общезвѣстная жмурки. Въ с. Михновцахъ поймавшій кричитъ: соломнямъ, нямъ, нямъ.
- 7) Рипка—круженіе дѣтей, взявшихъ за руки. Упавшему приговариваютъ: рипкы, рипкы! полетятъ твои къ лыхый годынн диткы (ср. Иван. Сбор. въ Хар. Ист.-Фил. Общ. т. 2 № 56, стр. 49).
- 8) Квакъ или квачъ—плеваніе сквозь руку. Оплевавшій себѣ руку ловитъ остальныхъ, которые, разбѣгаясь, кричатъ: а я квака не боюсь, за дерево не держусь. (Ibid. № 54, стр. 48).
- 9) Перевозъ бабы—бросаніе камешковъ по водѣ съ приговоромъ: „диду, диву! перевезы бабу. Якъ не перевезешъ, той самъ пропадешъ!“
- 10) Генъ-генъ, иначе кобець—бросаніе ножа съ кулака, головы, зубовъ.

11) Пошывайло—по Чуб. жгутъ (№ 39, стр. 96) у Иванова—швай (№ 42, стр. 42). Играющіе бьютъ жгутомъ сидящаго „на коши“, покуда тотъ не схватитъ жгута. Въ с. Хитцахъ жгутъ называется „карбачъ“, а бьющій—„жгунъ“. Въ х. Николаевкѣ эту игру называютъ овсянкой.

12) Шкереберть (у Ив. шкопырь, № 4, стр. 20)—бросаніе палокъ сразу нѣсколькими мальчиками. Чья палка упала ближе всѣхъ, тотъ чешетъ ею по спинѣ остальныхъ, приговаривая:

—Комарю, комарю! що тебе куса?

—Вошъ та блоха.

—Тилькы палокъ?

—Шистъ.

—Чія палка?

—Моя.

Или иначе. Тотъ, кто чешетъ, спрашиваетъ:

—Чого тобі дать?

—Мякушки.

Спрашивающій чешетъ слегка.

—Скорыны,—чешетъ сильнѣе.

13) Игра въ цурки (гела, дучковая или масло) играется точно такъ, какъ описано въ сбор. Иванова подъ №№ 1 и 2, стр. 13—14.

14. Такія же какъ въ сб. Исаев. и Ив. игры въ мячъ: высокій дубъ Ив. № 18, стр. 28) пилка (матка № 20, стр. 28) туча (городокъ, № 21, стр. 30). Въ с. Волчкѣ есть неописанная еще игра „въ рушлята“. Здѣсь играющія дѣти копаютъ ямки и катятъ мячъ. Тотъ, въ чью ямку попадетъ мячъ, бросаетъ имъ въ остальныхъ, а въ случаѣ промаха, въ ямку его кладутъ прутикъ или соломинку (рушлята). Въ чьей ямкѣ накопится болѣе шести рушлять, того „гонять скривъ строй“.

15) Просо играется такъ же, какъ въ сб. Чуб. (№ 11, вар. 1, стр. 65—66) и Ив. (№ 80, стр. 66). Мать гонится за дочкой съ прутикомъ, приговаривая: проса жать!—Не хочу.—А замижь?—Хоть и заразъ.

16) Точно также играютъ въ бычка. Мать говоритъ дочкѣ: иды бычка пасты. Та отвѣчаетъ: не хочу. Мать бьетъ ее прутомъ и гонится подъ руками играющихъ.

17. Игра въ ката и мышъ отличается отъ помѣщенной въ сб. Чуб. (№ 55, стр. 105) и Иван. (№ 61, стр. 53) лишь припѣвомъ:

Бижы, бижы, мышко, до моря,
А де золотая коморя.

Шо добрая мышка та втекла,
Ледачий котыкъ не піймавъ.
(отъ Зиновія Конвисарь с. Песокъ).

18) Зайчыкъ—тождественъ съ игрой, описанной у Чуб. (№ 9, стр. 59—63), Ив. (№ 89, стр. 72—74) и въ Кіев. Стар. 92 г., № 6, стр. 447. съ прибавленіемъ только четырехъ строчекъ припѣва:

Ой скоць, куды хочь,
Куды маты вельть,

Куды твоя, зайчыку,
Голова не болыть.

(х. Николаевка).

Или:

Сюды скикъ, туды скикъ,—
Такъ не выскочышь!

У мене ворота позамыкувани,
Жовтимъ пискомъ позасыпувани.

(с. Великая Селецкая).

19) Въ Лубенскомъ уѣздѣ есть и другая игра въ зайчика, ошибочно помѣщенная въ сборникъ Чуб. подъ однимъ № съ предыдущей, на самомъ дѣлѣ не имѣющая ничего съ ней общаго. Это скорѣй дѣтская пѣсенка, при которой дитя слегка потягиваютъ за ушко:

Зайчыку, зайчыку!
Де ты бувавъ?
—У млыни, у млыни.
—Що ты выдавъ?
—Симъ михивъ,

Горихивъ.
—Чомъ ты не вкравъ?
—Былы мене, зайчыка,
Золотіи пальчыкы

Ледве я втикъ,
Черезъ попивъ тикъ.
Лапкы попикъ.
Скаву, скаву, скаву!

(Ганна Мартыщенкова с. Литвяковъ).

Въ с. Волчкѣ послѣ шести первыхъ строкъ пѣсню измѣняютъ такъ:

.....Чомъ ты не вкравъ?
А яжъ бувъ укравъ,
Та нагналы кралчыкы.
Та побылы пальчыкы.

А я бувъ утикъ
Черезъ попивъ тикъ,
Та черезъ колоду
Та впавъ у воду.

(Нат. Шевченковой).

Въ м. Лукомья прибавляютъ еще:

Черезъ лиску пlyingавъ,
Конопелькы трищать,

Горобейкы пыцять.

(Матр. Норова).

20) Общеизвѣстная игра въ гуси играется совершенно такъ, какъ описано у Иванова (№ 68, стр. 59). Маленькое различіе замѣчено мною только въ с. Воронинцахъ, гдѣ мать, когда уже всѣ гуси переловлены, подходитъ къ волку и спрашиваетъ его:

—Шо то сычыть?

—Шо то цокотыть?

—Баба просо сыпле.

—Баба ложки мые.

21) Воронъ такой же, какъ въ сб. Ив. (№ 67, стр. 57) съ слѣдующимъ отличіемъ: когда у матери остается лишь непосредственно стоящая за нею красна дочка (красна дивка въ сб. Иван.), то первая спрашиваетъ ворона:

—Вороне, вороне! шо въ тебе сзаду?

—Качалка.

—Въ мене дочка Наталка,—такъ не вдарышь!

Затѣмъ мать еще нѣсколько разъ обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ ворону, который даетъ послѣдовательно такіе отвѣты:

- Ложка.
- Въ мене дочка ворожка.
- Пляшка.
- Въ мене дочка Мелашка.
- Рубель.
- Въ мене дочка зъ Лубень.
- Мыска.
- Въ мене дочка Орышка.
- Макогинь.
- Ну, бый же мою дочку навздогинь.

(отъ М. Норовой и. Лукомья).

22) Игра въ гори-дуба—горѣлки—тождественна съ описанною у Ив. (№ 4, стр. 55) и у Чуб. (№ 47, стр. 101).

23) Игра въ Кострубонька уничтожилась на нашихъ глазахъ. Осталась дѣтская пѣсенка: „померь, померь Кострубонько“, приведенная у Максимовича (собр. соч. т. 2, стр. 521).

24) Въ южной части уѣзда извѣстна игра „шумъ“, въ которой ключъ идетъ подъ руками двухъ дѣвушекъ. Пѣсня такая какъ у Шейк. Быть Под. (№ 9, стр. 21) и Чуб. (№ 6, стр. 50—52) съ слѣдующимъ добавленіемъ:

Шо дыво, шо за дыво!
Дивка парубка прыбыла

И сорочку зняла
И прочухану дала.

(отъ Марен Татусевой и. Оржицы).

25) Король въ круговой формѣ играютъ такъ, какъ въ сб. Иванова (№ 90, стр. 75), Лысенка (№ 40, стр. 91), Чуб. (№ 3, вар. В., стр. 42). Пригѣвъ такой:

Король край города ходыть
Король городъ отворяе,

Король дивчатъ разглядае
У городъ загоняе и т. д.

(с. Денясовка).

Или:

Король городъ занима,

Король дивчатъ вызволя.

(х. Николаевка).

Или такъ еще:

Король городъ занимае,

Король зъ вѣйска выступае и т. д.

(х. Яновщина).

Конецъ общеизвѣстный.

26) Затѣмъ въ Лубенскомъ уѣздѣ есть, конечно, много игръ, изображающихъ дѣйствительность: брачный обрядъ, похоронный обрядъ (какъ въ Бѣлгор. у., о чемъ въ Киев. Стар. 90 г., № 8, стр. 320), кража баштана (Ив. № 44, стр. 44). Брачный и похоронный обряды изображаютъ и посредствомъ куколъ, состоящихъ изъ четырехугольной головы, въ платкѣ или очипкѣ.

Лицо куклы перекрещено черными и красными нитками заполочи. Туловище одѣто въ цвѣтной лоскутокъ; рукъ и ногъ нѣтъ.

27) Игры въ карты, названіе мастей (чирва) дзвинка (бубны) хрести (жыръ) трефи и вино (пики) и фигуръ такое же, какъ въ Переяславѣ по описанію Исаевича.

II. Улицы и досвитки.

Съ открытіемъ весны небольшіе кружки дѣвушекъ сосѣдокъ и сверстницъ выходятъ на улицу „на веснянку“. Дѣвчонки 9—11 лѣтъ сходятся отдѣльно, подростки (дивочки, дивчата) и взрослые (дивки) также отдѣльно. Такъ какъ начало весны бываетъ въ великомъ посту, то крестьянская дѣвушка Лубенскаго уѣзда спѣшитъ отговѣться на второй, даже на первой недѣлѣ, а на третьей—выходитъ на улицу. Улицы собираются на берегу рѣки, на выгонѣ, возлѣ сада, у мельницы, на курганѣ или остаткахъ вала, съ сумерекъ до 10-ти часовъ вечера, а по праздникамъ и днемъ. Во многихъ селахъ и мѣстечкахъ парни дѣлаютъ кругъ въ видѣ стола. около котораго садятся съ дивчатами. Это огражденное пространство называютъ дукомъ, какъ и въ народныхъ играхъ. Въ другихъ мѣстахъ (Лукомье) вырѣзаютъ отдѣльныя скамьи дѣвкамъ и парнямъ. Дѣвица, не явившаяся на улицу, ея мать или хозяйка подвергаются насмѣшкамъ. Имъ „приспивуютъ“ насмѣшливыя веснянки. Затѣмъ парни отрываютъ и заносятъ ворота со двора неявившейся дивчины ¹⁾. Главнымъ занятіемъ на улицѣ бываетъ пѣніе веснянокъ съ открытія весны до свѣтлаго праздника, петривокъ въ Петровъ постъ до 29 Іюня, любовныхъ пѣсенъ и модныхъ романсовъ въ остальное время.

Тѣ же самыя кружки дѣвицъ, которые распѣвали веснянки и петривки на улицѣ съ 1-го Сентября, мѣстами съ 8, 14, или съ Покровы „просятъ на досвитки“. Число дѣвушекъ на досвиткахъ зависитъ между прочимъ и отъ размѣра помѣщенія, почему не можетъ быть велико (3—12, большею частью 5—7). Большее число стѣснило бы, какъ самихъ дѣвокъ и хозяевъ, такъ и парней. Досвитки собираются у того изъ сосѣдей, который согласится предоставить свое помѣщеніе для такихъ собраний. При чемъ просьба пустить досвитки обращается къ хозяйкѣ, а не къ хозяину дома. Зажиточные хозяева и вообще серьезные люди не допускаютъ вблизи себя досвитокъ, потому что послѣднія осложняются иногда беспорядками. Напримѣръ парни, добиваясь къ дѣвкамъ, могутъ иногда сломать плетень, завязать двери избы, выбить окно. Ворвавшись въ избу, они могутъ также разбить лампу, вытолкать изъ досвитокъ дѣвку, обманувшую ихъ, или

¹⁾ А не за дурное поведеніе, какъ сказано у Чуб. т. VII, ч. 3, стр. 451.

слишкомъ разборчивую сельскую красавицу, выбросить наконецъ ея прядку. Только всего. Особенно дурнаго вліянія на нравственность досвитки не имѣютъ. Условія найма помѣщенія такія: дѣвки прядутъ въ пользу хозяевъ (досвичанихъ батька и матери) съ пятницы на субботу черезъ недѣлю, иногда третью только пятницу по 2—5 пасомъ или шьютъ и вышивають. Мѣстами (Лукомье) даютъ повисмо конопель и коробку пшеницы, или два повисма (с. Новаки). Затѣмъ, сборъ отъ щедривки или колядки остается хозяевамъ. Посѣтительницы приносятъ также хозяевамъ по хлѣбу въ три праздника: на рождество, новый годъ и крещенье, иногда по куску сала (с. Новаки), а парни—еще и по 5 коп. Каждая дѣвушка по очереди освѣщаетъ досвитки, покупая 1½—2 ф. керосина въ недѣлю. Открытіе досвитокъ на праздникъ св. Семена—лѣтопроводца не сопровождается уже въ настоящее время музыкой и угощеніемъ. Дѣвки входятъ обыкновенно въ досвичаный домъ, приговаривая: „Господы поможы! Дай, Боже, въ добрый часъ! Щобъ легенько и веселенько, щобъ ходылось и хотилось, до всихъ хлопцивъ реготилось! Нумъ спиваты—чы весела хата?“ Часовъ въ 9—10 подходятъ парни. Правомъ посѣщать досвитки и быть принятымъ въ компанію пользуются тѣ изъ парней 15—16 лѣтъ, которые „укуплятця у парубкы“, т. е. угостятъ трижды полуквартой водки все общество парней. Если мальчикъ присосѣдится къ досвиткамъ безъ такого угощенія, то его насильно неровно стригутъ и обливають сажей—„брѣютъ“. Парни, явившись на досвитки, обмѣниваются привѣтствіями:

Здрастуйте вамъ! Боже поможы!

—Здрастуйте. Спасыби.

Потомъ знакомятся съ хозяевами такимъ образомъ:

—А ну, який тутъ батько та маты?

Хозяинъ отвѣчаетъ:

Дывысь, ось який.

Завязывается общій разговоръ: гдѣ открыты по селу досвитки, куда ходятъ какія дѣвки.

Когда парни обойдутъ такимъ образомъ всѣ досвитки на селѣ, тогда молодежь ложится спать на соломѣ, покрытой рядномъ. Если парень помѣстится возлѣ дивчины, ему не сочувствующей,—последняя скрывается на печь („спече, дае гарбуза“). Огорченный парень разбиваетъ лампу, иногда „штовхне и дивку“. Обязанность купить новую лампу лежитъ, въ этомъ случаѣ на дѣвущкѣ. Печь служитъ убѣжищемъ дивчинѣ и тогда, когда за нее заспорятъ два парня до тѣхъ поръ, пока одному изъ нихъ или третьему лицу не будетъ оказано предпочтеніе. Если дѣвущкѣ понравится сторонній парень (лицомъ, рѣчами, „натурой“) то онъ освобождается отъ преслѣдованій мѣстной молодежи, „оплатившысь за свою дивку“, обыкновенно полквартой водки.

Занятія дівчатъ собственно на досвиткахъ, т. е. на вечернихъ собраніяхъ по буднямъ заключаются въ шитьѣ, вышиваньи и особенно въ пряжѣ. За вечеръ дѣвушка нарядетъ отъ 2—3 мычекъ, 4—5 пасомъ, а въ 5—7 зимъ приготовитъ себѣ цѣлое приданое: хустки, рушники, рубашки, рядна и нитки. Отъ досвитокъ нужно отличать: 1) попряхи—дневныя собранія дѣвушекъ въ досвичаной хатѣ безъ участія парней для пряжи и другихъ работъ. Онѣ начинаются позднѣе досвитокъ, послѣ Покрова; 2) вечерницы—вечернія, коротенькія собранія по субботамъ и наканунѣ праздниковъ. На вечерницахъ молодежь проводитъ время въ пѣніи, разговорахъ, слушаніи сказокъ и отгадываніи загадокъ; 3) грыща. Въ большей части Лубенщины каждая отдѣльныя досвитки по годовымъ праздникамъ (на пуцання, на второй день рождества и на крещенье) замѣтно оживляются: дѣвки приносятъ изъ дому сала, колбасъ, картофеля, огурцовъ, капусты, пшеничной и гречневой муки. Парни доставляютъ водку. Приготавливается ужинъ, занимается музыка. Молодежь веселится, танцуетъ и поетъ. Такія отдѣльныя праздничныя досвитки часто называютъ „грыща“. Но подъ тѣмъ же названіемъ извѣстны собранія другого рода. По направленію къ Лубнамъ, въ с. Волчкѣ, Бересточи, въ Засульской волости, сохранились еще грыща въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. соединеніе нѣсколькихъ досвитокъ въ одной болѣе просторной избѣ,—нѣчто вродѣ народнаго бала, на которомъ бываетъ 50—60 гостей. Провизія, водка и музыка поставляются на грыща тѣми же лицами, что и на досвиткахъ. Здѣсь въ особенности молодежь пляшетъ, гадаетъ ¹⁾, переодѣвается въ дидовъ, солдатъ, вообще „гарюе“ (шалить). Здѣсь же устраивается и отсюда направляется праздничный фарсъ, изображающій ухаживанье стараго волокиты въ маскѣ (машкара или мачкара) за молодицей или дѣвушкой (меланкой) ²⁾. Впрочемъ въ д. Шекахъ есть и на обыкновенныхъ досвиткахъ зачатокъ маскарада, болѣе развитого на рождественскихъ играхъ. Тамъ дѣвчонки переодѣваютъ одну изъ себя въ дида съ бородой изъ конопли, другую въ молодицу въ очипкѣ, остальныхъ въ цыганокъ съ лицами, запачканными сажей, и ходятъ въ такомъ видѣ по досвиткамъ.

¹⁾ Мѣстные способы гаданья приведены въ очеркѣ Рожд. Святки въ сѣв. ч. Лубенск. уѣзда стр. 19—22. Къ числу гаданій, не упомянутыхъ въ томъ очеркѣ принадлежатъ слѣдующія: въ ночь подъ новый годъ дѣвушки с. Волчка замыкаютъ скриню и ключъ привѣшиваютъ себѣ къ поясу, приговаривая: „суженый! прийдь одимкны“. Вѣрятъ, что суженый отомкнетъ во снѣ сундукъ. Также спускаются ночью въ погребъ, приговаривая: „суженый покажись!“ Послѣдній покажется при выходѣ дѣвушки изъ погреба. Въ м. Лукомъи дѣвица, ложась спать, ставитъ себѣ въ головы миску съ водой и четырьмя соломинками, положенными крестообразно, изображающими мостъ, и приговариваетъ: съ камъ я буду черезъ сей мистъ ити, съ тымъ буду вить викувать. Парень, идущій во снѣ черезъ мостъ и есть суженый.

²⁾ Ibid., стр. 13—14.

III. Пѣсни молодежи

(челядски).

Главнымъ развлеченіемъ дѣвушекъ на улицахъ и досвіткахъ служатъ пѣніе. На улицахъ, какъ замѣчено выше, поются веснянки и петривки; на досвіткахъ свадебныя пѣсни въ сезонъ свадебъ, подъ рождество—колядки и щедрилки, также модныя романсы ¹⁾ и особыя вечерничныя пѣсни, такъ называемыя трендычки.

Веснянки, по замѣчанію покойнаго Костомарова, сдѣланному въ сороковыхъ годахъ ²⁾, посвящены преимущественно знакомству молодыхъ людей между собой и начинающейся жизни. Въ нихъ заключается только зародышъ любви, предчувствіе или возможность ея въ будущемъ, а не самое чувство, оттого немного веснянокъ проникнуто нѣжностью, большинство ихъ блѣдно и холодно. Главное содержаніе веснянокъ: призывъ дивчатъ и парней на улицу, сожалѣніе объ отсутствующихъ, насмѣшки надъ отдѣльными лицами, соперничество улицъ, кутковъ и сель. Веснянки состоятъ изъ 2—3 куплетовъ, однообразныхъ по размѣру и мотиву, съ протяжнымъ окончаніемъ. Въ мотивѣ чувствуется свѣжесть ранней весны ³⁾. Область наибольшаго развитія веснянокъ—сѣверныя волости. Къ югу отъ Лубенъ веснянокъ меньше. Тамъ ихъ смѣшиваютъ иногда съ приведенными выше весенними играми у туманѣ и др.

Дальнѣйшую ступень сближенія молодежи изображаютъ петривки. Онѣ глубже, страстнѣе и колоритнѣе веснянокъ, такъ какъ главное содержаніе ихъ составляютъ различныя проявленія романической любви: мечты дѣвушки, побѣгъ изъ заключенія, свиданія на улицѣ, похищеніе, ревность, проклятія, смерть любовника. Почти всѣ эти событія происходятъ въ обстановкѣ короткой лѣтней ночи. Петривки одного размѣра и поются всѣ на одинъ голосъ. Мотивъ ихъ нѣженъ и мечтателенъ ⁴⁾. Петривки не соотвѣтствуютъ болѣе дѣйствительности и вымираютъ. Всего крѣпче держатся они въ сѣверной Лубенщинѣ и вблизи Криницы, гдѣ происходятъ состязанія хоровъ дѣвицъ на криницкой ярмаркѣ, неоднократно описанной ⁵⁾.

¹⁾ Въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

Ой, що тамъ изе
У зеленій юци?

Щыколатове лице,
Розовіи губки. . и т. д.

²⁾ Молодыкъ 44 г. прим. къ ст. Б. Сементовскаго: Очеркъ малор. повѣрій и обич., стр. 91.

³⁾ Мотивъ записанъ въ сб. А. Маркевича. Зап. о Южной Руси. Кулиша т. 2, 57 г., № 6, стр. 241.

⁴⁾ Мотивъ петривки сообщенъ Л. А. Я—ской, за что свидѣтельствую глубокою признательностью.

⁵⁾ См. ст. О. Левицкаго въ Киев. Стар. 83 г., Сент. и Окт. стр. 301—309.

Напротивъ, большинство трендычекъ заключаютъ въ себѣ насмѣшливое отношеніе къ любви, ея оборотную сторону. Профессоръ Н. Ѡ. Сумцовъ опредѣляетъ вечерничныя пѣсни какъ бытовыя, содержащія въ себѣ сценки изъ семейной жизни, любовныя желанія и шутки ¹⁾. Но, приближаясь такимъ образомъ по содержанию къ нѣкоторымъ веснянкамъ, трендычки отличаются отъ послѣднихъ разнообразіемъ формы, пригѣвомъ, котораго никогда нѣтъ въ веснянкахъ, отсутствіемъ опредѣленнаго голоса, такъ какъ трендычки поются на извѣстный плясовой мотивъ. Живой, бойкій мотивъ необходимъ здѣсь потому, что дѣвушка, мурлыкая трендычку, разгоняетъ сонъ. Цикль „челядскихъ писень“ заканчивается любовными, въ которыхъ замѣтно преобладаетъ трагическая сторона любви.

В е с н я н к и.

1.

Тыны мои высокіи
Перелазы низьки.
Збирайтея подружечки
Далеки и близьки.

Збирайтея подружечки
Де вчора гулялы.

Уже наши васылечкы
Одъ сонця повьялы.
Нехай вянуть, нехай вянуть,
Нехай повсыхають,
А якъ піде дрибенъ дощыкъ,—
То поожывають!

(въ 98 г. отъ кр. х. Николаевки Орны Шевченковой 18 л.).

2.

Ой высоки огороды,
Перелазы низьки,
Збирайтея подружечки
Далеки и близьки!

Збирайтея подружечки
Де вчора стоялы,

Бо вже наши васылечкы
Одъ сонця повьялы.
Нехай вянуть, нехай вянуть,
Воны поодходять.
Нема нашихъ парубьятокъ,
Воны повыходять.

(въ 89 г. отъ кр. м. Свѣтина Ульяны Выборной 25 л.).

3.

Летыть сова подовшъ села
Опустыла крыла.
Выйды, выйды, дивчынонько,
Выйды чорнобрыва.

Летыть сова подовшъ села,
Опустыла брюхо,
Выйды, выйды, дивчынонько,
Чортова брехухо!

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

4.

И дощъ иде, вода реве,
А колесо креше,
Що хлопчына правду каже,
А дивчына бреше.

И дощъ иде, вода реве,
Въ очерети сухо,
Выходь, выходь, дивчынонько,
Наша щебетухо!

(въ 95 г. въ с. Черевкахъ).

¹⁾ Въ ст. о досвѣтк. и посидѣлк. Киев. Стар. 86 г., № 3, стр. 427.

И дощъ иде, роса пада,
Въ очерети сухо.

5.

Выйды, выйды, Марусенько,
Наша голосухо!

(въ 88 г. отъ Пр. Занкиной х. Кремьянки).

Якъ пидійду пидъ виконце
Маты горохъ варыть,
Свою дочку—одынычку
За юлыцю сварыть.

—Годи тобі, моя маты,
Гороху варыты,
Пусты дочку одыныцю
Хочь поговорыты.

6.

—Не для тебе, скурвый сыну,
Я дочку вродыла,
Щобъ я тобі протывъ ничкы
Гуляты пустыла.

—Пусты мене, моя маты,
На часъ на часочокъ
Роспустыты по ярочку
Громкый голосочокъ.

(въ 91 г. отъ кр. х. Яновщины Ульяны Бондаренковой).

7.

Чы у тебе, дивчынонько,
Не ридная маты?
Уся челядь на юлыци,
А ты лягла спаты.

Чы у тебе, дивчынонько,
Не братъ, не сестрыця?
Що мы выйшлы на улыцю,
А ты якъ черныця.

(въ 88 г. отъ У. Выборной м. Сябтина).

Вар. I въ с. Волчкѣ 2-й куплетъ такъ:

Хочь ридная, не ридная
Вона волю мае.

Свою дочку одыныцю
За улыцю лае.

(въ 95 г. отъ кр. Наталіи Шевченковой с. Волчка).

Вар. II с. Литвяковѣ 2-й куплетъ такъ:

Ой треба жъ тій та матинци
Горщокъ квашы даты,

Щобъ пустыла дивчыноньку
До насъ погуляты.

(въ 95 г. отъ кр. Маріи Кунаковой 16 л.).

8.

Лала, лала! мате была
Та выгнала съ хаты.

Иды дочко, Галютотчко,
Веснянкы спиваты.

(въ 89 г. отъ коз. с. Литвяковѣ Марини Мартыщенковой).

9.

Що на нашій на юлыци
Знесла курка коко.
Хто не выйде на улыцю,—
Той вылизе око.

Щой на нашій на улыци
Знесла курка двое,
Хто не выйде на улыцю,
Вылизуть обое.

(въ 93 г. отъ О. Шевченковой х. Николаевки).

10.

До насъ, до насъ, парубьята!

До насъ погуляты.

Ой есть у насъ по персынку
Будемъ даруваты
До насъ, до насъ, парубьята!
До нашої ричкы,
Помостылы дивкы кладку

Съ червонои стричкы.
До насъ, до насъ, парубьята!
До нашої честы,
Наварымо варенычкывъ
Зъ собачои шерсты.

(въ 89 г. отъ кр. м. Свѣтина Ул. Выборной).

11.

До насъ, до насъ, мойсіевци! ¹⁾
До насъ ни до кого!
Намочылы вамъ горилкы,
Для васъ ни для кого.

До насъ, до насъ, мойсіевци!
До нашої ричкы,
Помостылы вамъ мосточокъ
Съ червонои стричкы.

(въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

12.

До насъ, до насъ, подоляне!
До нашої ричкы,
Положымо мы кладочку
Съ червонои стричкы.

Червоная не такая,
Голубая краще—
Ой, бодай васъ, подоляне,
Та напала трясця.

(въ 93 г. отъ кр. с. Волчка Матрены Этворовичъ 19 л.).

Въ с. Пескахъ 3 и 4 стр. такъ:

Положымо тры клаптыка

Червонои стричкы.

Вмѣсто голубая—зеленая.

(въ 95 г. отъ Зиновіи Конвисарь).

13.

До насъ, до насъ, парубьята!
Та до нашихъ дивочокъ,
Наварымо варенычкывъ
Съ червонихъ ягідочокъ.

До насъ, до насъ, парубьята!
До нашої ричкы,
Покладемо вамъ кладочки
Съ червонои стричкы.

(въ 94 г. отъ мѣщ. с. Литвяковъ Варвары Кузнецовой 16 л.).

14.

До насъ, до насъ, юсковчане,
До нашего броду.

Помостымо вамъ кладочку
Зъ колющого глоду.

(въ 95 г. отъ кр. с. Юсковецъ К. Крытовой 19 л.).

15.

До насъ, до насъ, та хлопьята!
До нашої рады.
Насбираймо дижку помый
Зъ усіи громады.

Якъ будете выпываты,
Будемъ дольваты,
Та все своихъ та хлопьятокъ
Будемъ шануваты.

(въ 93 г. отъ кр. Улиты Кучеренковой с. Мгаря).

16.

Упавъ снижокъ на обняжокъ
Да вже не ростане.

Прыбувайте чорнявіи
Якъ вечиръ настане.

¹⁾ Мойсеевка—пограничное село Хорольскаго уѣзда.

Русявін йдить до дому,
Чорняви ночуйте.

(въ 94 г. отъ воз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

17.

Якъ выйду я, та крыкну я,
То ты догадайся,
Хоть вечерявъ, не вечерявъ,
Бижы поспишайся.

(въ 93 г. отъ Орныи Шевченковой 17 л. х. Николаевки).

18.

Не крюкайте ряби жабы
Въ густимъ очерети.
Не сидайте вражи сыны,
Рано вечеряты.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ Варвары Иваиенковой 15 л.).

19.

Ой выйду я за ворота:
Очеретъ та сино.
Ой десь мое серденятко
Вечеряты сило.

(въ 93 г. отъ кр. Марен Павлищенковой 18 л. х. Пышнаго, Ольшанской вол.).

20.

Покочу я тарилочку
Хоть по барвиночку,
Прыйды, прыйды, мій мыленький,
Хоть у недилочку.

Якъ не прыйдешъ у недилю
Прыйды въ понедилوکъ,
Якъ зацвите рута мята
Хрещатый барвинокъ.

(въ 89 г. отъ кр. м. Сяѣтина У. Выборной).

21.

Прыйды, прыйды, мій мыленький,
Сю ничъ ночуваты,
Хоть лавочки узесеньки,—
Буду прымощаты.

Качалочки въ головочки,
А рубель у боки,
Соломкою притрусyla
Кочергою вкрыла.

(въ 90 г. отъ Ул. Кучеренковой с. Мгаря).

22.

Вары, маты, вечеряты,
А я ляжу спаты;
Кому мыла, кому люба,
То прыйде до хаты.

Вары, маты, вечеряты
Гречани галушки.
Кому мыла, кому люба,
Прыйде на подушки.

(въ 94 г. отъ кр. с. Хитцовъ, Евфросиньи Глушковой).

23.

Якъ нагнуло воды зъ моря
Весь день не спадае,

(въ 94 г. отъ воз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой).

Тяжко, важко на серденьку,
Якъ вечеръ настае.

24.

Коло хаты все загаты
Кудрявой мяты.

(въ 90 г. отъ К. Даценковой с. Ольшанки).

Нема мого мыленького—
Не пиду гуляты.

25

Зайды, зайды, зирочко,
Зайды свитова.

Уси хлопци на юлыци

А мого нема.

Болыть больно головонька

Ничимъ завязать.

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки Настасьи Дорошенковой 18 л.).

Далеко я одъ мылого
Никимъ наказать.

Завяжу головоньку

Шовковымъ платкомъ,

Накажу мыленькому

Хочъ риднымъ браткомъ.

26.

Ой у лиси на ориси

Сорока завысла,

Бодай тоби, дивчынонько,

Вечеря искысла.

(въ 93 г. отъ кр. с. Волчка Матрены Этноровичъ).

Нехай кысне, перекусне,

Я не буду йисты,

Нема мого мыленького

Ни съ кимъ мени систы.

27.

Уси куры до купочки,

Пивень на порози,

Уси хлопци на юлыци,

А мій у дорози.

Нема мого мыленького

Въ дорози горюе,

Нема квитки рожевой

Десь маляръ малюе.

(въ 95 г. въ с. Н. Булатцѣ отъ Барановой).

Измалюе маляръ квитку

Зъ червоного шовку,

Хыба прыйде, примандруе

Изъ города съ полку.

Якъ змалюе маляръ квитку

Тай усимъ покаже,

А якъ прыйде мій мыленький,

Правдоньку роскаже.

28.

Ой немае въ саду квитки

Десь маляръ малюе,

Нема мого мыленького

Хыба примандруе.

(въ 88 г. отъ В. Иваненковой с. Литваковъ).

Измалюе маляръ квитку

Съ червоного шовку,

Примандруе мій мыленький

Зъ Лубеньского полку.

29.

Зійшовъ мисяць, зійшовъ мисяць,

Тай обгородывся.

(въ 93 г. отъ кр. с. Мгаря Ул. Кучеравенковой 19 л.).

Уси хлопци на юлыци,

А мій исказывся.

Уси куры на сидали,
Пивень на оstriшку,

30.

Уси хлопци на юльци,
А мій пасе кишку.

(въ 94 г. отъ Ул. Матвіенковой с. Волчка).

Уси куры на сидали
Пивень на порози.
Уси хлопци на юльци,
А мій у дорози.

31.

Чы винъ шые, чы винъ крае,
Чы дома немає,
Чы съ тыхого Дунаечка
Коня напувае.

(въ 90 г. отъ Н. Самохваловой д. Шекъ).

А шожъ мени за полова
Шо зерна не мае?
А шо мени зъ чужихъ хлопцивъ,
Якъ мого немає?

32.

Уси куры на сидали,
Пивень на порози,
А шо мени зъ чужихъ хлопцивъ,
Якъ мій у дорози?

(въ 95 г. отъ кр. с. Волчка Наталіи Шевченковой 13 л.).

На що мени та полова,
Що зерна не мае?
На що мени чужи хлопци,
Якъ мого немає?

33.

Я полову прогортаю
Зернышка шукаю,
Съ чужимъ хлопцемъ не сидаю,
Свого дожыдаю.

(въ 89 г. отъ С. Шудриковой м. Снѣтна).

Злетивъ пивень на ворота
Крычыть, кудкудаче,
Ой дывыся, козаченьку,
Якъ Маруся плаче.
Уси куры на сидали,
Пивень на порози,

34.

Уси хлопци на юльци,
А мій у дорози.
Злетивъ пивень на ворота
Крычыть кукурику.
Уже-жъ тоби, Марусенько,
Не бачыть до вику.

(въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

Витеръ віе, сонце гріе
Калыну ламае,
Уси хлопци на улыци,
А мого немає.

35.

Витеръ віе, сонце гріе
Калыну колыше.
Хай твоему бисъ батькови
Мій первый женыше.

(въ 1888 г. отъ кр. с. Литвяковъ Варвары Иваненковой 15 л.).

Ты, улыця безумныця,
Хто по тоби ходыть?
Шо хлопчычокъ дивчыноньку
За рученьку водыть.

36.

Водывъ, водывъ за рученьку
Тай пишовъ за Десну,
Оставайся дивчынонько
На другую весну.

Колысь було густо, густо
Теперь стало пусто.

(въ 95 г. отъ кр. д. Загребелья Настасьи Пшеничной 16 л.).

37.

Ой, улыця распутныця!
Якъ на тоби пусто.
Чомъ не мае, якъ бувало
Челядонькы густо?

Хто по ровахъ валялыся,
То тїи намъ zostалыся.

Була челядь, була челядь,
Та вся замижъ пишла.
Осталася найменьшая,—
На юлыцю выйшла.

(въ 95 г. отъ кр. с. Литвяковъ Марїи Кунаковой 16 л.).

38.

Ой выйду я за ворота
Нема мого злота,
Тилькы стоить та нескреба,
Що мени не треба.
Ой выйду я за ворота
Не бере й охота
Десь моему мыленькому
Негайна работа.

А хоть гайна, хоть негайна,
То винъ не гуляе
И съ тыхого Дунаечка
Коня напувае.
А кинь ирже, воды не пье
Дороженьку чуеть,
Десь мій мылий, чорнобрыый
Зъ иншою ночуеть.

(въ 89 г. отъ У. Выборной м. Снѣтина).

39.

Якъ я свого мыленького
У Крымъ выряжала
Взяла ёму зозуленьку
Тай подарувала.
Нехай тоби зозуленька—
Мени соловейко.

Нехай тоби тамъ легенько,
Мени веселенько.
Нехай тоби зозуленька,
Щобъ рано кувала,
Нехай мени соловейко,
Щобъ я не скучала.

(въ 90 г. отъ кр. с. Ольшанки Ксенїи Даценковой 18 л.).

У Чуб. (т. 3, № 96, стр. 118), какъ вставка въ другую пѣсню и одинъ средній куплетъ
похожъ нѣсколько.

Послѣдній куплетъ въ Снѣтинѣ поютъ такъ:

Тоби буде зозуленька
Раненько куваты,

Мени буде соловейко
Правдоньку казаты.

(отъ У. Выборной).

40.

По за селомъ, по за селомъ
Повезено сино,
А десь мое серденятко
Вечеряты сило?
Ой вечеряй, серденятко,
Та беры по трошку,
Та подавай голосочокъ

Въ вышнеый садочокъ.
Ты думаешъ, дивчынонько,
Шо въ степу ночую?
А я твои голосочки
Що вечора чую.
А якъ бы я, козаченьку,
Твій голосъ зачула,

Вылетала бѣ зъ виконечка
Якъ сыва зозуля.

Хоть зозуля—не зозуля,
А хоть соловейко.

Послѣднія шесть строчекъ такія же, какъ и въ предыдущей пѣснѣ.
(записана въ 95 г. отъ кр. с. Воронинецъ Лизаветы Скибиной).

41.

Весна, весна, що день красна,
Зо стрихъ вода капле.
Уже жъ нашимъ парубьятамъ
Мандривочка пахне.
Якъ мандрувавъ, шапку изнявъ
Нызенько вклонився,
Молю Бога, дивчынонько,
Щобъ я й не барывся.

Молю Бога, дивчынонько,
Щобъ прыйшовъ зъ дороги,
Куплю тобі черевычки
На биліи ноги.
Молю Бога, дивчынонько,
Щобъ прыйшовъ изъ вѣйска,
Буле тобі изъ осены
Роспущена киска.

(въ 93 г. отъ кр. х. Гребинъ Д. Гавриленковой 23 л.).

42.

Нема въ мене намысточка
Тилькы дынъ разочокъ,

Десь мій мый, чорнобровый
Такъ якъ образочокъ.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ В. Иваненковой).

43.

Торохъ, торохъ, сію горохъ,
Вродыла чебрыця.
Чы бачыла, подружно,
Мого чорнобровця?

Чы бачыла, не бачыла
Не далеко, близько,—
Якъ побачышъ подружно—
Поклонися нызько.

(въ 93 г. отъ М. Этноровичъ 19 л. с. Волчка).

44.

Ой, пустіи огороды
Капуста не родыть,
За вражими ворогами
Мій мый не ходыть.

Якъ будемо городыты
Той буде родыты,
Якъ забере бисъ ворогивъ
То буде ходыты.

(въ 88 г. отъ кр. У. Выборной м. Снѣтна).

45.

Якъ бы я на той куточокъ
Дороженьку знала,
Я бѣ своему мыленькому
Гостынчыкъ послала.

Невеликый той гостынчыкъ:
Чотыри оришка,—
Якъ немає пары коней,
Прийды, сердце, пишки.

(въ 88 г. отъ кр. У. Выборной м. Снѣтна).

46.

Якъ вырву я для утишки
Чотыри оришки,
Якъ немає пары коней,
То прийды хоть пишки.

Якъ прийду я до риченькы
Нема перевозу,
А хто мене вирно любить
Бреде черезъ воду.

(въ 95 г. отъ воз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

47.

Передамъ я мыленькому
Чотыри оришка,
Якъ не маешъ пары коней
Прыйды, сердце, пишки.
Якъ не маешъ пары коней
Щей пары жупанивъ,

Той не шлыся до чорнихъ бривъ
До шытихъ рукавивъ.
—Шыти били рукавчята
И въ полахъ мережка,
А щобъ же ты не бачыла
Ни свита, ни стежки!

(въ 90 г. отъ кр. с. Хорошковъ Горпины Джигиль).

48.

Зачыняйте батькы хвиртки
Ворота съ тынамы,
Хаѣ вашому чортъ батькови
Зъ вашими сынамы.

У васъ сынкы якъ пидсвынкы
Лежать зъ матерямы,
А мы выйдемъ на юлыцю
Гуляемо сами.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

Въ вар. с. Хитцовъ первая двѣ строчки такъ:

Забывайте жинкы клынкы

Ворота клынамы.

Затѣмъ въ концѣ прибавляютъ:

Наши дочки якъ зирочки

Гулять до пивночки.

(отъ Е. Глушковой).

49.

Ой, казалы загоряне
Що прыйдемъ зарани,
Уже вечеръ вечеряе,—
Загорянь немае.
Ой тимъ же ихъ та немае,
Жывуть за водамы,

Якъ настане темній вечеръ
Плывуть селезнямы.
Плывы, плывы селезныку
Не вдарся крыльдамы,
Прыйды, прыйды, мій мыленький,
Не самъ, зъ молодцямы.

(въ 90 г. отъ У. Кучерявенковой с. Мгаря).

50.

Мисяць ясный, мисяць ясный!
Не свиты никому,
Та засвиты мыленькому
Якъ иде до дому.

Та засвиты мыленькому
Восковую свичку,
Якъ брестыме мій мыленький
Черезъ быстру ричку.

(въ 88 г. отъ У. Выборной м. Сяѣтна).

Настоящая веснянка значительно разнится отъ всѣхъ вар.: 1) въ „Вжинѣ ридного поля“ Гатцука. Москва, 1857 г., стр. 146 и 147; 2) у Коцип. въ сб. „Писни, думкы и шумкы“, стр. 70; 3) въ Малор. лит. сб. Мордовцева, подъ №№ 109—111, стр. 289, изд. 1859 г. и 4) въ Истор. сб. Драг. и Ант. т. 1, стр. 76.

51.

Идутъ, идутъ парубьята,
Якъ сыняя хмара,

Попереду мій мыленький,—
А я ѣ не пизнала!

Не признала по станочку,
Якъ по голосочку.
Попереду мылый иде
Гра на сопилочку.

(въ 88 г. отъ кр. с. Сибѣина Катерины Ивахненковой).

52.

По за селомъ, по за селомъ,
По за слобидкою,
Ой чуть мого мыленького,
Що иде зъ сопилкою.
Кленовая сопилочка,
Орихове денце,

Сопилочка якъ стрилочка
Орихове денце,
Я жъ думала чужый иде,
А жъ то мое сердце.

Я жъ думаю чужый иде,
Ажъ то мое сердце.
Я жъ думала чужый иде,
Та стала тикаты,
Ажъ то мое серденятко,
Треба подождаты.

(въ 88 г. отъ В. Иваненковой с. Литвяковъ).

Въ Сбор. этн. эксп. Чуб. (т. 5, № 124, стр. 56) и въ Зап. о Южн. Рус. Кулиша (т. 2, стр. 241) есть вар., мало похожий.

Вар. I. Въ с. Волчкѣ вмѣсто 7 и 8 строчекъ поютъ такъ:

Якъ заграе мій мыленький

Болыть мое сердце.

(въ 95 г. отъ Н. Шевченковой).

Вар. II. Въ м. Лукомъи 3 и 4 строчки такъ:

Туды мое серденятко

Пишло зъ сопилкою.

(въ 95 г. отъ М. Норовой).

Вар. III. Послѣднія 4 стр. въ с. Пескахъ такъ:

Я жъ думала чужый иде
Та стала ховатьця,

Ажъ то мое серденятко,
Треба признаватьця.

(въ 95 г. отъ З. Конвисаръ).

53.

Торохъ, торохъ, сію горохъ.
Горошку по трошку
Утопталы та горяне
На подиль дорожку.
Не такъ вони утопталы,
Якъ киньмы убылы,

Хотять вони препогани,
Шобъ мы ихъ любылы.
Шо Маруся не полюбыть,
Евдошка не ваша,
А Парася одказалась,—
Неправдонька ваша!

(въ 95 г. отъ кр. с. Волчка Наталіи Шевченковой 12 л.).

54.

Ой не ходы Сабадашу ¹⁾
На улыцю нашу,
Черезъ тебе, Сабадашу,
Прыпалыла кашу.
Каша прила не доприла,
А хлибъ не допечень,

Ой той меня не женышокъ,
Що на одынъ вечирь.
Ой то мени хлибъ допечень,
Що высоко сходять,
Ой то мени женышенько,
Що тры годы ходыть.

(въ 89 г. отъ У. Выборной м. Сибѣина).

¹⁾ Вар. въ Нивѣ. Одесскомъ сборникѣ 1885 года № 12, стр. 184, вмѣсто Сабадашъ—
Барабашъ.

55.

Наварыла варенычкивъ
Не съ солонимъ сыромъ;
Хай твоему чортъ батькови
И съ хорошимъ сыномъ!

Намастыла варенычкивъ
Не съ солонимъ масломъ,
Хай твоему чортъ батькови
И съ твоимъ багатствомъ.

(въ 90 г. отъ У. Кучерявенковой с. Мгаря).

56.

Ой, выйду я за ворота
Гуляю, гуляю,
Якъ билая лебедонька
На тихимъ Дунаю.
Що билая лебедонька
Воду сколотыла,

Молодая дивчынонька
Жалю наробыла.
Изродыла удивонька
Хорошого сына
Та на мою головоньку,
Щобъ я полюбыла.

(въ 89 г. отъ Секлеты Шудриковой м. Сяѣтина 17 л.).

57.

И то гора, и се гора,
А я межъ горами,
Нигде мени погуляты
Тай за ворогами.
Нигде мени постояты
Пидъ похыльнымъ тыномъ,

Нигде мени погуляты
За вдовынымъ сыномъ.
Щой у вдовы сынъ хороший,
А хозяйскій кращый,
А якъ выйде на улыцю
Такъ якъ мисяць ясный.

(въ 88 г. отъ кр. м. Сяѣтина Ул. Выборной).

58.

Оришына, черемшына
Чому не зиходышь?
Молодая дивчынонько!
Чому не выходышь?
Ой якъ мени выходыты
За высокимъ тыномъ?

Ой якъ мени выходыты
За удовы сыномъ?
Щой удовый сынъ хороший,
А отецкый кращый,
А якъ выйде на улыцю
Такъ якъ мисяць ясный!

(въ 95 г. въ с. Низшемъ Булатцѣ отъ Барановой).

59.

Ой у саду вышня
Пидъ садомъ черешня
Не любыте дивчаточки
Дворового лежня.

Що дворовый лежень
Не хоче робыты
Тилькы спаты, та гуляты
Та горилку пыты.

(въ 90 г. отъ Ксеніи Даценковой с. Ольшанки).

60.

Коло млына калына,
Не калына—вышня.
Не для тебе, вражый сыну,
На юлыцю выйшла.

Коло млына калына,
Не калына—сосна,
Не для тебе, вражый сыну,
Я въ батенька зросла.

Шо у мого та батенька
Крамомъ крамуваты.
Досталося ледачому
Руки потыраты.

(въ 95 г. отъ дв. Вас. Шульгиной, урожд. Бубликовой, изъ с. Денисовки).

61.

Ой жаль, мате, вечирочка
Не гуляла вчора.
Изминывся голосочокъ
Щей тихая мова.
Голосочокъ у лисочокъ
Тыха мова ризно.
Не лай мене, моя маты,
Що я хожу пизно.
Що я хожу, я гуляю,
Добрый розумъ маю

Ой, потырай, вражий сыну,
Колы довелося!
Колы мое биле тило
Зъ твоимъ понялося.

Що я тому ледачому
Виры не доймаю.
Ледачий сынъ, ледачий сынъ,
Ледачого батька.
Тильки ёго закрасыла
Сывенькая шапка.
Ледачий сынъ, ледачий сынъ
Ледачои неньки.
Тильки ёго закрасылы
Бривоньки чорненьки.

(отъ кр. д. Мгаря Улиты Кучерявенковой).

Вар. I. Въ х. Гребищахъ прибавляютъ еще куплетъ:

Ледачий сынъ, ледачий сынъ,
Ледачого роду.

—Пишовъ бы я утопывся—
Запоганю воду.

(отъ Д. Гавриленковой).

Въ сб. Лысенка Укр. писани. Киевъ, стр. 41, нѣсколько измѣненныхъ три куплета и послѣднихъ двухъ нѣтъ.

Вар. II. Въ с. Пескахъ начинаютъ такъ:

Ой, хмарытця, туманыця,
На вельку тучу,

Не лай мене, моя маты,
Я вамъ не докучу.

Шо я хожу, я гуляю и т. д.

(въ 95 г. отъ З. Конвисарь).

Вар. III. Въ м. Оржицѣ послѣ трехъ куплетовъ, какъ въ 1-мъ вар., заканчиваютъ нѣсно слѣдующимъ четвертымъ:

Не дѣймала, не дѣймала,
Не буду дѣйматы,

Нехай ёго ридъ не дижде
Щей старая маты.

(въ 95 г. отъ коз. Марѣм Татусевой 19 л.).

62.

Запалю я куль соломы
Не горыть, палае,
За що мене моя маты
За жєныха лае?
Не лай мене, моя маты,
Никола, ни за що.
Полюбыла чорзна кого

Вельке ледаще.
Що робыты?—Не прыбыты,
А жать не нагнетця,
А якъ выйде на юлыцю
Зъ челяди смѣтця.
Та не смѣйся ты, ледащо,
Не смѣйся, бездиля!

Не побыла суботонька,

Такъ побье недиля!
(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Пр. Кирилленковой).

63.

Запалю я куль соломы,
Солома палае.
Бижы, бижы, козаченьку,
Дивчына вмирае.
—Ты думаешъ, козаченьку,
Що я й умираю,

А я съ тебе, молодого,
Ума вывирию.
Бодай тебе вывирила
Лыхая'годына!
Було лычко якъ яблучко,—
Стало якъ ожына.

(въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

64.

Надъ моею хатыною
Сыня хмара стала,
А на мене, молоденьку,
Поговиръ та слава.
Була слава, була слава,
Сталы й поговоры
Та на тую дивчыноньку,
Шо чорніи бровы.

Була слава, була слава
Сталы й поговиркы,
Та на тую дивчыноньку
Шо чорніи бривкы.
Шо я тую сыню хмару
Рукавомъ розмаю
Перебула той поговиръ,—
Перебуду й славу.

(въ 95 г. отъ кр. с. Воронинець Лазорской вол. Лизаветы Скибиной).

Вар. I. Въ д. Гребищахъ послѣднія двѣ строчки такъ:

А своему мыленькому

У прыгоди стану.

(въ 93 г. отъ Д. Гавриленковой).

Вар. II. Въ м. Лукомьи послѣдній куплетъ поютъ такъ:

Я за славу сама стану,
Тай одговорюся.

Перебуду сей поговиръ,
Славы й не боюся.

(въ 95 г. отъ М. Норовой).

65.

Сюды гора, туды гора,
А я межъ горами,
Нельзя мени на юлыцю
Тай за ворогами.
Вороженькы ворогуйте
А вы, люде, знайте,

А вы хлопци зъ дивчатами
До свита гуляйте.
Вороженькы ворогуйте,
А вы, люде, чуйте,
А вы хлопци зъ дивчатами
До свита ночуйте.

(въ 94 г. отъ М. Павлиценковой х. Пышнаго).

66.

На тимъ кути на юлыци
Не колода прысба.
Нехай прыйде, нехай сяде
Козаченькивъ трыста.

На тимъ кути, на юлыци
Не колода—сволокъ,
Нехай прыйде, нехай сяде
Козаченькивъ сорокъ.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

67.

На тимъ кути на юльци
Тай на переюлку
Роскурыла козакови
Дивчынонька люльку.

За люлечку копіечку
А за тютюнъ гроши,
Куры, куры, мій чорнявий,
Правдывий, хороший.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

У Чуб. (т. 3, № 31, стр. 133) второй куплетъ тождественный.

68.

На тимъ кути, на юльци
Груша не зелена,
Ой тимъ вона не зелена,
Що челядь мерзена.

А на нашій на юльци
Верба зелененька,
Ой тимъ вона зелененька,
Що челядь гарненька.

(въ 90 г. отъ Н. Самохваловой д. Шекъ).

69.

На юльци дви палыци,
А третя ломака,
Одна дочка у Ивана
Тай та полежака.
Що робыты? Не прыбыты,
А жать не нагнеться,

А якъ выйде на улыцю
Съ челяди сміється.
Не смійсь, не смійсь, та дивчыно!
Чортова ледащо.
Перевела намъ улыцю
Не знаемо за що.

(въ 92 г. отъ кр. Ульяны Лысенковой урожд. Матвіенковой изъ д. Гребищъ).

70.

На тимъ кути на юльци
Не парубкы—хлопци
Закувалы дивчыноньку
Въ дубовій колодци.
Сыды, сыды, дивчынонько,
Ни въ день, ни въ годыну,
Поки прыйде козаченько
Возьме за дружыну.

Беры, беры, козаченьку,
Бычкы та телычкы
Купы свой дивчыноньци
Жовти черевычкы.
Беры, беры козаченьку
Волю та коровы,
Та вызволю дивчыноньку
Зъ тяжкою неволя.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

71.

Що на нашій на улыци
Дивкы чаривныци,
Закопалы горщокъ каши
Посередъ улыци.

Горщокъ каши, горщокъ каши
Щей рака жывого,
Щобъ на нашій на улыци
Ни духа жывого.

(въ 89 г. отъ кр. м. Свѣтина Ул. Выборной 24 л.).

72.

На тимъ кутку въ Горнанивци
Дивкы чаривныци,
Закопалы горщокъ каши

Посередъ улыци.
Горщокъ каши, горщокъ каши
Горщокъ смородыны,

Бодай же вы, сучи дочки,
Зъ ума походылы!
А котора закопала,

Щобъ тряся напала,
А котора наварыла,
Шобъ не говорила.

(въ 95 г. отъ кр. с. Волчка Наталіи Шевченковой 13 л.).

73.

На тимъ кути на юлыци
Кобыла блудыла,
Тамъ дивчына нетѣпуха
Запаску сгубыла.

Нетѣпуха, недряпуха,—
Нерублени полы,—
Тимъ же ии хлопци люблять,
Що чорніи бровы.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

74.

По тимъ боци на толоци
Кобыла блудыла,
Ой тамъ наша дивчынонька
Запаску сгубыла.

Скыдайтеся парубьята
Та по золотому,
Та купымо дивчыноньцы
Запаску червону.

въ 93 г. отъ кр. х. Пышнаго Марен Павлиценковой 18 л.).

75.

Ой на гори два крамари ¹⁾
Копаютъ крыныцю.
Оддай, оддай, та Иване,
Свою одыныцю.

Ой на гори два крамари
Копаютъ глыбоку,
Оддай, оддай, та Иване,
Свою заволоку.

(въ 90 г. отъ кр. с. Хорошковъ Агриппины Джигиль).

76.

Ой на гори два крамари
Копалы крыныцю,
Оддай, оддай, стара маты,
Свою одыныцю.
Нехай въ тии крыныченькы
Вода прыбувае,

Нехай моя одыныця
Хочъ зъ годъ погуляе.
Нехай въ тии крыныченькы
Водыця вщербытця,
Нехай моя одыныця
Робыты навчытця.

(въ 93 г. отъ кр. с. Волчка Матрены Эгноровичъ).

77.

Выхвалялась дивчынонька,
Шо поясъ ягнячій,

А якъ выйде на юлыцю,
То поглядъ собачый.

(въ 95 г. отъ кр. д. Загребелья Н. Пшевичной).

78.

Берить одъ насъ, пидгоряне,
Коробочку клочья,

А намъ дайте передайте
Чорнявого хлопця.

(въ 88 г. отъ кр. В. Иваненковой с. Литвяковъ).

Въ пѣсняхъ съ № 78—83 упоминаются кутки разныхъ селъ.

¹⁾ Вѣроятно грабари.

79.

Ой нате вамъ, кодачане,
Тры трясци въ запасци,

А четверте въ жывить лыхо,
Щобъ сыдили тыхо.

(въ 90 г. отъ кр. Агриппины Джигиль 17 л. с. Хорошковъ).

80.

Ой нате вамъ, кодачане,
Мысочку узвару,

А намъ дайте, передайте
Чортову роззяву.

(въ 90 г. отъ кр. с. Хорошковъ Агр. Джигиль).

81.

Ой нате вамъ, западынци,
Пшенышную булку,

А намъ дайте, передайте
Кузьмышыну дурку.

(въ 94 г. отъ Е. Глушковой с. Хитцовъ).

82.

Та на нашій тай улыци
Та на нашій ривній
Выгравалы наши хлопци
Вороними киньми
Выгравалы, выгравалы
Та выбылы яму,

Поставылы дивчыноньку
До горы ногамы
Постій же ты, дивчынонько,
И день, и году
Поки прыйде козаченько
Возьме за дружину.

(въ 94 г. отъ Пр. Кириленковой с. Тишковъ).

83

Задумалы та рудчане
Ровы покопалы,
Поставылы пидгорянь
До горы ногамы.

Ой стійте вы, пидгоряне,
До горы ногамы,
Поки прійдутъ ваши хлопци
Съ чорными бровами.

(въ 98 г. отъ мѣщ. с. Литвяковъ Вар. Кузнецовой).

84.

Задумалы та снитынци
Городъ городыты,
Щобъ никуды лятьвякивцямъ
Гуляты ходыты.
Не поможе, мыйый Боже,
Ваша загорожа.

Идутъ, идутъ лятьвякивци,
Якъ повная рожа!
Идутъ, идутъ лятьвякивци,
Якъ макъ процвитають,
А нашии та снитынци,
Якъ золото сяють!

(въ 1888 г. отъ кр. м. Снитина Ульяны Выборной 24 л.).

85.

Снитынъ городъ, Снитынъ го-
родъ,
Лохвыця—станыця!

Якъ не возьму, кого люблю,
Не буду й женытця.

(въ 92 г. отъ Матрени Мыциковой с. Хорошковъ).

86.

Выдно Хытци, выдно Хытци,
Щей хытцяньску баню,

Тоди мени полегшае,
Якъ я туды гляну.

(въ 94 г. отъ Евфросиніи Глушковой с. Хитцовъ).

87.

Выдно Снитынъ, выдно Снитынъ
И снитынъски вербы,
Туды мою головоньку
Що вечора верне.
Выдно Снитынъ, выдно Снитынъ
Щей снитынъску грушу,
Туды мою що вечора
Порывае душу.

Выдно Снитынъ, выдно Снитынъ
Щей снитынъскы хресты.
Туды мени мыленькому
Вечеряты несты.
Якъ понесла вечеряты
Та забула ложки,
Сидай, мылый, на конька
Та йидь до ворожки.

(въ 89 г. отъ кр. м. Снѣтина Сениы Глушковой).

88.

Выдно Луку, выдно Луку
Щей лучанъски хресты,
Туды мени мыленькому
Вечеряты несты.
Якъ понесу вечеряты,
Тай тамъ заночую,
А я тоби подружечко
Женыха дарую.
Брешешъ, брешешъ, подружечко,
Якъ ты подаруешъ,

Що ты его вирно любишь
И зъ нымъ помандруешъ.
Не багато мандрувала
Тилькы одну ничку,
Заробыла копу грошей,
Щей червону стричку.
А я тую та стричечку
У будень зносыла,
А за тую копу грошей
Щей кращу купыла.

(въ 88 г. отъ кр. м. Снѣтина У. Выборной).

89.

По садочку нызько хожу,
Барвиночекъ сажу,
Шо я въ тебе, моя маты,
Не жонатый хожу.
Порисъ, порисъ барвиночокъ
На яръ похылывся,

Щаслывою годыною
Козакъ уродився.
Шо подума, погадае,
Той Богъ помогае
Черезъ тую дивчыноньку,
Шо свататы мае.

(въ 94 г. отъ Е. Глушковой д. Хитцовъ).

90.

Черезъ гору та въ контору
Орель воду носыть.
Якъ тамъ маты своего сына
Вечеряты просыть.
Ой, вечеряй, моя маты,

Колы наварыла,
А я пиду на той кутокъ
Де дивчына мыла.
Ой, вечеряй, моя маты,
Гречаны галушки,

А я пиду на той кутокъ
На били подушкы
Ой, вечеряй, моя маты,

Сухы сухарыны,
А я пиду до дивчыны
На били перыны.

(въ 95 г. отъ Н. Шевченковой с. Волчка).

У Чуб. (т. 5, №№ 811, 814—417, 422 стр.) два первые куплета какъ вставки въ совсѣмъ другія пѣсни.

91.

Ой пшениця, кошаныця
Товарови паша.
Сватай мене козаченько
Пущай буду ваша.
Хочь ты сватай, хочь не сватай,
Хочь такъ прысылайся,

Щобъ та слава не пропала,
Що ты женихався.
— Женихався не сміявся
Сміятся не буду.
Цилувався, мылувався
Тай до вику буду.

(въ 95 г. отъ коз. Ксеніи Кротовой 19 л. с. Юсковецъ, Черевковской вол.).

92.

Лугомъ иду, голосъ веду,
Розывайся, луже!
Сватай мене, козаченьку,
Люблю тебе дуже!
А хочь сватай, хочь не сватай,
Абы прысылався,

Абы слава не пропала,
Що ты женихався.
Женихався не сміявся,
Думавъ йи браты
И старостивъ посылаты, —
Не отдала маты.

(въ 92 г. отъ Ул. Кучерявенковой с. Мгаря).

Въ збірн. Лисенка Слет. 1868 г. № 30, стр. 64 2 первые куплета такіе же.

93.

Ой плавали утенята
По той бичокъ ставу ¹⁾,
Сватай мене, козаченько,
Не вводь мене въ славу!
—Що ты сама, дивчынонько,
По славонци ходышъ,
Що пизненько—не раненько
По улыци ходышъ.
Ой якъ мени, козаченько,
Раненько ходыты?
Ты самъ сыдышъ, мене держышъ
Велышъ говорыты.

—Не потурай, дивчынонько,
Моій розмовоньци,
Держы розумъ шей умъ добрый
Въ свой головоньци.
Ой держала розумъ добрый
Та впустила въ воду,
Не вповала на худобу,
Якъ на твою вроду.
А ни вроды, ни породы,
Ни третьёго зросту,
Доведетця топытыся
Зъ високого мосту.

(въ 93 г. отъ кр. х. Пышнаго М. Павлиценковой).

¹⁾ Иногда и такъ: Та поверекъ ставу.

94.

Половина саду цвите,
Половина вяне,—

Колысь було вирно любити,
А теперъ не гляне.

(въ 90 г. отъ Нат. Глушковой м. Сиѣтина).

95.

Не бый мене, безбатченко,
На святу недилю,
Бо я тобі, безбатченко,
Ничого не вдію.
Побый мене, безбатченку,
У той понедилокъ,

Якъ поросте межъ косамы
Хрещатый барвинокъ.
Хочъ барвинокъ, не барвинокъ
Такъ червона рожа,
Хочъ якому козакови,
Я дивчына гожа!

(въ 91 г. отъ кр. х. Яновщины Ул. Бондаренковой).

96.

Пидійду я пидъ яблуньку,
А лысть опадае,
Жалуй мене, подружечко,
Женыхъ покидыае.
-- Не журыся, подружечко,—
Рута зелененька,—

Сей покыне, другый буде
Щей ты молоденька.
Сей покыне—другый буде,
Щей отъ сего кращый,
А сей буде у болоти
Межъ чортамы старшый.

(въ 90 г. отъ Ул. Бондаренковой х. Яновщины).

Въ с. Пескахъ прибавляють еще куплетъ:

Та сей буде у лавоци
Крамомъ крамуваты,

А той буде у болоти,
А тихъ паруваты.

(въ 95 г. отъ З. Конвисарь).

Въ Збірн. Лисенка. Слет. 68 г. № пѣсни 30, стр. 64, 8 и 9 куплеты такіе же, какъ два послѣдніе перваго варіанта.

97.

Колы ходышь у ворота
Накыдай каблучку,
Якъ не хочешъ мене любити,
Любы мою сучку.

Въ мене сучка рябушечка
Та не твого хорта,
Есть у мене женышына,—
Та не тебе чорта!

(въ 91 г. отъ В. Кузнецовой с. Литвяковъ).

У Чуб. (т. 3, стр. 161) подробнѣе и не такъ связно.

Вар. Въ м. Лукомъи вмѣсто 5 и 6 стр. такъ:

Въ мене сучка рябесенька,

Краще твого хорта и т. д.

(въ 95 г. отъ М. Норовой).

98.

Бижыть вода лотокамы,
Нельзя ии пыты,
Сыдыть руда зъ моимъ мылымъ,
Нельзя ии быты.

А я воду проколочу,
Чыстони напыюся,
Такы руду одчарую,
Зъ мылымъ наживуся.

(въ 95 г. отъ дворянки Василицы Шульгиной, урожд. козачки Бубликовой с. Денисовки).

99.

Беру воду коло броду
На каминь хилюся,
Нихто мене, братця, не зна
За кимъ я журюся.

Беру воду коло броду
Коромысло гнеться,
Нихто мене, братци, не зна
За кимъ сердце бьетця.

(въ 91 г. отъ кр. д. Шекъ Надежды Самохваловой).

Вар. Въ с. Хорошкахъ 1-й куплетъ такъ:

Коло броду беру воду
На каминь ступаю,

Нихто того, братци, не зна
За кимъ я скучаю.

100.

Сыдыть голубъ на берези
Голубка на вышни,
Скажы, скажы, мій мыленькій,
Шо въ тебе на мысли.
Шо ты клявся, ты божывся:
Любытому душу,

Теперь мене покидаешъ,—
Я плакаты мушу!
Скрыплять нови воритечка
Треба ихъ заперты.
Кого любывъ—любытому
До самой смерти.

(въ 95 г. отъ кр. с. Юсковецъ Катерины Шелудьковой 15 л.).

101.

Шо ты жывешъ за горою,
А я за другою,
Чы журыся ты за мною
Якъ я за тобою?
Журюсь, журюсь, козаченько,
Якъ сыва голубка,

Бисы твого батька знаютъ,
Яка въ тебе думка?
Шо у тебе така думка
Колыбъ зазнаваться,
А у мене така думка
Колыбъ повинчатся.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

102.

Зійшла зирка спидъ вечирка
Тай впала до долу,
А хто мене, молодую,
Одведе до дому?

Проведе тебе, дивчыно,
Довгая лозыца,
А щобъ знала съ кимъ стояла
Речи розмовляла.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ В. Иваненковой).

103.

Чогось вода руда стала,
Хвыля сколотыла
Чогось дивка не весела,
Лыбонь маты была?

А хоть была, хоть не была—
Не на лыхо вчыла,
А щобъ знала съ кимъ стояла,
А що говорыла.

(въ 95 г. отъ коз. Христины Марченковой 17 л. с. Михновець Нижебулатицк. вол.).

104.

Зійшла зирка вечирняя
Зійде й світовая.

Выйшла одна подруженька
Выйде шей другая.

Зійдемося подружечкы
Тай поговорымо,
Заспываймо по писеньци
Додому ходымо.

Заспывалы по писеньци
Трёма голосамы,
Пишлы наши голосочки
По пидъ небесамы.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ В. Ивапенковой).

П е т р и в ъ и.

1.

Малая ничка петривочка,
Та не выспалась наша дивочка.
Усю ничъ не спала, биль сукала.
По гори ходыла, биль билыла (2).
Та до теи бели говорыла:

Ой, беле жъ моя, тонесенькая!
Кому ты будешъ вирнесенька?
А чы тому пану, що въ жупану?
Чы тому хлопку, що на коныку?
А чи тій нетязи, що въ сермязи?

(отъ воз. с. Хорошковъ Варвары Супруновой).

Вар. I. Послѣ:

Беле моя! била, тонесенька.
За кого жъ я пиду молодесенька?

А чы за старого, а чы за малого,
А чы за хлопійка молодого?

(отъ кр. х. Яновщины Василисы Копички).

Вар. II. Послѣ словъ:

Ой, беле жъ моя, тонесенька!
Тай колы ты будешъ билесенька?
Тоди я буду билесенька,

Якъ на неби хмарка сынесенька,
Тоди я буду найбилійша,
Якъ на неби хмарка найсынійша.

(отъ кр. с. Литвяковъ И. Недилькиной).

Вар. III. Послѣ:

Якъ на неби хмарка та сыне-
сенька,
Якъ у саду травка зеленесенька.
Чы я тебе, биле, не билыла?
Чы я тебе, биле, не золыла?

Я надъ тобою, биле, изныдыла
И всю петривочку просыдила,
А я тебе, биле, шануватыму
На велькый празныкъ надива-
тыму.

(отъ кр. с. Вильшанки Т. Гайдаевой).

Вар. IV. Послѣ:

На Дунай ходыла, биль носыла
До тія бели говорыла:
Биль моя! тонка, била,
Якъ я тебе, беле, шовкомъ ¹⁾
потчу,

За мылого замижъ пиду—
Въ будень зношу.
Якъ за нелюба—шанувать буду
Выйму да подывлюсь
Да слёзамы обильюсь.

(отъ кр. х. Тернавщины С. Латенковой).

Вар. V. Послѣ:

И до тебе, бель, говорыла:
Биле жъ моя, биле! тонка, била

И чого ты, биле, почорнила?
А я за тобою молодая изныдыла

¹⁾ Или: чернямъ потчу.

Усю петривочку просыдила.
Якъ пиду я замижъ за нелюба
То я съ тебе, биле, плахту вытчу.
А я тую плахту шануватыму

На риздво ѿ на велькдень на-
диватыму.
Исъ припечка горшки выиматыму
Грѣвками лавки стыратыму.

(въ 95 г. отъ кр. д. Пятигорець Мелании Остапенковой).

Вар. VI. Послѣ:

Тоди я буду билесенька,
Якъ пидешъ ты замижъ, моло-
десенька,
Шо я тебе, беле, шануватыму

На велький празныкъ надива-
тыму (2)
Прыпички ѿ лавки стыратыму.
(отъ кр. с. Рудки А. Сокиркиной).

Вар. VII. Вмѣсто двухъ послѣднихъ строчекъ, такъ:

И въ свекрухы горшки вытяга-
тыму

Та лавки стыратыму.

(отъ коз. Анны Богиничевой с. Губскаго Таращинцевской вол.).

Малая ничка петривочка,
Та клыче зовычку невесточка:
Иды, зовыце, иды сестрыце,
Та до мене ночуваты.
Боюсь, невесточко, боюсь молада,
Шобъ ты мене не зрадыла
Моеи русои кисочки не збавыла.
— Не бѣйся, зовычко, не бѣйся,
сестрычко,
У мене замочки турецькѣи,
А защипочки немецькѣи.
Колы се стало намеркаты,
Стукотыть, грюкотыть коло хаты
Тожъ прѣйхалы зовычкы браты.
Одмыка дверечкы у червоному,
А выходыть у синечкы у золо-
тому
А входыть у свитлоньку у чы-
стому злоти.

Бере зовычку за билую рѣку
выводыть изъ хаты,
А зовычка стала плакаты рыдаты
И на невесточку враждоваты:
Шобъ тоби, невесточко, Богъ
не вгодывъ,
У чыстому поли и хлибъ не родывъ
Якъ ты мене, молоденьку, из-
радыла
И мою русу косу избавыла.
Не дае мене мѣй батенько,
Не выряжа мене ридна матинка
Не выряжа мене ридный бра-
тчикъ,
Не выряжа ѿ ридна сестрыця,
А выряжа мене яснѣй мѣсяць,
Та выряжа мене ясна зирочка,
Дае мене замижъ невесточка,
А выряжа мене темна ничка—
петривочка.

(отъ кр. Прасковѣи Лисенковой 60 л. м. Свѣтина).

2.

Купалась ластивка, купалась,
Та на бережечку сушылась.
Молода дивчына журылась.

Купалась ластивка шобъ не
душно,
Журылась дивчына шобъ не
скушно.

(въ 95 г. отъ коз. м. Оржиди Евфросинѣи Семперовичъ 20 л.).

3.

Купалась ластивка, купалась
 Та на бережечку сушылась.
 Молода дивчына журылась,
 Своимъ подружечкамъ хвалылась:
 А чи було лито, чи не було,
 Чогось воно мени надокучыло.
 Шо я, молодая, не гуляла;
 Мене моя маты не пускала,
 Въ нову комирочку ¹⁾ зачиняла ²⁾,
 Золотимъ замочкомъ замыкала
 Шовковимъ шнурочкомъ завья-
 зала,

Трёма засовцями засувала,
 Гиркымы словамы заказала:
 Ой посыдь же, доню, у комори,
 Покры розійдутця поговоры
 Ой посыдь же, доню, у комороци,
 Покры розійдутця вечорныци,
 Покры пиде челядь изъ улыци.
 А я молодая не послухала
 Золоти замочки поодбывала
 Шовковишнурочки поодрывала(2)
 Пишла на улыцю погуляла,
 Свого мыленького повыдала.

(отъ Ульяны Выборной м. Снѣтина).

Вар. I. Въ с. Новакахъ, Ольшанской волости, послѣ третьей строчки вставляють:

На нови ворота схылылася,
 Дрибными слѣзамы умылася,

Вышитымъ рукавомъ утерлася.

(отъ Настасьи Щербаневой).

Послѣ словъ: Покры розійдутся изъ улыци—такъ:

Та твои братики та сестрыци,

Та твои дивери та зовыци.

(отъ нея же).

Вар. II. Обращеніе матери къ дочери поють въ д. Пятигордахъ такъ:

Ой посыдь же, доню, у комироци
 Покры розійдутця изъ улыци.

Ой посыдь же, доню, у темныци,
 Покры розійдутця вечорныци.

Въ концѣ:

Уже-жъ я сыдила, уже-жъ я
 лежала

Такы той замочокъ поламала
 Тай на улыци погуляла.

(отъ кр. Варвары Охрименковой):

Вар. III. Въ д. Загребельи, Яблоновской волости, конецъ этой петривки такой:

А я свой матинки та корылася
 На улыцю гулять просылася.
 Пусты-жъ мене, маты, погуляты,
 Уже челядоньки не чуваты.

Тилькы мій мыленькій не лягае
 Мене, молодой, дожидает.
 У дубову свистылку выгравае
 Мене, молоденьку, выкликае.

(въ 95 г. отъ Настя Шевичной 17 л.).

Вар. IV. Окончаніе этой петривки въ с. Губскомъ, Тарандинцовской волости, такое:

¹ и ²) Вездѣ вмѣсто комирочки поють иногда „світлицю“. Или: Дубовыми дверями зачиняла.

Пусты на улыцю, бо й плачь
бере!
Ой, слухай же, маты, соловей
свыще,

Пусты на улыцю—женыхъ клыче!
Ой слухай же, маты, чайка кряче,
Пусты на улыцю—женыхъ плаче!

(отъ Ул. Выборной м. Свѣтина).

Вар. I. Послѣ шестой строчки такъ:

Сторожа послула, маты не чула,

А я, молоденька, гуляты майнула.

(отъ Варвары Кузнецовой с. Литвяковъ).

Вар. II. Начало петривки въ с. Волчкѣ такъ:

Ой, маты, маты! воронъ кряче,
Пусты на юлыцю — женихъ плаче.

Не за кимъ же плаче якъ за мною!
Якъ не пускаешъ, — Богъ зъ
тобою.

(отъ Натальи Шевченковой 12 л.).

8.

Мате, мате! Деркачь дере,
Пусты погуляты, бо ажъ плачь
бере.
Маты, маты! чайка кыгыче,
Пусты на улыцю, бо женихъ
клыче!

Маты, маты! деркачь дере пидъ
горою,
Въ мене женышына пидъ полою.
Деркачь дере дай малисинькій,
Въ мене женышына молоди-
синькій.

(отъ Марии Рябоконевои 19 л. с. Загребелья).

9.

Та на вгороди конопелечкы
Та дрибни, не вельки, зелене-
сенькы.
Та не дають витры постояты,

Зеленому лысту помаяты.
Та що я у батька та зроду одна
Та не дають люды погуляты
Русою косою помаяты.

(отъ Уст. Каленяченковой с. Березоточи).

10.

Ходыть коныченько по надъ
гречкою,
Молодый хлопчына зъ уздечкою:
Пидожды, коню, осидлаю

Пойиду дивчыну одвидаю.
Чы вона жыва, чы здорова
Моя дивчынонька чорноброва (2)
Билесеньке лычко, тихая мова.

(отъ У. Выборной м. Свѣтина).

11.

На мори утка купалась,
На тры бережечкы сушылась.
Наталка своимъ сыномъ хвалы-
лась:

Нема зилля пахущого,
Надъ мого Иванка кращого.

(въ 95 г. отъ дворянки Василисы Шульгиной, урожд. Бубляковой, с. Денисовки).

12.

(Входитъ въ № 13).

Ой горе, горе! сухой дубе!
Та на тебе, дубе, морозъ буде!
Що я морозу не боюся,
Завтра въ ранци розивьюся,
Та на дибривоньку похылюся,
Та на тїи воды та на слободы,
Та на дивчыныно та пидвирьячко,
Та у покутнее виконечко.
Сыдыть дивчынонька край виконечка

Ой, горе, горе, сухой дубе!
Що на тебе, дубе, пожаръ буде.
Та паше поломья съ тебе дуже,
Та паше поломья на подвирьячко,
Ажъ у покутнее виконечко.
Тамъ дивчынонька хусточки шыла,
Та шыла хусточки съ китаечкы

Вар. Въ с. Губскомъ, Тарандинцовской волости начало петривки такъ:

Ой, горе, горе, сухой дубе!
Та летыть поломья червонее (2)
Та на Наталины воритечка.

Не стій, вербо, надъ водою,
Бо холодна вода пидъ тобою.
А стань, вербо, у толоци,
Де збираютця дивкы й хлопци.
Де дивкы й хлопци збираютця,
На медъ, горилку складаютця

(въ 95 г. отъ коз. м. Оржицы Евфросинїи Семперовичъ).

Не стій, вербо, надъ водою,
Бо холодная вода пидъ тобою,
А стань же ты, вербо, на рыночку
Та на хрещатому барвиночку.
Та стань же ты, вербо, на толоци,
Та де собираются дивчата и хлопци.
А де собираются та ривняются,

13.

Не закрыве лычка одъ сонечка,
Ни русои кбсы одъ полумьячка.
Я-жъ думала, що полумьячко,
Ажъ то козакове здоровьячко.
Я-жъ думала, що огонь горыть,
Ажъ то козаченько конемъ бижыть,
Я-жъ думала, що огонь паше,
Ажъ то козаченько на кони пляше!
(отъ Авд. Сокиркиной д. Рудки).

14.

Китыла китыци зъ заповочи,
Та слала подаркы золотїи:
Це жъ тобі, козаче, подарочки
Одъ твоеи дивчыны коханочки.
А винъ же подаркивъ не прймае,
Зъ собою дивчыну забирае.
(отъ О. Неделькиной с. Литваковъ).

Сыдыть же вона край виконечка
Въ ейи головонька гладесенька,
Въ ейи матинка риднесенька.
(отъ Анны Богиничъ).

15.

Выкынь, козаче, хочъ полушечку,
За свою Марусю славу душечку
Выкынь, козаче, хочъ копїечку,
За свою Марусю, славу дивочку.
Выкынь, козаче, хочъ гривеньку,
За свою дивчыну чорнобрывеньку.

16.

На медъ, горилочку та скидаются
Выкынувъ Иванко та копу грошей,
Шо винъ у батька сынъ хороший
Выкынувъ Иванко половыночку,
Сотишывъ дивчыну—челядыночку.
Выкынувъ Иванко наибильше всихъ,
Та выбравъ дивчыну найкращу
всихъ.

(отъ коз. Д. Гавриленковой 23 л. д. Гребичъ въ 94 г.).

Вар. Въѣсто 5—8 стр. въ с. Хорошкахъ, Снѣтинской вол., поють слѣдующія:

Туды сыриткы сбиралысь,
Хрещатымъ барвинкомъ затыкалысь

На медъ, горилочку складалысь ит.д.
(отъ Матрены Мицкы).

17.

Що по чужихъ селахъ дощи йдуть,
А въ насъ ричкы течуть.
Тай заплету тынкомъ ричечку
Та пуцу лебидя й лебедочку.

А тожъ не лебидь билесенький,—
То Иванко молодесенький,
А тожъ не лебедка билесенька,—
Тожъ Ганна молодесенька.

(въ 95 г. отъ кр. д. Пятигорець В. Охряменковой).

18.

Посію я рожу надъ водою
Поставлю сторожу пидъ вербою (2)
Чи не пиде дощыкъ стороною.
Стороною дощыкъ, стороною,
Та на мою рожу червоную
Та на мій барвинокъ хрещатенький,
Та на мій василекъ запашненький ¹⁾,
Та на мою мяту кучерявую
Та на мою косу русявую.
Що у мене коса до пояса,
Червоный коснычокъ до пятычокъ.
Що у мене лычко якъ яблучко,

Що у мене брови якъ шнурочокъ,
Що у мене очи якъ терночокъ.
Тай обизвався козаченько:
Тай не выхваляйся, дивчынонько,
Бо не ты кисоньку выкохала,
Не ты биле лычко выбиляла.
Выкохавъ кисоньку твій батенько,
Выбиляла лычко твоя матинка,
Тай по трычи въ ночи вставаюче,
Твое биле лычко вмываючы (2)
Твою русу косу заплитаючы.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина)

Вар. 1. Въ с. Литвякахъ прибавляютъ къ началу пѣсни слѣдующія шесть строкъ:

По чужихъ сторонахъ дощи йдуть,
А въ нашій—ричкы течуть.
По чужихъ сторонахъ витры віють,

А наши дивчата рожу сіють.
Ой сіють же рожу й василечокъ
Щей хрещатенький барвиночокъ.

(отъ Ор. Недилькиной).

Вар. 2. Въ с. Юсковцахъ начало такъ:

Ой выорю нывку, щей долынку

Та посажу рожу шей калынку.

(отъ Кс. Кратовой).

Вар. 3. Въ х. Пышномъ, съ 8-й строки:

Моя руса коса въ коснычку,
Моя била ручка у перснычку.
Щой у мене очи якъ терночокъ,

Щой у мене брови пидъ шнурочокъ.
Що у мене лычко якъ яблучко,
Сама молодая якъ ягода.

(Марей Павлищенковой).

¹⁾ Или: Та на мій любыстокъ листатенький.

Вар. 4. Въ с. Рудки въ концѣ такъ:

Выкохала косу моя матинка,
Билее лыченько у батенька.

Выкохала косу у садочку,
А билее лыченько у холодочку.
(Авдотья Сокиркиной).

Вар. у Чуб. (т. 3, № 50, стр. 145) не похожъ и гораздо слабѣе.

Вар. 5. Въ с. Воронинцахъ начало различно, именно такъ:

Посію я рожу пидъ горою
Поставлю сторожу чорноброву,

Чы не вдарыть дощыкъ стороною.
(отъ Анны Клименковой).

Вар. 6. И такъ еще:

Соловей, соловейко на калыни,
Сывая зузуля на туполи.
Козакъ дивчыни до любви,

До любви тай до розмовы,—
Билее лычко, чорніи бровы.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе наружности дѣвицы, оканчивающееся та-
кимъ образомъ:

Моя ручка у перснычку,
Моя била нижка у черевычку,

Моя руса коса у коснычку.
(отъ Софіи Холодняковой).

Вар. 7. Въ м. Оржицѣ, послѣ 8 строчки перваго варианта, описаніе
наружности такъ:

На мое лычко билесеньке,
На мое словце вирнесеньке.

На мое лычко щей билійше,
На мое словце щей вирнійше.
(отъ Евфр. Семлеровичъ).

19.

Малая ничка петривочка.
Та клыче зовыцю неvistочка:
Ой, прыйды, зовыця, прыйды, сес-
трыця,
Та прыйды до мене ночуваты.
— Боюсь, неvistочко, боюсь мо-
лода,
Ой, щобъ же ты мене не зрадыла,
Русои косы не збавыла.
— Не бійсь, зовыце, не бійся, сес-
трыце!

У мене комори орихови,
У мене дверечка дубови
У мене замочки турецькии
У мене ключыкы немецькии.
Ой, тилько стало намеркаты,
Тупотыть, грюкотыть коло хаты.
Ой, то прыхалы зовыцю браты.
Що зовыця каже: розбойнычкы,
А неvistка каже—то любовнычкы.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина).

Вар. Въ с. Пескахъ въ петривкѣ этой слѣдующія отличія: въ отвѣтѣ
зовыци:

— Не прыйду, неvistко, не прыйду,
молода,

Бо ты, молодую, мене зрадышь,
Одъ батька до свекра переманышь.

Въ успокоеніи, высказываемомъ неvistкою:

— У мене комори дубови,

У мене дверечка соснови.

Въ самомъ концѣ прибавляютъ:

Взялы зовычку за билу ручку,

Повелы зовычку у темнычку.

20.

Та малая ничка на купала
Де ты, дивчыно, ночувала?
Ночувала ничку у барвиночку,
Уставай, козаче, недовирочку.

Ночувала другу въ темному лугу
Уставай, козаче, несуженый другу.
Ночувала третю пидъ ожною
Съ тобою, козаче, зъ дружыною.

(отъ У. Выборной м. Сяѣтина).

21.

Малая ничка проты Ивана
Съ кимъ ты, дивчыно, ночувала?
Ночувала ничку пидъ дубчыкомъ
Съ тобою, козаче, голубчыкомъ.

Ночувала другу пидъ березою
Съ тобою, козаче, розвезою.
Ночувала третю у барвиночку
Съ тобою, козаче, недовирочку.

(отъ Васялисн Конычки х. Яновщынн).

22.

Ой, на вгороди ромень, ромень,
Та кажутъ же люды: мылый умеръ
Ой, ходимъ, сестрыци, дывытыся:
Чи буде дивчына журытыся?
Молода дивчына не журытця,
Ходыть по вгороду въ груды
бьетця (2).

Уже мій мыленькый не вернетця.
Выйшла за ворота, руки ломыть:
Уже мій мыленькый не говорыть!
Хочъ быйся, не быйся, не поможетця,
Во вже козаченько не прыгорнытця.

(отъ Марен Павлиценковой х. Пышнаго).

Вар. Вмѣсто этихъ двухъ поютъ и такъ:

Выйшла за ворота побываетця:

Уже мій мыленькый не бзываетця.

23.

Коло шыру шыру широкого ¹⁾,
Коло Дунаечка глыбокого,
Тамъ дивка—сыритка нижкы мыла,
Чысту водыцю сколотыла.
Та де узявся козаченько
Та на вороному коныченьку (2)
Та въ голубому жупаныченьку.
Ставъ коныка напуваты,
Ставъ дивку сыритку прокляматы:
— Бодай ты, сыритка, бильшь не
зросла,

Такою малою замижъ пишла,
Та шей молодою завдовила,
Маленькихъ диточокъ посыротыла!
— Бодай ты, козаче, не оженився,
На сынѣму морю утопывся!
Бодай кинь вороный ставъ горою,
Золоте сидельце—дольною
А самъ, молоденькый,—ставъ мо-
гылою!

(отъ А. Сокиркиной).

¹⁾ Въ Литвякахъ: коло выру; въ с. Юсковцахъ: коло гаю; въ х. Пышномъ: коло яру.

Вар. 1. Проклятія козака и сиротки въ Низшемъ Булатцѣ поють такъ:
— Щобъ ты вышла замижъ мо-
лодою
Та щей осталася и вдовою!
— Бодай твій коныченько воды не
напывся,

Бодай ты, козаче, втопывся.
Щобъ твій коныченько — купыною,
Твоя нагаечка — гадыною!

(отъ Матрены Барановой).

Вар. 2. Въ х. Пышномъ такъ:
А сыритка стала — отгадала:
Бодай ты, козаче, не оженывсь,
Въ тихому Дунаю утопывсь,

Що твій коныченько — горою,
Твое сиделечко — купыною,
Твоя нагаечка — гадыною.

(Марѣи Павлиценковой).

Вар. 3, записанный въ х. Тернавщинѣ отъ немолодой женщины Софіи Латенковой, старинный, но кажется испорченный, такой:

У поли крыныченька, холодная во-
дыченька,
Тамъ сыритка ноги мыла,
Холодну воду сколотыла.
Прывивъ козаченько коня напувать,
Ставъ сыльно сыритку проклянуть.
Щобъ ты, сыритко, бильшь не
зросла
И замижъ пишла, не зрозумила
И молодая завдовила
Вона молода стала,
Сыльно ёму й отгадала:

Щобъ ты, козаченьку, не дождавъ.
Щобъ твій кинь середъ моря яво-
ромъ ставъ.
Твое сиделечко купыною,
Твоя нагаечка — гадыною!
Выйшла ёго ридна маты воды браты.
Стала на то дыво дывоваты:
Я не разъ, не два воду брала,
Сёго дыва не выдала.
А молода сыритка ій отгадала:
Се не дыво — то твоя дытына,
Се я, молода, ёму такъ поробывъ!

Вар. 4. Въ числѣ проклятіи сыритки въ с. Губскомъ такъ:
Бодай ты, козаче, та вовкомъ ставъ.

(отъ Анны Богиничевой).

Вар. 5. Въ с. Волчкѣ проклятія сыритки:
Бодай ты, козаче, съ коня вбывся,

Шобъ ты, молоденькій, не оженывся.
(отъ Натальи Шевченковой).

Вар. 6. Въ сел. Новакахъ начало петривки такое:
Ой, не стій же, вербо, надъ водою,
Бо холодная вода пидъ тобою.

Пидъ тебе водыця пидбигае,
Съ пидъ тебе коринни вымывае.

Затѣмъ между проклятіями козака:
... Зъ маленькими дитьмы одурила
И сыритки:
... Твоя нагаечка гадынкою,

А ты, козаченько, чортынкою.
(отъ козачки Н. Щербаневой).

24.

Уже петровка мынаецця,
Зузуля куваты забуваецця.
Уже петровка мынулася,
Зузуля куваты забулася,

Ячмени зажыгаютця,
Соловьи щебетать забуваютця.
Уже ячмени позажыгались,
Соловьи щебетать позабувались.

(въ 95 г. отъ двор. В. Шульгиной, урожденной Бубликовой с. Денисовки).

25.

Та вже ячминь колось выкыдае,
Соловейко голось покыдае;
Тай вже-жъ ячминь колось тай
выкынувъ,

Соловейко голось свій покынувъ.
У ячмени колось набростывся,
Соловейка голось изменився.

(отъ У. Выборной м. Свѣтна)

26.

Зозуленько! моя матинко.
Та до Петра тоби та куваньячко,
Писля Петра тоби вылитаньячко.

Писля Петра серпы браты
Та йты у поле жыто жаты.

(отъ М. Рябоконовой с. Загребелья).

27.

Уже петривочка мынаецця
Сыва зозуленька ховаецця
Пидъ капустяный лысточокъ,
Щобъ не одминывся голосочокъ.

Пидъ капустяне качаньячко,
Щобъ не одминылось куваньячко.
Да пидъ лободу, да пидъ зильячко ¹⁾,
Щобъ не одминылось ййи пирьячко.

(отъ А. Сокиркиной с. Рудки).

Вар. Въ д. Пятигорцахъ начинаютъ эту петровку такимъ образомъ:

Уже петривочки дви недилечкы

У зузули голось якъ у дивочки.

(отъ В. Охрименковой).

28.

Ой, Петре, Петре! шей ты, Иване!
Уже петривочка помынае.
Уже петривочки дви недилечкы,
Напывайтесь дивкы горилочки.
Уже петривочки—одна, одна,

Напывайтесь дивкы вына.
Уже петривочка помынае,
Сыва зозуленька полынае.
Уже петривочка помынула,
Сыва зозуленька полынула.

(отъ кр. с. Волчка Натальи Шевченковой 12 л.).

29 ²⁾.

Сёгодня купала, а завтра Ивана,
А пислязавтра Петра и Павла.
Ой, Петре, Петре, и ты, Иване!

Уже жъ твоя петривочка мынае.
Уже петривочка мынаецця,
Сыва зозуленька ховаецця.

¹⁾ Или: Пидъ капустяне зильячко,

Щобъ не зминылося пирьячко.

²⁾ Почти всѣ петривочки записаны въ 1889 году.

Уже петривочка помынула,
Сыва зозуленька полынула.

Уже петривочци не буваты,
Сызій зозуленьци не куваты.
(отъ У. Выборной м. Сяѣтина).

Т р е н д ы ч ии ¹⁾.

Чогось мени не прядетця,
Пидо мною дныще гнетця,

1. На четверо нытка рветця.

Ой, колыжъ той вечеръ буде,
Що багато хлопцивъ буде?
И велькихъ, и малихъ,

2. И розумнихъ, и дурнихъ,
И убогихъ, и богатихъ,—
Буде съ кого выбираты!

По за садомъ, садомъ ²⁾
Тры мисяця рядомъ.
Ой, ну сюды, ну!
Тры мисяця рядомъ.
Первый мисяць ясный—
Егорко прекрасный.
Другый мисяць ясный—
Трохымко прекрасный.
Третій мисяць ясный—
Прокопко прекрасный.
Ой, ну сюды, ну!
Тры мисяця рядомъ.
По за садомъ, садомъ
Тры зирочки рядомъ.
Ой, ну, сюды ну!
Тры зирочки рядомъ.

3. Перва зирка ясна—
Варуся прекрасна,
Друга зирка ясна—
Настуся прекрасна,
Третя зирка ясна—
Наталя прекрасна.
(припѣвъ).
Що Варуся буде
Пшеныченьку жаты,
А Настуся буде
Медомъ торгуваты,
А Наталя буде
Шматурья збираты,
Просыла Прокопка
Торбы зашиваты.
(припѣвъ).

Вар. I. Въ с. Литвякахъ послѣдніе два куплета поють и иначе:

Що Варуся зъ Егоркомъ—
Пшеныченьку жаты,
Настуся зъ Трохымкомъ

Ячкеню вязаты,
Наталя съ Прокипкомъ
У шынокъ гуляты.

Вар. II. Вмѣсто двухъ послѣднихъ куплетовъ въ х. Пышномъ поють:

Иванко съ своею
Пшеныченьку жаты,

Гаврылко съ своею
Медомъ шынкуваты,

¹⁾ Помѣтки собирателя, отъ кого и когда пѣсни записаны, пропущены въ виду краткости пѣсенъ.

²⁾ Иногда: „по за яромъ, яромъ“.

Данылко съ своею
Шматурья прохаты
Одъ хаты до хаты.
Шматкивъ напрохалы

Вар. III. Въ х. Яновщинѣ припѣвъ такой:

Граи море, цвѣты зоре!
Самодѣрь.

Собаки нагналы,
Торбу розирвалы
Шматки похваталы.

Тюхы, тюхы,
Дѣрь, дѣрь, дѣрь.

(подражаніе соловью).

4.

Котылося тры зирочки зъ неба
Чогось мени до батенька треба;
Треба мени волового воза,
Тамъ дивчына якъ повная рожа.
Ййи маты грѣчаныкы чыныть,
А хлопчына дверей не отчыныть.

Одчынитця двери проты мене
Тай отдайте дивчыну за мене.
Шкода зятю одъ доброго слова
Не ночуе дивчынонька дома.
На досвиткахъ велька залога
Тамъ ночуе дивчына здорова.

5.

Що Маруся та Оксана,
Салымонова Лександра,
Що до Дороша ходылы,
Клункомъ мирочку носылы.
Дорошъ буде переводыть
На лучшую путь наводыть.
Дорошъ Дорошыси лае:
Чомъ очипочкивъ не мае?
Чомъ крамарыкы не ходять
Чомъ очипочкивъ не носятъ?
— Ой ты, Дорошъ, Дорошыно!
Въ тебе куца кожушына.
Сыдыть Маруся кивае
Тай на Дороша моргае:
Що я й прынесу
Хочъ не вранци, въ вечорыни
Вытягну въ сестры изъ скрыни.
Якъ побигла до дому

Та не въ хату—въ коморю
Замутылася.
Ходыть вона та ныкае
Та чогось вона шукае
Та вкрала лынтьварь
Взяла ёго розгорнула,
Посмотрила, впьять згорнула
Тай за пазуху запхнула
Тай до Дороша майнула,—
Буде доточыть!
Ййи мате старая
На досвиткы не пускае.
— Таки-жъ бо пиду!
Якъ потягну сусуныну,
Якъ потягну рядно съ тыну,
А якъ прыйде женышына;
Въ ёго куца кожушына,
А въ мене рядно!—

6.

Ой не выходъ на юлыцю (3) ¹⁾ на юласъ
Тай не сядай проты мене (3) проты насъ.
Скажуть люды: любышъ мене (3) любышъ насъ.

¹⁾ Слово, возлѣ котораго цифра 3, поется трижды.

Бо мы роду не простого (3) не съ простыхъ.
Бо мы роду князивського (3) князивськихъ.
Князивській сынъ въ гусли грае (3) въ гусли гра
Соби Машу выкликае (3) выклика.
— Выйды, Маша, на крылечко (3) на крыльцѣ
Промовь, Маша, хочь словечко (3) хочь словцѣ
— Ой, рада-бъ я выходыты (3) выходыть,
Съ тобой, сердце, говорыты (3) говорыть
Буде-жъ мене маты знать, на юлыцю (3) не пускаты.

7.

Ты, дивчыно, прыберыся,
Ты, козаче, подывыся:
Чы хороша, чы вродлыва,
Чы до дила робитлыва.

Надавыла, надавыла надавья,—
Надавыла соловья.
Соловейко шуры буры
Тай убывъ тры зузули.

8.

Що на неби ясна зирка,
Що Маруся гарна дивка.

Гарна дивка, гарно ходыть,
Гарно ййи маты водыть.

9.

На тарильци билый сыръ,
Що Иванко гарный сынъ.

Гарный сынъ, гарно ходыть,
Гарно ёго батько водыть.

10.

На тарильци два лыны,
Мій мыленькій прылыны!
Прылынули разомъ два
Чорноброви обыдва.

Та не знаю, що робыть
Чы покынуть, чы любыть?
Которого одсылать,
Которого оставлять.

11.

Якъ посію сири, били гарбузы,
Туды йшли у тры ряда, парубкы.
Попереду та Иванко иде
За собою та Марусю веде,
— Ты, Марусю, ты, дружыно моя!
Якого ты мени зилля дала?

— Дала зилля драголюбчыку,
Драголюбчыку, чыку, чыку
У стаканчыку,
Дала-жъ тоби тай у чароцци,
Щобъ любылысь тай у пароцци.

Вар. Начало настоящей пѣсни въ сел. Волчкѣ такъ:

У нашего пана на двори, на двори

Уродылы сири, били гарбузы.

12.

Зайшло, зайшло сонечко
За садъ выноградъ,
Цилуйтеса, мылуйтеса,
А хто кому радъ.
Що дивчына козакови

Раденька була
Дала ёму шыту хустку
Щей шмать помела
Взяла ёго за рученьку
Та въ садъ повела.

Йижъ, козаче, ягідки,
Которіи солодки,
А котори кисли,

То нехай на вышни,
А котори ни,—
Зоставляй мени.

Вар. I. Въ с. Хорошкахъ прибавляють:

А якъ зелени,

То давай Олени.

Вар. II. Въ х. Пышнѣмъ послѣ „шмать полотна“ поють:

Оце тобі, козаченьку,

Комора нова.

И тѣмъ кончають.

13.

Якъ узаяла козаченька нудота,
Прыпынае коныченька до стовпа.
А самъ, молодъ, по пидъ тыномъ
рачки, рачки,
Та до тін дивчынонькы швачкы,
швачкы.

Коло неи не насыдыться,
Винъ на неи не надывыться.
Така въ ёго думка була,
Щобъ дивчына ему жинка була.
Тай не тайся, дивчынонько, не тайся,
Бо въ тебе козаченько вдався.

Первыя двѣ строчки въ х. Николаевкѣ такъ:

Заболила въ козаченька голова,

Та привязавъ коныченька до двора.

14.

По надъ терномъ стежечка,
По надъ терномъ бытая,
Бытая була (2).
Що въ дивчыны бривонькы,
Що въ дивчыны чорніи,—

Матуся дала (2).
А хто ййи знатыме,
То той цилуватыме,—
Хлопійко душа.

Вар. Въ с. Волчкѣ вмѣсто „бривоньки“ такъ:

Шо въ дивчыны губонькы,

Шо въ дивчыны пышныи и т. д.

15.

Чы я тобі не кажу:
Що засватана хожу?
А ты виры не ймешъ,
Та що вечора йдешъ.
Серденятко мое!
Прошу тебе ласкою

Не ходы ты до мене.
Буду, сердце, ходыть,
Буду вирно любыть,
Хочъ мени, хочъ тобі
Тай на свити не жыть!

16.

Чы чуешъ ты, Гапко,
Клыче тебе батько?
Черезъ тынь, костынь, костынь,
Черезъ терень густый, густый
Черезъ частой, наборчастой
Черезъ колисчастой.

Хочъ же винъ клыче,
То я знаю на що:
Хоче мене батько
За конюха ддаты.
Я конюха не люблю
За конюха не пиду.

Затѣмъ пѣсня поется также о свинарѣ, вивчарѣ и козакѣ. Конецъ такой:

Я козаченька люблю,
За козаченька пиду,

Съ козаченькомъ жыть буду,
А вивчаря забуду.

Въ с. Литвякахъ начинаютъ такъ:

Ой, дивчыно Гапко!
Клыче тебе батько (2).
Воливъ запрягаты (2)

На квиткы ораты.
Или:
На тютюнѣ ораты.

17.

Ой на гори, ненько,
Цвите голубенько,
Нихто краще не заграе,
Якъ той Кононенко ¹⁾.

Кононенко грае,
А Миронко вчыться,
Якъ не визьме Харытыны,
Не буде женыться.

Вар. I.

Ой на гори, ненько,
Цвите голубенько.
Нихто мене такъ не любыть,
Якъ той Пысаренко.

Пысаренко пыше,
А хлопчына вчыться.
Не посватаю Маруси,
Не буду й женыться.

Вар. II. Вмѣсто второго куплета въ х. Пышномъ поють:

Пысаренко грае
Въ дубову сопилку,

Высвыставъ, выгукавъ
У Самсона дивку.

Вар. III. М. Лукомья:

На вгороди, ненько,
Цвите голубенько.
Нихто мене такъ не любыть,
Якъ той Пысаренко.

Пысарь пыше на бумази,
А Иванко на кытайци.
Нате, братци, передайте
Маруси коханци.

18.

Надъ Сулою надъ водою
Кислыци навислы,
Не добере Самсоныха
Невисткы до мысли.

Нехай вона выбирае,
Яку сама знае,
Надъ нашої Наталочки
Кращои немае.

19.

Гиля, гиля! сиры гусы на ставъ.
Добривечиръ, дивчыно, бо я щей
не спавъ.
А я спавъ, не спавъ,—не буду й
спаты.

Дай мени, дивчыно, повечеряты.
Въ мене вечера—рыбка печена
За для тебе, серденько, пригото-
лена
Рыбку поймо, медкомъ запьемю,
Мы съ тобою, серденько, поговоримю.

¹⁾ Коваленко.

20.

Ой бачу я, бачу,
Якъ ты волы гнала.
Тимъ я тебе не займавъ,
Що маты стояла.

Ой бачу я, бачу,
Що ты бычки перла,
Тимъ я тебе не займавъ,
Що ты моя перва.

Въ м. Лукомби въ началѣ прибавляютъ еще куплетъ:

Ой, дивчыно Насте,
Де ты волы пасла?

Пидъ дубкамы съ парубкамы
Де травыця рясна.

21.

Надъ ричкою надъ Донцемъ
Стоить дивка зъ молодцемъ.
Напьялася рукавцемъ
Напьялася обома.
Винъ цилуе, обнима.

Пытаеця: чія я?
—Ой, дивчыно! чія ты?
Чы выйдешъ ты гуляты?
Якъ выйдешъ ты, выйду я,
Тоди скажу, чія я.

У Чуб. (т. 5, стр. 87, № 182) первая двѣ строчки такія же

22.

Ище пивни не спивалы
Кажуть люды близько свить.
Стоить мылый край ворить
Выкыкае молоду дивчыну
Та до себе на совить.
—Ой, якъ мени ходыты,
Тебе вирно любыты

Де бильшъ челяди гуляе,
То тамъ буду судыты.
—Якъ ты мене судышь разъ,
А я тебе двичи,
Де бильшъ челяди гуляе,—
Плюватыму въ вичи.

23.

Черезъ ричку у лисокъ
Подай мыла голосокъ.
Черезъ быстру риченьку
Подай мыла рученьку.
Ой, рада бъ я ручку дать,
Сторонни люды стоять.

То не люды—старыкы,
То наши розлучныкы.
Хотять же насъ побидыть,
Любовь нашу розлучыть.
Любовь наша дорога,
Розлученька тяжела.

Въ с. Литвякахъ вмѣсто послѣдней строчки двѣ такія:

До чого насъ довела,

До славонькы, до стыда.

24.

Ой, маты моя!
Та зарижъ мотыля.

Шобъ моему женихови
Та вечеря була.

25.

Чы я тоби не казала
И не говорыла:
Прыйды, прыйды у вечери
Я рыбку варыла?

Винъ не прыйшовъ у вечери
Та прыйшовъ у ранци.
Ой, позбирай, скурвый сыну,
Кисточки на лавци.

Ой не ходы лёдомъ,
Ходы огородомъ,
Бо на лёду провалыся
Тай до мене забарыся.

26.

Я не боюся,
Бо не провалюся,
Якъ я тебе вирно люблю,
Тай не забарюся.

Ой, не ходы по лёду,
Бой увалыся.
Чы ты мене вирно любышъ,
Чы ты чваныся?
Якъ я тебе не люблю,
Скарай мене Боже,

27.

Буду тебе цилувать,
Поки сыла зможе.
Уже й нацилувався,
Уже й намылувався.
Чась пора перестать,
Щобъ и славы не застать.

Въ зб. Лисенка, 68 г., № 37, стр. 83—первыя 7 строчекъ такія же.

Трахъ, трахъ по леду,
Хочь и слызько та йду,
Та до тии дивчыны,
Шо хороша на выду.

28.

Хочь хороша, —не хороша,
Таки въ неи таланы.
На юлыци хлопци бьютця,—
На кошари бараны.

Якъ бы мени не тыны
Та не перетынкы,
Ходывъ бы я до дивчыны
Тай до Харытынны.

29.

Якъ бы мени не тыны
Та не перелазы,
Ходывъ бы я до дивчыны
По чотыри разы.

Маты Сыдорова
На Сыдора позавыдувала.
Изъ Сыдора и сорочку зняла,
Сыдорови прочухана дала.

30.

Оце тоби прочуханъ, прочуханъ,
Щобъ ты дома ночувавъ.
По досвиткахъ не ходывъ, не ходывъ,
Чужихъ дивокъ не любывъ.

Якъ пиду я у гай, у гай,
А тамъ дивкы—ай яй яй!
То чорняви, то бияви,
На котру глянь—уси брави.
А я на ихъ задывывсь
Та зъ воламы розгубывсь.

31.

А я хожу та мытаю,
Та дивчачу матирь лаю.
Дошатався, домытався,
Поки батько пидобрався
Съ ципочкамы зъ ломачкамы,
Щобъ не гулявъ зъ дивочкамы.

Ой у стрильця пидъ виконѣчкомъ
Грае Прокипко сывымъ конѣчкомъ.

32.

Дивчына рада, въ долони плеще:
Ой, прыбудь, прыбудь, Прокишко,
ище.

33.
Нема гречкы, ни половы,
Що въ Маруси чорни бровы.
Ты, Маруся моя!
34.
Ой, матинко! хыкаетця,
Хай легенько згадаетця,
35.
На гору йшла пидперлася
Заплакала й утерлася.
36.
Ой, хожу по току,
По гладесенькому.
Выплакала кари очи
По мылесенькому.
37.
Якъ пиду я до млына
Та піймаю лына.
Ни съ кимъ систы,
38.
Сердытця та лыха
Не бачыла жениха
Якъ бы жъ ёго побачыла
То я ёму бъ оддячыла!
39.
На вгороди буркунына
Та нема мого та Даныла
Та нема тай не буде
Винъ у вечери прыбуде.
40.
На вгороди редька,
Нема мого Федька!
Ось перегадомъ
41.
На вгороди гарбузы,
Нема мого мармузы.
42.
На вгороди салата
Нема мого Кондрата.
- Ты до горя довела!
Ты до горя, до биды,
До холодной воды.
- Кого люблю поцилую,
Ажъ губонькы слыпаютця.
- Куды йду, слёзы лью
Нема того, що люблю.
- Ой, хожу по току
Тай по копаному.
Выплакала кари очи
Тай по коханому.
- Лына зъисты,
Хиба сяду сама.
- Кывнула та моргнула
До серденька прыгорнула.
До серденька до щырого
До лыченька до билого.
- А хочъ прыйде—не прыйму,
Я й одъ себе прожену.
Хочъ прогонь—не боюсь,
А до тебе прыгорнусь.
- Бижыть огородомъ.
Нижкою тупъ, тупъ!
Чы дивчына тутъ, тутъ?
- Якъ нема тай дарма,
Переночую й сама.
- Нема, нема щей не буде
Винъ у вечери прыбуде.

Въ с. Пескахъ, Засульской волости, послѣднія двѣ пѣсни варьируютъ сообразно имени парня такимъ образомъ:

Ой, на гори ямка, | Нема мого Иванка.

Или:

На вгороди макивка, | Нема мого Якивка.

Или:

На вгороди квасолына, | Нема мого Васылына, и т. д.

Послѣднія же двѣ строчки поютъ какъ въ предыдущемъ вариантѣ.

43.

Прийды, прийды въ понедилокъ

Та пидемо по барвинокъ.

Ты жъ мене пидманула,

Ты жъ мене пидвела;

Ты жъ мене молодого

Зъ ума—розума звела! ¹⁾

Прийды, прийды у вивторокъ

Та нажнемо снопивъ сорокъ.

Прийды, прийды у середу

Та пидемо по череду.

Прийды, прийды у четверъ,

Лучше буде нижъ теперъ.

Прийды, прийды у пятницю

Та пидемо по яглыцю ²⁾.

Прийды, прийды у субботу

Та пидемо на роботу.

Прийды, прийды у недилю

Та пидемо у шевлю.

Ты жъ мене обманула,

Ты жъ мене пидвела!

Ты жъ мени, молодому,

Вечеряты не дала.

Вар. Въ с. Литвякахъ первыя двѣ строчки такъ:

Прийды, прийды сама буду

А въ концѣ:

Ой, выходывъ всю петривку

Та выносывъ всю горилку.

Та напнымо халабуду.

Ой, выходывъ вси мясныци

Та выносывъ вси кислыци.

44.

На вгороди вивци пасла

Назбирала горцокъ масла.

Назбирала, посолыла

Варенычкивъ наварыла (2)

Соби хлопцивъ наманыла.

45.

Пидъ хатою вышня

Бѣ козаченько трепака,

Щобъ дивчына выйшла.

Не выйшла дивчына,

Выйшла ййи маты:

Иды, иды, мій зятеньку,

До насъ вечеряты,

Я не хочу вечеряты,

Повечерявъ дома,

Прийшовъ же я на довидкы:

Чы дивчына дома?

Дома, дома, дома,

Лежыть нездорова.

Ни сорока, ни ворона

Ни чорная галка,

Що дивчына та козакъ,—

Кажуть люды,—парка.

¹⁾ Приѣвъ повторяется за каждымъ двустипіемъ.

²⁾ Яглыця—трава.

Ой не стій на току
Та не вїй кукылю,

46.

Та не моргай очыма,
Бо не твоя дивчына.

Ой не стій пидъ виґномъ
Не ворочайся
Скыдай шапку, иды въ хату,

47.

Поздоровкайся.
Не мыкулай очыма,
Бо не твоя дивчына.

Ой не ходы коло хаты
Та не драгуй цуценяты,
Бо цуценя дзявольть,
Въ мене сердце болыть.

48.

Ой не стій пидъ виґномъ,
Не ворочайся,
Скыдай шапку та йды въ хату
Поздоровкайся.

Ой не ходы коло хаты
Та не топчы руты мняты.
Не для тебе я садыла,

49.

Щобъ я тебе полюбыла.
Не для тебе полывала,
Щобъ я тебе сподобала.

И Грыць на току,
А я хату мету.

50.

Мету хату, мету сины,
А на Грыця чорты силы.

Якъ ходыла по надъ токомъ
Накынула ёго окомъ.

51.

Винъ горбатый, я похыла,
Тимъ я ёго полюбыла.

Ой, матинко—черешенько,
Воды мене гарнесенько.

52.

Ю вышываній сороци,
Щобъ любылы мене хлопци.

Была мене маты зранку,
Що порвалы хлопци драмку ¹⁾,

53.

А я сила тай латаю
Тай на хлопцивъ поглядаю.

Нестору, Нестору!
Купы мени перстень
Изъ зеленимъ вичкомъ ²⁾.
Поверныся бочкомъ.

54.

Щей бочкомъ, щей бочкомъ
Щей реберочкомъ.
—Не звы мене козакомъ,—
Зовы сердечкомъ!

Ой, на гори зайчыкы трублять,
Чогось мене хлопци не люблять?
Скынтесь, хлопци, по грошу

55.

Купить мени ленту хорошу,
А я буду ленту носыты
Будуть мене хлопци любыты.

¹⁾ Сорочку.

²⁾ Камушекъ.

Кучерявый Иванъ
На капусту оравъ,
Кучеряву дивчыну
Поганяты нанявъ.

Ой, що то за мисяць
Колы свитыть, колы ни?
Ой, що жъ то за мылый
Колы ходыть, колы ни?
Ой, чому не прынись

Не ходыла на улыцю — не пиду,
Нелюбыла чорзна кого — й не люблю!
Брешешъ, дивчыно, брешешъ,
Що вечера на улыцю чешешъ ¹⁾.

Ты капуста, ты росада моя,
Ты дивчына, ты досада моя.
Ты капуста головыстая,
Ты дивчына норовыстая.

И вчора не бувъ, и сёгодня не
бувъ,
Десь ты мене, серденько, тай на
вике забудь.

Идуть, идуть, заволокы, зъ хаты,
Хай лягають дивчаточка спаты.
У насъ викна изъ виконьцямы
У насъ двери съ клынового древа,
Намъ такой сволочи не треба.

Колыбъ швыдче суббота
Булабъ хлопцямъ работа (2)
Заносыты ворота.
Зачепылы волокою
Тай потяглы толокою.
Зачепылы тонкимъ валомъ

¹⁾ Крешешъ.

56.

Сямъ день погонула
На косныкъ заробыла,
Хто йде тай смыкъ
За новый косныкъ.

57.

Чого я бажала?
А чы сала кусокъ,
А чы мыла брусокъ,
А чы тин нещасной
Чачавыци мишокъ.

58.

Брешешъ, дивчыно, брехаешъ,
Що вечера на улыцю махаешъ.
— Правда, козаченьку, правда,
Що вечера на улыцю гайда.

59.

Ты капуста выкыдай качаны,
Ты дивчыно покыдай норовы.
Ты капуста одностеблыця,
Одынъ ходыть, другый сердытця

60.

— Я й не забудь, та росердывся
бувъ,
Бисови норовы до другой по-
велы.

61.

У насъ викна изъ виконьцямы
До насъ ходять съ полюбовныцямы.
У насъ двери позащипуваны,
До насъ ходять позачисуваны.

62.

Тай потяглы довгимъ яромъ
Люды до церкви идуть,
Хлопци ворота несуть.
Не хвастайте хлопци дуже,
Що новии въ васъ картузы.
Вы картузы погубыте,
Дурни булы, — той будете.

63.

Очереть густый тай надудкува-
тый,
Славный парень на натуру, та
прудуркуватый.

На вгороди лепеха прылепет-
кувата,
Славна дивка на натуру—пры-
шелепкувата.

64.

Посіяла бурякы
Помижъ огиркамы
Препогани парубкы
Брезгують дивкамы.

Я думала, що вгиркы—
Колы пупьянкы,
Я думала парубкы,—
Колы шушвалкы.

65.

Черезъ садъ выноградъ
По воду ходыла,
Та не давъ мени Богъ
Кого я любыла.
Тилько давъ мени Богъ
Та на мое лыхо,
Колышу й ворошу,
А винъ лежыть тыхо.

—Хочь ты мене колышы
Хочь ты мене ворошы,
Хочь ты мои чорни брови
На папери испышы.
—Що ты мои на папери,
А я твои на лубку.
Любы мене на сонечку,
А я тебе въ холодку.

66.

За синечкамы, за дверечкамы
Стояла кровать съ подушечкамы.
На тій кровати Иванко лежыть

На правій рученци дивчыну держыть:
Дивчыно моя! свить вынограде,
Неходы по ночахъ, щось тебе вкраде.

Вар. I. Въ с. Литвякахъ послѣ первыхъ двухъ строчекъ прибавляють:

На тій кровати дивчына лежала,
Дивчына лежала хлопчыны бажала:

Нехай той прыйде, що мени хочетця,
Що винъ по досвиткахъ тай не во-
лочытця.

Вмѣсто двухъ послѣднихъ строчекъ въ х. Тернавщинѣ такъ:

Ой нема, нема кого хочетця
Десь по юлычкамъ винъ волочытця.

Винъ волочытця въ сирячыни,
Мени хочетця, щобъ у чумарчыни.

Въ с. Хорошкахъ прибавляють еще:

Щей штаны сыни, сорочка била,

Самъ парень до дила.

67.

Ой, матинко черешенько!
Засыдилась дуже,
Колыбъ мене той узявъ,
Що ложечкы струже.

Винъ наструже, винъ натеше
И на базаръ понесе.
И самъ себе прохарчуе,
Щей до дому прынесе.

Примѣчаніе. Эта пѣсня чисто мѣстная, кромѣ с. Калайдинецъ, известнаго своими издѣліями изъ дерева, и окрестныхъ селъ Ольшанской вол., она неизвѣстна.

Ой, матинко, до лышенька!
Купы мени женышенька
Хочь багато грошей дай,

Ой, маты моя!
Люблю Грыця коваля.
Я до печи, винъ за плечи:
Щебетушко моя!
И люблю и пиду
И поможи Боже!

Куры та гусы гречку пойылы
На сынее море пыть полетилы.
Дивчыно Галю! заверны ты гусы,
Поцилуй козаченька въ чорніи усы.
То що, то що, то я й поцилую
Въ ёго боридоньку презолотую.

Горохова копыця
По дорози котытця.
Молодая дивчына
Красотою хвалытця:

Варуся по виныкы ходыла
Сама соби Егорка любыла.
Стану я, подумаю сама:

Ой, матинко вышенько!
Яке мени лышенько.
Ой, матинко, туполе!
Яке мени тутъ горе!
Вставай, доню, не тужы,
Та наймайся та службы;
Вороженькивъ не гляды.

Ой, ходимо, Ганно!
Товарови даймо.
Зеленой лободы

68.

Хорошого выбирай.
Та не жалій копы грошей,
Щобъ чорнявый та хорошый.

69.

Буду ёго цилувать,
Поки сонъ изможе.
Вжежъ нацилувався,
Вже-жъ намылувався, (2)
Якъ у саду соловей
Тай нащебетався.

70.

Щей въ тїи губкы, що не курять
трубки,
Щей у той выдочокъ, красный якъ
лысточокъ,
Щей у ти бривонькы, тонкы якъ
шнурочокъ.

71.

Ой, тикала одъ татаръ,
Утикала й одъ жандаръ.
Теперь я вже не втечу,
Семень Ивановычу!

72.

Ой, кому я прыдостанусь молода?
Чы сѣму, чы тому паньчу?
Чы Егору Михайловычу?

73.

Тилькы сами ворогы
Кругомъ хату обляглы.
Кругомъ хату щей сины
Вороженькы обсилы.
Кругомъ сины й ворота,
А я бидна сырота.

74.

Та поженемъ до воды.
Не солодка лобода,
Що не пьетця вода.

75.

Що у тихъ богачокъ
Та багато сорочокъ,
А у мене одна
Тай та била що дня.
У вечери намочу,

Опивночи колочу,
Якъ сонечко бlysне,
Сорочка выхне
Якъ сонечко опивдни—
Сорочечка на мени!

76.

Ой, на току, на току
Молотылы хлопци.
Навидалы курипочку
Накрыту въ коробци.
Ой, тамъ куры пропадають,
Де дивкы гуляють.
Чы за медъ, чы за пиво,

Чы за ту горилку;
Истричае парубокъ
Изъ пивныкомъ дивку.
Не такъ вона излякалась
Тилько стало стыдно,
Заховала пивныка,
Тилько хвостыкъ выдно.

77.

Якъ пишовъ я на досвиткы
Черезъ тры города,
Заплутався въ гарбузиння
Та наробывъ шкоды.
Пидихожу пидъ виконце:
Добривечирь, люде!
Росплентайте зъ гарбузиння
Вамъ шкоды не буде.
Увійшовъ я въ хату
Просять мени систы,
Дають мени картоплыну
Нечыщену исты.
Я на тую картоплыну
Скоса поглядаю
На польци варенычкы
Я й самъ добре знаю.
Вар.

Погасылы каганецъ
Полягали спаты
А я за ти варенычкы,
Тай пишовъ изъ хаты.
Выйшовъ же я за ворота
Прошу себе систы,
Варенычкывъ исты.
Поивъ же я варенычкы,
Поивъ вареныци,
Перевернувъ макитерку
Въ синяхъ на польци
Ой, прощайте, добри люде,
Щей ты, сердце Насте,
Щобъ на мене молодого
Не було напасты.

Якъ пишовъ я до днiен
Люльки закурыты,
Зняла зъ мене кожушыну
Ще хотила й свыту.

Якъ пишовъ я до другои
Просыть мене систы
Дае мени бараболю
Нечыщену исты.

Далѣе какъ въ первомъ варіантѣ.

78.

Якъ пишовъ я на досвиткы
Та черезъ города

Заплутався въ гарбузынню
Та наробывъ шкоды.

Пидйду я пидъ викно:
Добривечиръ, люде!
Выплутайте зъ гарбузыння
Вамъ шкоды не буде.
Кому гарбузыння,
А мени насиння,
Хто выплута зъ гарбузыння
Заробить спасиння.
Якъ пишовъ я на досвиткы
Нигде мени систы
Дають мени бараболю
Нечыщену исты.

79.

И сюды и туды
Моя кукурузка—
Що на печи горяче,
А въ запичку узко.

Я на тую бараболю
Скоса поглядаю,
На польци варенычкы,
Я на ихъ моргаю.
Погасылы каганецъ
Полягалы спаты,
Я за тїи варенычкы
Дай выйшовъ изъ хаты.
Ой, ивъ же я варенычкы
Та ставъ вареныци,
Перевернувъ макитерку
Въ синяхъ на польци.

Що до мене сыто, сыто
Що до мене решета,
Що до мене по симъ ходыть,
А я бидна сырота.

80.

Чы такъ у васъ, якъ у насъ
На бѣрези колько?
Чы такъ у васъ, якъ у насъ
Цилуются ловко.

Чы такъ у васъ, якъ у насъ
На бѣрезы колючкы?
• Чы такъ у васъ, якъ у насъ
Стуляются губочки.

81.

Ой, чого ты, Пазыно, по симъ лузи блудышъ?
Ой, мабутъ ты, Пазыно, мого сына любышъ?
Ой, на тоби Пазыно, коня вороного
Тай не любы, Пазыно, сына молодого.
Ой на що тїй Пазыни коныкъ вороненькый?
Сподобався Пазыни козакъ молоденькый.
На Пазыни юшка якъ сыва голубка,
А ни батько купывъ и не маты дала,
Молодая Пазына съ козакомъ добула.
Добула, добула, бо хорошая була.
Пидъ зеленымъ байракомъ
И съ хорошимъ козакомъ.
На Пазыни спидныця .
Трыста рубливъ дурныця,
А ни батько купывъ, а ни маты дала.
Молодая Пазына съ козакомъ добула

Добула, добула, бо хорошая була.
Пидъ зеленымъ байракомъ
И съ чорнявымъ козакомъ.
Якъ умерла Пазына у субботу вранци
Положылы Пазыну на тесовій лавци,
Якъ надилы Пазыни чоботы сапьянци
Молодой Пазыни выдно пьяты й пальци.
А ни батько купывъ и не маты дала
Молодая Пазына съ козакомъ добула.
Добула, добула, бо хорошая була.
Пидъ зеленымъ байракомъ
И съ чорнявымъ козакомъ.

82.

Катерына гречку варыла,
Катерына хлопцивъ маныла.
Въ Катерыны чорная юпка,
Катерына чортова дурка.

Въ Катерыны чорна запаска
Въ Катерыны чортова ласка.
Въ Катерыны чорна одежда,
Катерына чортова лежня.

83.

Музыканты мои!
Вы заграйте мени
Коваля, Коваля.
Що я въ свого батенька
Одыныця була.

Трай, рай, рай

Дощыку въ рай.

Що у мого батенька,
Що у мого ридного
Сири волы на двори, на двори,
Що я ти волы продала, продала
Соби хорошии музыканты наняла.

(Затѣмъ измѣняютъ только слово волы на: коня, гусы).

84.

Ой, Боже мій, Боже!
Що я наробыла?
Полюбыла чабана
За грудочку сыра.

Укушу я того сыру,
А сыръ не солоный,
Подывлюсь на чабана,
Чабанъ не моторный.

85.

Яръ, яръ!
Я за яромъ стояла,
Я зъ маіоромъ гуляла.

Я маіора люблю,
За маіора пиду
Барынею!

86.

Я русявого люблю
За чорнявого пиду,
Ну, я рыжому не важу
У болото запроважу

Сыдыть рыжий та гада
Изъ болота выгляда,
Що хороша, чорнява
У болото загнала.

87.

И до дила не я,
До роботы—не я.
Ай до дила роботуха

И до хлопцивъ щебетуха.
И до дила, и до рала,
И до хлопцивъ удала!

88.

Ой, чей же то двиръ,
Що на гори хата?
Тамъ славная дивчинонька
Тильки не богата.
Ой, дивчыно моя!
Мое серденятко!

Радъ бы я тебе взять
Такъ не вельть батько.
Хоть батько вельть
Такъ ридъ не вельть,
Якъ побачу тай заплачу,
Ажъ жывить заболыть.

Въ с. Пескахъ начало этой пѣсни такъ:

Ой, дубъ та на дуба
Та дивчына моя люба.

Ой, радъ тебе взяты
Такъ не вельть моя маты.

Далѣе какъ въ первомъ вариантѣ съ замѣной батька матерью.

89.

Сватай мене, пане Йване,
А ты, маты, виддай мене,
Бо уже-жъ я доходыла
Така гладка якъ кобыла.
Ряба, ряба якъ зузуля
Черевычки жовти вбула (2)

Тай на улыцю майнула.
Черевычки—рыпу, рыпу,
Батько каже: другы куплю
Маты каже: чорта зносышь,
Бо зъ досвитокъ мычки носышь.

90.

Якъ тоби, козаченько, угодыть,
Яку тоби та стѣжыну купыть?
Червоную, дивчыно, червону,
Щобъ высила изъ застижокъ до долу.

Якъ тоби, дивчыно, угодыть,
Яки тоби закаблочки становыть?
Зъ висока, козаченько, зъ высока,
Щобъ вдарыла дивчына трепака.

91.

Уже свить, уже день,
А дивчына зъ лиса йде,
Тай заросылась,
Тай забродылась.

Ягидочки рвала,
Цыбульку щыпала.
Се жъ тому хлопчыни
Снидать сготовляла.

92.

Уже свить, свиточокъ,
Коло хаты слидочокъ.
Ой, хто ёго прослидывъ?

То хлопчына молодой.
До дивчыны прыходывъ
Черевычки прыносывъ.

Любовныя пѣсни.

1.

Ой пиду въ лисокъ, та сорву цвитокъ

Та зовью винокъ, пуцу на ставокъ.

А хто винокъ вловыть, той мене
возьметъ.

Ой йихавъ козакъ зъ Дону до дому,
Прывязавъ коня до бересточка,
А самъ пишовъ ловыты виночка.
По колина ставъ винка не доставъ,
А по поясъ ставъ тай потопать ставъ.
Тай потопать ставъ, виночокъ до-
ставъ.

Ой, бижы-жъ ты, коню, до дому

Не хвалысь, коню, дома никому,
Не хвалысь, коню, що я втопывся,
А хвалысь, коню, що я оженився.
Въ мене молода—холодна вода,
Въ мене свитилкы—на неби зиркы,
Въ мене бояре—глыбокы яры,
Въ мене старосты—густы бересты,
Въ мене свашечкы—разни пташечкы,
Раненько встають, жалибненько
кують,
Мени, молодому, жалю завдають.

2.

Тече ричка зъ Дунаечка
Тай у море впала.
Дивчынонька молодая
Зъ моря воду брала.
Козаченько молоденький
Пару коней напувавъ,
До своей дивчыноньки
Стыха речи розмовлявъ:
Скажы, скажы, дивчынонько,
Усю правдоньку мени:
Чы ты любышгъ? чы ты пидешгъ
Сей годъ замижъ за мене?

— Я правдонькы не скажу,
Сей годъ замижъ не пиду.
Посіяла васылечкы
У зеленому саду.
Ростить, мои васылечкы,
Я васъ буду поливать,
Прысылайся зъ старостамы
Буду рушнычкы давать.
Прысылався зъ старостамы,
Я рушнычкы не дала:
Хочъ я ростомъ и висока,
А на лита молода.

3.

Гай, маты, гай тай не метений,
Зеленою лищыною переилетений.
У тимъ гаю нихто не бува,
Молодый Иванко коня напува.
Напоившы коня, тай ставъ попасать,
До своей дивчынонькы лыстонькы
пысать.

— Дивчыно моя! горда та пышна,
Пысавъ я до тебе лыстонькы—чому
не вышла?
— Иване мій! не великий панъ,—
Сидлай коня вороного, йидь до мене
самъ.

4.

Ой, шо-жъ воно за Маруся,
Шо я їи вирно люблю,—заняты
боюся?
Тимъ я їи не займаю,
Шо свататы маю;
Тимъ до неї не горнуса—

Поговору боюся.
Колыбъ мени, Господы, вечора ди-
ждаты,
Зберу хлопцивъ всихъ молодцивъ
До Маруси гуляты,
А самъ сяду край виконця

Та буду слухаты,
А що буде Марусына
Моимъ хлопцямъ казаты.
Марусына по свитлонци ходыть,
Словесно говорыть:
Есть у мене два садочки
Тай обыдва не родяты,
Есть у мене два женыхы
Тай обыдва не ходяты.

Камяна гора розвалялася,
Дивка съ козакомъ попрощалася.
— Козакъ молодой! проведы домой.
— Дивка молода! случылась беда,
Случылась беда—потерявъ коня,
Потерявъ коня—щей сиделечко,

Буду сады полываты,
Шобъ обыдва родылы,
Буду хлопцивъ чаруваты
Шобъ обыдва ходылы.
Прычарую ручки й нижкы
Щей каріи очи,
Шобъ не ходывъ до другои
Темненькой ночи.

5.

Прощай, дивчыно, мое сердечко!
Потерявъ коня, щей подушечку,
Прощай, дивчыно, моя душечко!
Потерявъ коня, щей нагаечку,
Прощай, дивчыно, моя павочко!

6.

Ты, мисяць ясный! мій мылый прекрасный
Якый ты родывся на свити нещасный!
Якый ты вродывся—мени знадобывся,
Якый ты удався—мени сподобався.
— Колыбъ мени, мыла, орлови крыла,
Орлови крыла, соловыны очи,
Знявся, полетивъ бы до мылои въ ночи.
Та сяду я, впаду, у мылои въ саду,
Чы не выйде мыла къ мени на пораду.
Моя мыла ходыть, били руки ломыть,
Били руки ломыть, словесно говорыть:
Сусиды близькѣи, ворогы тяжкѣи,
Судяты и говоряты, бо й сами такѣи,
Покопалы ямы глыбоки пидъ намы,
Попадайте въ ямы вороженькы самы,
Не робить розлуку, розлуку межъ намы!

7.

Якъ пиду въ поле, та гляну въ море,
Сама я бачу, що мени горе.
Ой, бачу, бачу по кому плачу,

По мыленькому, що не побачу.
Буду стояты хотъ на камени,
А чы не прыйде мылый окъ ¹⁾ мени.

¹⁾ Въ сѣверо-восточномъ углу Лубенскаго уѣзда, въ предѣлахъ волостей: Сѣтинской, Волчковской и Матяшовской предлогъ къ, икъ, произносятся окъ. Напр.: окъ чому се? (въ чемъ дѣло?) или въ пѣснѣ: Прибуди, приходи, мій батенько, теперъ окъ мени. Такъ говорятъ, впрочемъ, и къ югу отъ Лубенъ въ Оржицкой и Селецкой волостяхъ.

Ждала я ждала—нема никого,
Прылетивъ голубъ тай той ничего.

—Ой ты, голубчыкъ, голубъ сы-
зенький!

Скажи, голубчыкъ, де мій мылень-
кий?

—Що твій мыленький у чистимъ
поли;

У чыстому поли та пидъ вербою,
Зложывъ рученькы самъ надъ собою.

У Чуб. (т. 5, стр. 357, № 696) вар. отдаленный, отличный по лзмку, эпизода съ голубемъ нѣтъ.

8.

Кому воля—намъ неволя!
Нихто не зна мого горя.
Наше горе ніякое,
Наше горе велькое.
Били ручки дилечка не роблять,
Били нижкы въ садъ гуляты ходять.
У садъ у садочокъ
Щипать ягідочокъ.
А я ягидъ не нарвала,

Отдал. вар. въ Киев. Стар. 86 г. № 10, стр. 407.

9.

Порисъ ромень съ тыномъ ровень,
Порисъ, похылывся.
Изъ чужои сторонькы
Козакъ дивци одклонывся;
—Даю тобі одклонного—
Конька вороного.

10.

Сонце сходе я журюся,
А заходе—плачу.
Ой, кого я вирно люблю,
Люблю й не побачу.
А кого я ненавыжу
По всякъ часъ повыжу.
Якъ зорву я зъ рожи квитку
Та пуцу на воду:
—Плывы,плывы зъ рожи квитка,
Ажъ до мого роду,

—Ой, Боже, Боже! на що давъ
знаться,
Колы не судышъ, щобъ намъ по-
браться?

Колы не судышъ, чомъ не розлучышъ,
На що ты, Боже, такъ довго мучышъ?
Хочъ изведы, хочъ розведы,
Хочъ у могылу насъ обохъ поклады.
Лучше-жъ я буду у земли тлиты
Нижъ безъ мылого у свити жыты!

Соловейка распытала:
—Соловей мій, сызокрылый,
Скажи правду де мій мылый?
—А твій мылый у неволи
У сахарному заводи.
Що винъ робыть? Заробляе,
Ажъ питъ очи залывае,
А хозяинъ ёго лае,
Що роботонькы немае.

—А я тобі шыту хустку
Съ пидъ злота самого.
Чы дивчына—не дивчына
Сю хустыну шыла,
Вона, мене, молодого,
Навикы зсушыла.

Чы не выйде стара маты
По холодну воду.
Выйшла маты воды браты
Тай поймала квитку:
—Ой чого ты зъ рожи квитка,
На води завьяла?
Моя дочка, паняночка,
Симъ недиль лежала.
Хочъ лежала—не лежала,
Зроду не болила.

Идутъ хмары изъ Полтавы,
Та все съ хмарочкамы,
Чужи дочки паняночки
Та вси съ парочкамы.

Моій дочки, паняночки,
Парочки нѣмае.
Тилько ии пары, що очыци кари,
Тилькы ии доли, що чорніи брови.

11.

• Пусты-жъ мене, маты,
Въ поле жыто жаты.
Та буду жаты, пылуваты,
Доленькы шукаты.
—Ой не пущу, доню,
Щобъ не заблудыла
Уже-жъ свое щастя, долю,
Давно загубыла.

—Пусты-жъ мене, маты,
У море купаться.
Буду плавать, пурынаты,
Доленькы шукаты.
—Ой, не пущу-жъ, доню,
Щобъ ты не втонула,
Бо вже твое щастя, доля,
Ажъ на дно пурнула.

12.

Налынули гусы
Зъ далекого краю,
Сколотылы воду
На тихимъ Дунаю.
Бодай же вы гусы
Съ пирьячкомъ пропалы!
Якъ мы вирно любылыся
Теперьъ пересталы.

Ой, мы вирно любылыся,
Якъ голубивъ пара,
А теперь тай разійшылся,
Якъ сыняя хмара.
Ой, мы вирно любылыся—
Обое хороши,—
А теперь та розійшылся,
Якъ срибныи гроши.

Въ вариантѣ, записанномъ въ х. Николаевкѣ, прибавляютъ въ началѣ:

Нема гиришъ никому, якъ тій сыротыни,
Нихто не прыгорне пры лыхый годыни.
Не прыгорне батько, не прыгорне маты,
Хыба той прыгорне, що думае браты.

И въ концѣ:

Якъ мы любылыся, якъ сиры утятя,
А теперь розійшылся, якъ ти сыротятя.

Вар. II.

Та козаче, голубче!
Та несуженый друже.
Та якъ мы любылысь
Съ тобою дуже.
Та якъ мы любылысь,—
Обое хороши,—
А теперь розійшылся,
Якъ сребряны гроши.

Та якъ мы любылысь,
Якъ голубы въ пари,
А теперь та розійшылся,
Якъ сонце по хмари
Якъ мы любылыся,
Якъ зерно въ ориси,
А теперь та разійшылся
Якъ туманъ по лиси.

13.

Тонка́я хмельночка на ярь подалася,
Молода дивчынонька въ козака вдалася.
Яки очи, такі й брови, така й головонька,
Якъ зійдемось до купочки, стыха розмовонька.
Пишла наша розмовонька тыхо за водою,
Ты великий, я малая—не зійду зъ тобою.
А хочъ зійду, хочъ не зійду—не поривняюся,
Тилькы серцю одрадонькы, що женихаюся.
Бодай тая степовая могыла запала,
Я пидъ нею ночувала, вечирь утеряла.
Утеряла вчора вечирь, утрачу й сёгодня.
Не бувъ мыленький учора, не буде й сёгодня.
Та не давъ мени порадо́нъкы, серцю одрадо́нъкы.
—Яку-жъ тобі, моя мыла, одраду даваты?
Стелы, мыла, постиль билу, та ляжемо спаты.
Одну ручку въ головочку, другою обняты.
До серденька прыгорнувшы тай ставъ цилуваты.
—Ой дежъ се ты, козаченько, зъ крыныци вмывався
Межъ усію челядою мени сподобався?
—Ой, дежъ се ты, дивчынонько, зъ бумажечкы звыта,
Держышъ мене за рученьку до билого свита?
Хоть зъ бумагы, не зъ бумагы—билого папера,
Де стоялы розмовлялы—ходимъ и тепера.
Любылыся, кохалыся, якъ ластивка въ стриси,
А тепера розійшлыся, якъ зерно въ ориси.
Любылыся, кохалыся, тай не побралыся,
Тилько наши вороженькы та навтишалыся.

14.

Повій витерь витерочокъ
Зъ глубокого яру,
Прыбуди, прыбуди, мій мыленький,
Зъ далекого краю.
Ой, радъ бы я повиваты,
Такъ ярь глыбоченький,—
Ой, радъ бы я прыбуваты,
Такъ край далеченький.
Женуть волы изъ дибровы,
Овеченькы съ поля.
Заплакала дивчынонька

Край козака стоя.
—Ой куды ты отъязжаешъ,
Сызокрылый орле!
Ой хто мене молодую
Сей вечирь прыгорне?
Прыгортайся, дивчынонько,
Къ другому мылому,
Та не кажы ти правды,
Що мени самому.
—Ой, якъ мени, козаченьку,
Правды не казаты?

Якъ прыгорне, поцилуе,

Тай стане пытаты:

Ой що будемъ, дивчынонько,

Сю ничъ розмовляты?

Треба мени, молоденькій,

Всю правду казаты.

У Чуб. (т. 5, № 69, стр. 28, вар. Б.) самое небольшое сходство.

15.

Въ лузи, въ лузи стоять волы въ плузи,

Та никому сирихъ воливъ поганяты,

А я, молодая, волы погоняла

Съ козаченькомъ на размови стала:

—Чомъ ты не прыйшовъ, чомъ ты не прыйхавъ

Якъ я тоби, серденько, велела?

Чы коней не маешъ, чы дорожки не знаешъ?

Чы матуся йихать не звелила?

—Я конька маю и дороженьку знаю

И матуся йихаты велела.

Есть у мене сестра, наименьшая зрсла,

Вона мени йихать не звелила.

—Не йидь, не йидь, брате, въ чужу сторононьку

До дивчыны тай на розмовоньку,

Бо въ чужій сторонци горилки напьесся

Самъ молодій славы набересся.

Я горилки не пью, одъ меду не впыюся

Самъ, молодой, славы встережуся.

16.

Уже сонце нызенько, вечеръ блы-
зенько

Прыйды, прылыны до мене, сер-
денько!

Прыйды, прылыны до моеи хаты,
Одчыню дверечка, не чутыме маты.

Якъ одчынила легенько здыхала,

А выпровожала—плакала, рыдала

Плакала, рыдала и правды пытала:

Та чы ты мене любышъ? Чы самъ
себе нудышъ?

Чы до иншой ходышъ, зъ иншою
говорышъ?

А мене, молоденьку, въ славоньку
вводишъ.

Не ходы до мене, не смійся зъ мене,

Бо бьютъ мене, лають,—та все че-
резъ тебе!

17.

Яромъ, яромъ, пшениченька ланомъ, горою овесъ.

Не по правди, молодой козаче, зо мною жывешъ.

А якъ прыйде вечеръ вечирочокъ, то до иншой йдешъ,

А до мене стыха стыхесенька голосъ подаешъ.

Ой, обсады, мыла, молода дивчына, выноградомъ двирь,

А щобъ не заходывъ, якъ вечеръ прыходывъ, голосочокъ мій.

Уже я садыла, уже польвала—не прыймається,

Уже-жъ мое вирне зазнавання все мынається.

Ой посады, мыла, молода дивчына, кучеряву мяту

Ой куды я йтуму, або йхатыму, тай зайду у хату.

Уже-жъ садыла, уже й поливала—не прыймається.

Уже-жъ мое вирне зазнавання все мынається.

Ой застелы, мыла, молода дивчына, коврамы весь двиръ,

А щобъ не помазавъ червонихъ чобитъ, золотихъ пидкивъ.

А бодай же ты, мій мылый, сѣго не диждавъ,

Щобъ мои червони кылымы ногамы топтавъ.

Вар. Въ с. Литвякахъ вмѣсто 5—6 строчекъ такъ:

Ой посады, мыла, голубонько сыза, зелену вербу

Де не ходытуму, де не блудытуму—до тебе зайду.

18.

Зайшло сонце за ярокъ.

Та прыйды, мылый чернобровый,

Хочь до мене на часокъ.

Та поговоримъ мы съ тобою

Хочь послидній вечерокъ!

Що ты клявся, ты божывся:

Не покыну я тебе.

А теперь ты покыдаешъ

Серцю жалю завдаешъ.

Свиты, мисяць, свиты ясный

Щей вечерняя зоря,

Що зъ вечора до пивночи

Мого мылого нема.

Десь мій мылый, чернобровый

Изъ иншою розмовля.

Чы зъ лучшою, чы зъ кращою

Чы зъ такою якъ бы й я?

19.

Ой у поли дѣ туполи

Одна одну перехытуе,

Що въ козака дѣ дивчыны

Одна одну перепытуе:

Чы була ты, подружечко,

Вчора зъ вечора на улыци?

Чы стояла, розмовляла

Зъ моимъ мылымъ до пивночи?

—Я й гуляла, розмовляла,

Трошки постояла.

А винъ вздыхавъ, тебе пытавъ,

Чомъ ты вчора не выходыла?

Шырокая та улыця

Очеретомъ перетычена,

Препогана подружечка

Мого хлопця переклыкала.

Шырокая тай улыця

Очеретомъ перестрочена,

Препогана подружечка

Мого хлопця запорочыла.

—Ой, лучше намъ, подружечко,

Суцильного пятака маты,

Ой, лучше намъ, подружечко,

Сокупного жєныха маты.

—Ой, на тоби, подружечко,

На рукава полотєнєчко,

Тай не крушы, тай не сушы

Та мого сердєчка.

20.

Запысалы парня молодого у салдаты

Та забула красна дивка роспытаты:

А чы мени замижъ иты, чы гуляты?
Гуляй, гуляй, красна дивка, якъ гуляла,
Топчы, топчы черевычкы якъ топтала.
Наймай, наймай музыченька якъ наймала.
Та не стелы билов постили—потолочять,
Воны тебе, молодую, изморочять.
Не надивай срибнихъ перстнивъ—поздѣймають,
Били руки твои поламають.

21.

Йихавъ козаченько на вороному коныченьку та съ дороги сбывся
Вороному коныченьку ажъ на грыву схыльвся:
Ой, пойидьмо, коню, ажъ у чысте поле,
Тамъ дивчына сыротына пшеныченьку поле.
Вона поле, вона поле, кукиль выбирае
Вороному коныченьку пидъ ноги бросае.
—Годи тоби, дивчынонько, кукиль выбираты
Вороному коныченьку пидъ ноги бросаты.
Стелы, стелы постиль билу та будемо спаты.
—Ой, не буду слаты—не велила маты,
Бо ты козакъ молоденькый будешъ жартуваты.
—Ой, не буду, дивчынонько, далеби не буду!
Лягай, лягай, дивчынонько, та не бѣйсь ничего,
Бо я, козакъ молоденькый, не зрадывъ никого.
Якъ не спала дивка ничку, тай не спала другу,
А на третю ниченьку мисненько заснула.
Якъ израдывъ козаченько—дивчына не чула.
Якъ лягала дивчына, якъ повная рожа,
А сѣгодня стала ни на що не похожа,
Та лягала дивчына якъ червона калына,
А встала дивчына якъ билая глына.
Вар. у Чуб. (№ 692, стр. 354, т. 5) сходства нѣтъ почти никакого.

22.

Уси дивочки по таночку ходять,
Безнеривна ¹⁾ дивка передокъ водыть,
А за нею королевычъ ходыть,
Безнеривну дивку за рученьку водыть.
Та повивъ ии до шынкарочки въ двирь

¹⁾ Вѣроятно Немеривна, хотя настоящая пѣсня кромѣ созвучія въ названіи героини и событія самоубійства ничѣмъ не напоминаетъ пѣсенъ о Немерихѣ (Чуб. т. 5, № 464, вѣск. вар. стр. 893—896). Лис. Збир. Укр. писень 68 г. № 3, стр. 5.

Посадывъ ии сю на лавочку
 Та наливъ ий вына чарочку.
 Пыла вона ночку, пыла вона другу,
 А на третю ночку прочутылася.
 Та глянула вона на подолы,
 А у неи красніи полы.
 Узялась вона за головочку
 И побигла вона ажъ до домочку:
 Давай мени, моя маты, ключи золотіи.
 Я подмыкаю сундуки новіи
 Та выйму я завываннячко
 Свое вишнее покрываннячко.
 Та не выняла завываннячка
 Свого вышнёго покрываннячка
 Та выняла соби гострый ножъ
 Тай ударила проты сердца наскрозъ.
 Ии маты сыдыть, слизонькамы хлыпне,
 А королевычъ бижыть, червинцямы сыпле.
 Сыпле, осыпае, та все тещеньку благае.
 — Та булюбъ тоби зъ неи не сміятыся,
 Та булюбъ зъ нею повинчатыся.

23.

Ой, ковалю! славный коваленку!
 Чомъ не встаешъ рано пораненьку?
 Чомъ не куешъ зализа тоненько?
 Чы въ коваля зализа немає,
 Чы въ коваля стали не хватае?
 Чы коваля журьба обнимае?
 Чы въ коваля дивчыны немає?
 —Есть у мене дочка Катерына ¹⁾,
 Тай та худо славы наробыла,
 Опивночи сына спородыла,
 Въ китаечку взяла исповыла,

Въ колодязи спаты положила
 Шепшыною взяла прыстромила,
 Буйнымъ витрамъ тай прыговорыла:
 Повій, витре, зъ далекого краю,
 Та нажены та сынюю хмару.
 Съ тии хмары дай, Боже, дощыкъ
 Позалывай стежки тай дорожки,
 А щобъ туды люды не ходылы,
 Щобъ шепшыны тии тай не звору-
 шылы,
 Щобъ дытыны тай не розбудылы.

Въ с. Литвякахъ послѣ 9 строфы такъ:

А съ пивночи въ крыныци втопыла,
 А икъ свиту шей Бога моыла:
 Ой дай, Боже, сныгы та морозы
 Позамитай стежки и дорожки,

Щобъ не знали сусиды ворожки.
 Щобъ не знали куды я ходыла,
 Щобъ не знали кого я любыла.

Вар. у Чуб. (т. 5, № 712, стр. 363) гораздо кратче.

¹⁾ Или: Одна буда душа Катерына.

24.

У тимъ сели у Еркивцяхъ ¹⁾ нова новына,
Уродыла Стеха Штеривна ²⁾ малее дытя.
А вродывшы мале дытя, тай исповыла,
А сповывше мале дытя, на воду однесла.
Плывы, плывы, ты мале дытя, куды вода йде,
А я пиду погуляю де челядь гуде.
Рыбалочки—коханочки та рыбку ловылы.
Не поймалы щуки рыбы, вловылы лына,
Выкынулы та на бережочокъ, ажъ мале дытя.
Исповылы те мале дытя въ тонку крамыну
Тай понесли те мале дытя передъ старшыну.
Положылы те мале дытя на тесовый стиль,
Тай вдарылы у Еркивцяхъ у велькый дзвинъ.
—Збирай, збирай, панъ отаманъ, всю челядь на двиръ.
Вси дивочки коханочки до церковци йдутъ,
Молоду Стеху Штеривну посередъ села бьютъ.
Уси дивчаточки—коханочки та почесани,
А молодая Стеха Штеривна та нечесаная.
—Не плачь, мате, не журыся, бо ще дома пять,
Та не пускай на досвиткы—нехай дома сплять.
Не плачь, мате, не журыся, бо ще дома тры,
Та не пускай на досвиткы, ворота запы.
На досвиткахъ, моя маты, у соломи сплять,
А бия ихъ, моя маты, женихивъ по пять.

Вар. I.

Ой пошлы наши та рыбалочки рыбки ловыты,
Не піймалы щуки рыбы, піймалы лына.
Роздывылысь, розсмотрилысь—ажъ мале дытя
Взялы-жъ те розмале дытя на билы руки
Та понесли те розмале дытя на казенный дворъ,
Положылы розмале дытя на тесовый столъ:
Убирайтеся, розкрасавыци—буде переборъ!
Уси, уси розкрасавыци та почесани йдутъ,
Та на своихъ та головонькахъ виночки несуть.
А одна, одна расканалья нечесана йде
Та на свой головонци винка не несе.

У Чуб. (т. 5, № 9, стр. 1191 и № 461, стр. 890) вар. отдаленные, пѣсни кратче, дѣйствіе происходитъ въ Харьковѣ.

¹⁾ Еркивцы—смежное съ Шершневкой село Засульской вол. Луб. уѣзда.

²⁾ Въмѣсто Штеривна поють Нестеривна, Крепакивна. Фамилія Штери въ с. Еркивцяхъ нѣтъ.

Вар. II. Въ с. Литвякахъ послѣ шестой строчки такъ:

Тай ударылы та рыбалочки въ большій колоколь:

Сбирайтесь красни дивки на сей переборъ!

Тай котора зъ васъ, красни дивки, дытя зродыла,

Тай у недилю та ранесенько въ ричку однесла.

У недилю та ранесенько уся дзвоны ревуть

А вже-жъ тую расканалью въ кайданы ведуть.

1. Свадебный обрядъ Лубенскаго уѣзда ¹⁾.

Свадебный обрядъ Лубенскаго уѣзда, изложенный мною въ Киевской Старинѣ 1890 г., распадается на двѣ части: приготовленіе къ торжеству, бывающее въ субботу и самое торжество—въ воскресенье. Въ субботу готовится женщинами, безъ участія вдовъ, главный обрядовой хлѣбъ—коровай или коровгай. Шишки, лежни, загребу—особый длинный хлѣбъ—пекутъ впрочемъ еще съ пятницы, въ м. Лукомьи даже съ четверга. Въ бывшей Матяшовской волости даже и коровай готовятъ съ пятницы. Въ субботу же къ молодой собираются ея подруги и старшая дружка свиваетъ два вѣнка изъ красныхъ лентъ, похожіе на цвѣты полнаго мака. Въ с. Тишкахъ одна дѣвица вьетъ вѣнокъ молодой,—другая молодому. Сиротки къ свиванію вѣнковъ не допускаются. Къ югу отъ Лубенъ также въ дер. Шекахъ и Хорошкахъ вѣнковъ публично не вьютъ, а заготавливаютъ раньше. Послѣ вѣнковъ, молодая съ подругами идетъ приглашать на свадьбу. На Матяшовскихъ хуторахъ молодая, приглашая на свадьбу, становится на колѣни и кладетъ поклоны ²⁾. Въ южныхъ волостяхъ молодая приглашаетъ на свадьбу только вдвоемъ съ старшей дружкой. По возвращеніи съ улицы, дѣвицы изготавливаютъ еще гильце или выльце ³⁾—сиреневую (зъ бозя) или вишневую вѣтвь, украшенную житою, калиной и гарусомъ. Въ Матяшовской, Черевковской и Тарандинцевской волостяхъ гильце вьютъ въ пятницу, а въ с. Волчкѣ въ воскресенье, какъ въ Киевской губ. Въ южныхъ волостяхъ гильца нѣтъ; нѣтъ также по всему уѣзду гильца у молодого ⁴⁾. Съ окончаніемъ гильца въ большинствѣ сель средней Лубенщины оканчивается и субботняя дѣятельность дружекъ и они въ самомъ началѣ вечера расходятся по домамъ. Въ южныхъ волостяхъ, также въ Черевковской, Тарандинцевской и въ м. Снѣтинѣ дружки сидятъ часовъ до 8—9 вечера у молодой и поютъ ей. Приходитъ и молодой съ музыкой

¹⁾ Ссылки подъ пѣснями отъ кого и когда записаны исключены, въ виду краткости пѣсенъ. Прим. редакціи.

²⁾ Приглашеніе на свадьбу въ моемъ очеркѣ „На свадьбѣ у богача“ стр. 2.

³⁾ Гильце—остатокъ чествованія дерева и богослуженія въ лѣсу. Н. Ѳ. Сумцовъ. Киев. Стар. 90 г. Июль, стр. 72—87. Культурн. пережив.

⁴⁾ Въ Киев. губ. напротивъ только у молодого. Никол. Киев. Стар. 83 г., стр. 382.

и боярами, если живетъ въ одномъ селѣ. Въ Шекахъ и Хорошкахъ молодая и дружки берутъ гильце и идутъ въ досвичаный домъ, туда же является молодой съ боярами. Въ досвичаномъ домѣ молодежь пьетъ водку, закусываетъ коржами и оладьями и поетъ. Свадебное торжество начинается въ воскресенье въ обоихъ весильныхъ домахъ одинаковыми обрядами. И молодого, и молодую родители и старшіе родственники благословляютъ хлѣбомъ, причемъ садятся на ряднѣ или кожухѣ шерстью вверхъ. Братъ садитъ молодую за столъ на посадъ, гдѣ она остается съ дружками до приѣзда жениха. Въ домѣ молодого свахи и свитилки пришиваютъ поѣзжанамъ красныя ленты къ шапкамъ, а мать молодого въ кожухѣ шерстью вверхъ обсыпаетъ ихъ овсомъ. Въ Тарандиновской волости мать ѣздитъ при этомъ верхомъ на палкѣ, а въ южныхъ волостяхъ выводитъ лошадей за поводья полою изъ двора. Поѣзжане въ нечетномъ числѣ 15—25 душъ выѣзжаютъ на 5—8 конныхъ повозкахъ. Въ Тишковской и Вильшанской волостяхъ поѣздъ ѣдетъ еще на волахъ ¹⁾. Поѣздъ останавливается предъ запертыми воротами молодой и по уплатѣ мѣстнымъ парнямъ „воритняго могорыча“ въѣзжаетъ во дворъ. Здѣсь лошадей привязываютъ къ плетню и поѣзжане подходятъ къ дому. Женихъ выдвигается впередъ, опираясь на трость. Дружка и пиддружного, первыми вошедшихъ въ хату, садятъ за столъ и ставятъ возлѣ нихъ кувшинъ съ брагой, накрытый шишкой. Возвратившись, послы объявляютъ поѣзду: „кланявся свать сватови, сваха сваси, молода молодому, старосты старостамъ, дружки боярамъ, а мы вамъ“. Изъ избы выносятъ столъ, происходитъ обмѣнъ шишокъ и подарковъ: зять получаетъ платокъ, которымъ въ с. Хитцахъ дружка тотчасъ же утираетъ ему носъ и перевязываетъ правую руку или привѣшиваетъ къ боку. Поѣзжане получаютъ хустки и рушники, а мать—традиціонныя чоботы, перевязанные красной лентой. Въ с. Крутомъ берегѣ поѣзжанъ приглашаетъ въ избу вмѣсто тестя сторонній человекъ, затѣмъ въ избѣ ихъ спрашиваютъ: „кто звавъ у хату?“ — „Батько“, отвѣчаютъ они. Тогда выводятъ другого посторонняго и опять спрашиваютъ: „можетъ се вашъ батько?“ Поѣзжане отвѣчаютъ: „нѣтъ“ и выходятъ изъ хаты. Еще разъ выходитъ сторонній человекъ и только затѣмъ уже показывается тесть и приглашаетъ войти въ домъ. Дружка вводитъ молодого и поѣзжанъ въ хату и трижды протискиваетъ ихъ вокругъ стола, подруги молодой вскакиваютъ на лавы, а братья и мальчики (продажныки, продавальныки) замахиваются и слегка ударяютъ молодого палками ²⁾. Во

¹⁾ Какъ въ Сербіи. Серб. село. Соврем. 65 г., V, стр. 143.

²⁾ Сходныя обыкновенія во всей южной Руси, у русинъ, великороссовъ, сербовъ и осетинъ (см. Чуб. т. 4. Весилля у русинъ. Основа 62 г., стр. 32. Осокинъ. Сельск. сѣ въ Мал. уѣздѣ, въ Соврем. 74 г. Серб. село. Соврем. 65 г., V, стр. 140).

всей южной Лубенщинѣ, также въ Тарадинцевской и Тишковской волостяхъ дружка раздаєть мальчикамъ по 1 коп. и по рюмкѣ водки, а свашка—по маленькой шишкѣ: „купують молоду“. Молодой садится возлѣ своей невѣсты въ шапкѣ съ вѣнкомъ, а къ югу отъ Лубенъ—безъ шапки и вѣнокъ прикалываютъ ему на грудь. Начинается угощеніе и пѣсенное состязаніе хоромъ дружекъ съ свашками и свитилками. насмѣшливыми пѣснями съ короткими и энергическими напѣвами. Кончивъ пѣть, дружки протискаются во дворъ, за ними бояре, поѣзжане съ зажженной свѣчей¹⁾, молодые. Къ вечеру начинается ужинъ, раздѣлъ корова и самый печальный моментъ свадьбы—расплетаніе косы. Невѣста наклоняетъ голову и братъ расплетаетъ ей кончикъ косы, вынимая оттуда красную ленту. Плачъ молодой и присутствующихъ женщинъ, печальное содержаніе и напѣвъ пѣсенъ, которыя поютъ въ это время, красный свѣтъ восковыхъ свѣчей—все производитъ крайне тяжелое впечатлѣніе на душу²⁾. Въ южныхъ и западныхъ волостяхъ обряда расплетанія косы въ домѣ молодой нѣтъ. Затѣмъ родители благословляютъ молодыхъ образами и хлѣбомъ. Отецъ говоритъ: „теперь, дочко, на мій хлѣбъ не надійся, а соби дбайте та розжывайтесь, щобъ у васъ свій бувъ“. Простившись, молодая становится на возъ или сани, крестится и раскланивается на четыре стороны, начиная съ востока. Молодой становится возлѣ нея. Мать выводитъ лошадей со двора подъ уздцы, иногда полой, и посыпаетъ жито вслѣдъ молодымъ. За молодыми выѣзжаетъ повозка родственниковъ невѣсты, такъ называемыхъ „приданъ“. Поѣздъ мчится къ молодому. Свашки и свитилки выкрикиваютъ свадебныя пѣсни, парни гикаютъ и бубенъ гудетъ не умолкая. Молодая, подѣвжая къ своему новому жилищу, посыпаетъ житомъ, приговаривая: „твоя хата, а мій верхъ!“ Или такъ: „йиду сиримы воламы, щобъ позатыкать вамъ роты хвостамы. Ступаю правою ногою на поригъ, щобъ мое було право скризъ. Моя пичъ, моя й ричъ“³⁾. Вблизи воротъ или на самыхъ воротахъ поѣздъ переѣзжаетъ черезъ огонь. Въ с. Великой Селецкой и Онишкахъ кто нибудь изъ поѣзжанъ стрѣляетъ. Въ с. Хитцахъ сама молодая распрягаетъ лошадей и бросаетъ черезъ голову дугу. Въ с. Губскомъ огонь зажигаютъ на порогѣ и переводятъ черезъ него молодыхъ въ

¹⁾ Горящій свѣтильникъ, по объясненію П. А. Кулиша (Основа 61 г., № 5, стр. 30), есть эмблема любви, горящей до гроба. Вѣроятно значеніе свѣчей на свадьбахъ не столь поэтично. Кажется, они зажигаются съ цѣлю предохраненія отъ злыхъ духовъ (Тейл. Первоб. культура, стр. 250).

²⁾ Картинка расплетанія косы въ моемъ очеркѣ: „На свадьбѣ у богача“.—Расплетаніе косы, въ Подольск. губ.—подрѣзаніе, у Гудуловъ и на Воляни—отрубленіе конца—остатокъ жертвы невѣсты своихъ волосъ. Сумц. Религ. зн. малор. св. Кіев. 85 г., стр. 8.

³⁾ Какъ извѣстно у римлянъ и у грековъ во время *deductio in domum* женихъ переносилъ невѣсту такъ, чтобы она не касалась порога ногами. Фюст. де Куланжъ, Древн. общ. С.-Пет. 67 г., в. 1, стр. 55—57.

сѣни. На порогѣ, въ с. Великой Селецкой передъ порогомъ, родители молодого благословляютъ прибывшихъ и принимаютъ отъ нихъ образа, горящія свѣчи, хлѣбъ-соль. Во время легкой закуски въ Матяшовской волости молодой надѣваютъ очипокъ, который она сбрасываетъ ¹⁾, а затѣмъ дружка отводитъ молодыхъ въ комору на брачную постель. Спустя нѣкоторое время, дружка вноситъ рубашку молодой для изслѣдованія, приговаривая: „старосты, паны-старосты! благословить покрасу (или кушиль) въ хату унести“. Молодая, входя въ избу, становится на колѣни, молится и идетъ по скамьямъ, слегка приплясывая (топче лавы), цѣловать образа (богивъ). Иногда и поѣзжане потопчутъ лавы. Затѣмъ послѣдніе идутъ по селу съ музыкой оповѣстить, что все обстоитъ благополучно, въ доказательство чего носятъ и рубашку. Такое обыкновеніе называютъ къ югу отъ Лубенъ корогодомъ, а къ сѣверу—иты по приданыхъ. Если молодая „не чесна, не гарна, не хороша“, ее не ведутъ въ комору, а надѣваютъ очипокъ. Она становится на колѣни и проситъ прощенія у присутствующихъ ²⁾. Въ такомъ случаѣ свадьбане оббиваютъ потолокъ и стѣны въ хатѣ, бьютъ окна, льютъ воду на полъ и мажутъ хату дегтемъ и сажей. Иногда привѣшиваютъ колыбель съ куклой сверхъ избы. Родственниковъ молодой, „приданъ“ гонять, а лошадямъ ихъ стригутъ хвосты и гривы. Всѣ перечисленные обыкновенія замѣтно уничтожаются: „Теперь вси гарни“ замѣчаетъ народъ.

Въ понедѣльникъ утромъ молодая должна принести воды и дать умыться свекру и свекрухѣ. Потомъ въ весильный домъ сходятся родственники молодого и обмѣниваются подарками съ молодыми. За завтракомъ отецъ молодого надѣваетъ на спичку кусокъ сала и дразнить имъ молодыхъ, которые, схвативъ, сѣдаютъ это сало, а неблаговоспитанная молодая выбрасываетъ его за окно. Тою же спичкой отецъ снимаетъ съ головы невѣстки платокъ и намитку. Между тѣмъ на весильномъ домѣ выставляютъ красную запаску, прикрѣпленную къ древку („покрасу“). Въ Тишковской, Засульской и Лазирской волостяхъ старшій бояринъ сопровождаетъ съ такимъ знаменемъ молодую, сначала въ церковь, гдѣ священникъ ставитъ новобрачныхъ на рушникъ и покрываетъ молодую платкомъ, а изъ церкви къ рѣкѣ или колодцу „до мыли“. Здѣсь дружка умываетъ молодыхъ и капаетъ за шею молодой. Въ с. Лукѣ и одной части Тишокъ—Заудан. молодую не водятъ въ церковь, а къ рѣкѣ; въ с. Губскомъ къ водѣ ведутъ только нечестную молодую. Въ другихъ мѣстахъ послѣднюю обдаютъ съ ногъ до головы водой. Когда молодыхъ ведутъ къ „мыли“, музыка, идя за ними, наигрываетъ маршъ „Съ Богомъ, съ Богомъ! не сама съ собою,

¹⁾ Какъ въ Полт. и Елисаветгр. уѣзд. (Чуб. 4. стр. 591 и „Стезь“ стр. 211).

²⁾ Извиненіе молодой въ моемъ очеркѣ „Деревенская оргія“. Киев. Стар. 94 года, № 12, стр. 488.

а якъ прійдешъ мылый—такъ буду съ тобою¹⁾. Въ то же утро къ родителямъ молодой посылается бояринъ, обыкновенно братъ молодого, съ шишкой, перевязанной красной заполочью и завязанной въ хустку. Этотъ посоль, войдя въ избу родителей новобрачной, говоритъ: „дайте ключи я одикну (шышку)“. Получивъ хустку, онъ прежде всего снимаетъ съ шишки заполочь и раздаетъ женщинамъ, которыя вяжутъ ее себѣ къ волосамъ: „красятъ ридъ, шо хороша молода“. Затѣмъ посоль, говоря: „старосты—паны-старосты! благословить сей чесный и вельчный хлибъ на мырь Божый роздать!“ рѣжетъ и раздаетъ шишку всему роду, приглашая всѣхъ въ перезовъ. Въ с. Хитцахъ и самъ молодой приглашаетъ въ перезовъ. Когда перезва приближается къ двору новобрачныхъ, бояринъ машетъ покрасой, которую перезвяне стараются схватить. Если схватятъ, то молодой выкупаетъ ее полквартией, а если нѣтъ, то бояринъ прячетъ запаску въ карманъ и новобрачная выкупаетъ ее также полквартией. Затѣмъ молодой вводитъ тестя и тещу подъ руки въ избу и къ нимъ подводятъ чужую молодицу съ лицомъ, завѣшеннымъ намиткой или платкомъ, въ одеждѣ молодой. Если родители не узнаютъ подмѣна, то расплачиваются квартией водки и къ нимъ вторично подводятъ другую перереженную молодицу и только за третьимъ разомъ приводятъ дочь въ чужомъ нарядѣ и такъ же съ лицомъ, завѣшеннымъ намиткой. За обѣдомъ водку пьютъ изъ миски ложками. Послѣ обѣда молодая простилаетъ рядно и оба отца садятся на него, пьютъ водку. Стариковъ подливаютъ водой. Загулявшуюся перезву гонятъ ударами довбни въ уголь дома и горшкомъ, пущеннымъ въ двери. Въ южной половинѣ Лубенскаго уѣзда перезвы нѣтъ. Понедѣльникъ оканчивается слѣдующими обыкновеніями: къ тещѣ сходятся женщины и прядутъ ей, потому что она лишилась пряхи, а также подвязываютъ ей животъ коноплей или соломой „що скинула дытну“. Тестю „заварюють соняшныцю“. Свекрухѣ также подвязываютъ животъ коноплями „що привела близнятъ“. Во вторникъ въ домѣ свекра подражаютъ молотбѣ, затѣмъ забираютъ его въ шинокъ и здѣсь „батька пропывають“. Молодежь, переодѣтая цыганами, идетъ по селу захватывать куръ и поросятъ, приносятъ ихъ въ весильный домъ. Пьютъ всю ночь. Случается, что женщина, переодѣтая мужчиной вѣзжаетъ въ избу верхомъ и коню вливаютъ водки въ горло. Дружка и пиддружного садятъ на подушки и молодая „выкупа поясы“, т. е. даетъ имъ водки и по платку. Въ с. Воронинцахъ мать и отецъ, выдавшіе послѣднюю дочь замужъ, увѣнчиваются вѣнками изъ жита. Во вторникъ оканчивается свадьба и новобрачная перестаетъ „молодить“.

¹⁾ Такимъ образомъ покраса есть изображеніе различными предметами краснаго цвѣта факта невинности новобрачной, а мыла—обрядовое очищеніе, о какомъ очищеніи сказано въ 1-й главѣ настоящаго сборника—„Родины“.

2. Замятка о свадебныхъ обыкновенияхъ.

Всѣ авторитеты по первобытной этнографіи сходятся на томъ предположеніи, что въ началѣ человѣческихъ обществъ брачныя отношенія представляются соединеніемъ неопредѣленнаго многомужества съ неопредѣленнымъ многоженствомъ. Только въ дальнѣйшемъ развитіи человечества къ общинному браку присоединился индивидуальный. По мнѣнію Спенсера, путемъ насилія внутри племени и похищенія женъ изъ другихъ племенъ. Такое похищеніе было вначалѣ лишь частью общаго ограбленія побѣжденныхъ, а потомъ привело къ обычаю частнаго похищенія, потому что плѣнная женщина наглядно свидѣтельствовала о доблести мужчины, каково его живой трофеей (Спенс. Основ. социолог. Спт. 76 г. стр. 687). Насильственное похищеніе женщинъ, охвативъ обширное пространство, настолько сжилося съ бракомъ, что сдѣлалось необходимымъ институтомъ брачнаго процесса у многихъ народовъ въ формѣ поисковъ, охоты, погони жениха за невестой, борьбы съ ней и перенесенія черезъ порогъ дома; нападенія на жилье невесты съ отрядомъ поѣзжанъ, соединеннаго со стрѣльбой, погромомъ дома и сада (Лѣб. Нач. цив., стр. 59. Ф. де Куланжъ. Др. Общ. 67 г., стр. 54 и 56). Л. Кукъ. Истор. бр. Нов. Вр. 94 г., № 171, стр. 7. Прав. Благов. 94 г., № 1, Янв., стр. 14. М. Ковал. Соврем. об. и др. зав. 86 г., стр. 122. Поп. Липоваць. Черног. Сатп. 90 г., стр. 159. Серб. селъ въ Совр. 65 г. V, стр. 141). Свидѣтельство лѣтописи, хороводы, свадебныя обряды и пѣсни доказываютъ существованіе брака чрезъ умыканіе у великоруссовъ и малоруссовъ. Въ великорусской свадьбѣ доступъ жениха къ дворъ невесты и къ церкви преграждается парнями, а дружка жениха и братъ невесты подражаютъ дракѣ. (Посид. и свад. Южак. Совр. 64 г., № 5, стр. 32 и 40. Весинъ. Совр. велик. въ свад. об. Рус. Мысль 91 г., № 9, стр. 82 и 85). На свадьбѣ поютъ:

Пріѣдутъ къ батюшкѣ	Да полонятъ мою матушку.
Съ боемъ да со грабежемъ.	Повезутъ меня молоду
Что ограбятъ же батюшку,	На чужую сторонушку.

Кавелинъ. Собр. соч. ч. 4, стр. 158.

Громъ гремитъ передъ тучею,	Наступали на новыя сѣни,
Грозень ѣдетъ Иванъ господинъ	Обломили сѣни новыя,
Къ селу подъѣзжаетъ, всѣ выстрѣ-	Поваляли столы дубовые,
ливаютъ.	Вымарали скатерти бѣлыя,
Наѣхали гости незваные,	Раздавили золотую чару.

(Изъ Финскаго Вѣстника 47 г., № 9, Рус. нар. пѣсни, сб. Пискарева №№ 16, 18, стр. 15—17).

Еще определеннѣе выражается воспоминаніе о бракѣ чрезъ умыканіе въ общемъ характерѣ и отдѣльныхъ пѣсняхъ и обрядахъ малорусской свадьбы. Такъ, въ литературѣ, кажется Шейковскимъ, высказано было мнѣніе, что одно изъ значеній глагола „браты, взяты“ (жениться) указываетъ на умыканіе. Брали насильно. Затѣмъ въ свадебныхъ пѣсняхъ почти не упоминается о любви. Напротивъ, дѣвушка представляется во многихъ изъ нихъ выходящею за человѣка, котораго не знаетъ. Содержаніе и мотивъ многихъ пѣсенъ мрачны. Въ свадебныхъ пѣсняхъ такъ много описаній наружности молодыхъ и ихъ свиты, точно дѣло идетъ о людяхъ никогда другъ друга не видавшихъ. Точнѣе указываютъ на умыканіе слѣдующія обыкновенія и пѣсни. На правомъ берегу Днѣпра сватовъ, прибывшихъ впервые, не пускаютъ въ хату, говоря: „може вы разбойныкы?“ На заручинахъ ихъ перевязываютъ рушниками, называя мошенниками (Чуб. т. 4, стр. 59, 62, 557, 614, 680). Молодой выѣзжаетъ съ враждебными намѣреніями:

Выбьемо стину камьяну,		Визьмемо Марусеньку молоду.
Будемо замкы ламаты,		Марусеньку доставаты.
. . . Львувъ розбываты		Королевну добываты.

(Чуб., т. 4, № 858, 859, 861 и 1446, на стр. 325 и 475).

Движеніе поѣзда есть движеніе вооруженнаго отряда:

Черезъ поле полтавське		Тождъ Васылько зъ вѣйскомъ иде.
Йвхало вѣйско буйарське		

(Чуб., т. 4 № 861, стр. 325. Стень. № 40, стр. 182).

. зять иде,		Да сто коней верховихъ,
Не багато бояръ веде.		Да симдесять возовыхъ.

(Чуб. № 895, стр. 335).

Полкомъ Ивацко на посагъ иде.

(Ibid. № 240,—150).

Воспоминаніемъ о вооруженной свитѣ молодого служить сабля свигилки у насъ и красное знамя хорунжаго у русинъ (Осн. 62 г., IV, стр. 32). Приѣздъ молодого къ невѣстѣ встрѣчаютъ какъ набѣгъ. Ворота ея жилия заперты, у нихъ происходитъ примѣрная драка. При входѣ въ домъ юютъ:

Не наступай лытва,		Буде межъ нами бытва.
--------------------	--	-----------------------

Чуб. 4, № 934, стр. 346).

Братья и родственники молодой бьютъ молодого палками, у русинъ братъ машетъ саблей, женихъ насильно отрываетъ молодую отъ стола (Осн. 62, IV, стр. 32). Отголоски дѣйствительной борьбы слышатся и въ перебранкѣ насмѣшливыми пѣснями поѣзжанъ съ дружками невѣсты, ка-

кое отношеніе хозяевъ къ гостямъ совсѣмъ не было бы понятно безъ воспоминанія объ умыканіи. Быть можетъ подобными пѣснями женщины прежде подзадоривали мужчинъ къ борьбѣ. Въ нихъ сѣбязующіеся хоры изображаютъ другъ друга жадными, голодными, безобразными бродягами. Напримѣръ: молодой стоитъ какъ ворона, старшій бояринъ—баранъ, свитилка—лыса, у нея чужая рубашка; бояре, свашки, дружки крадутъ пицц, маршалки съѣли вола ¹⁾. Нужно еще замѣтить, что приписываемые имъ пѣсняхъ недостатки свиты молодыхъ разъ навсегда указаны и было бы верхомъ неприличія дѣлать намеки на дѣйствительныя несовершенства присутствующихъ.

Съ развитіемъ цивилизаціи захватъ женщинъ замѣняется покупкой. При неопредѣленности правъ родителей отчужденіе дѣвушекъ принадлежало общинѣ, а съ уясненіемъ семейныхъ отношеній—матери, старшимъ родственникамъ съ материнской стороны, братьямъ, при установленіи же патріархата—отцу. Отдаленнымъ воспоминаніемъ о правахъ общины надъ дѣвушкой остаются слѣдующія обыкновенія: 1) платежъ стороннимъ парнемъ мѣстному обществу молодежи за право ухаживать и сближаться съ дѣвушкой извѣстнаго села или его части, на досвіткахъ, о какомъ обыновеніи упомянуто во 2-мъ выпускѣ настоящаго сборника ²⁾; 2) уплата молодымъ „воритняго могорыча“ мѣстнымъ парнямъ при вѣздѣ во дворъ невесты и на такъ назыв. „переймахъ“ при поѣздкѣ въ церковь; 3) peculiarное установленіе нецѣломудрія послѣ *primaе noctis*, считающагося преступкомъ противъ цѣлаго общества, а не противъ отдѣльнаго лица. Г осетинъ и до сихъ поръ уплата за невесту производится всему асту. Бракъ у нихъ построенъ вообще на началѣ купли. При сговорѣ сваты етъ старшему родственнику невесты задатокъ за нее. За отказъ отъ вушки назначается штрафъ, кромѣ случаевъ утраты цѣломудрія или наруженія физическихъ недостатковъ и болѣзней. (Мак. Ковал. Совр. и др. законъ стр. 175, 182, 246 и 260 ч. 1). У болгаръ также есть вѣно (*pretium nuptialae*), половина котораго выдается родителямъ невесты

¹⁾ Кромѣ сб. Чуб. означенныя пѣсни находятся въ Степи №№ 59, 60, 63, 65 и 66. Въ сб. Черн. Бѣлозерки съ № 39—59, на стр. 38—40.

Въ сб. П. Дуб. у. Кіев. Ст. №№ 137—165 и 178—204, стр. 164—172, 175—179. П. К. Ст. 83, стр. 391—394, кн. 2.

Николайчикъ замѣчаетъ вскользь, что эти пѣсни указыв. на умыканіе. Въ настоящемъ сб. 131, 134—154.

²⁾ Досвѣтки призн. проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ обломкомъ пробнаго брака, составляющаго переходъ отъ коммунальнаго брака и многоженства къ моногаміи (Досвѣтки и пош. Кіевъ. 86 г., стр. 11—13).

³⁾ Вѣно отъ вѣнннн—продавать, подобно тому какъ по еврейски *mākar*, *māchan*—продавать и выдавать замужъ (Атеней. 59 г. ч. 2, стр. 44).

сговорѣ, а другая—когда невѣста признается дѣвственной (Кіев. Стар. кн. 5, стр. 279, 280, 283 и 284). Подарки и деньги за молодую вносятся въ Сербіи отцу, въ Черногоріи—матери невѣсты (Серб. село Совр. 65 г., V, стр. 139. Попов. Липов. Черногорцы стр. 161 и 170). Съ большой опредѣленностью выступаетъ воспоминаніе о покупкѣ женщинъ въ великорусскихъ брачныхъ обыкновеніяхъ. Невѣту разсматриваютъ какъ товаръ. Лице, шею, уши, руки ея подвергаютъ изслѣдованію. Ее заставляютъ пройтись предъ сватами, чтобы узнать не хромя ли она, заставляютъ публично пряхъ. При сговорѣ опредѣляется так. наз. кладка, т. е. плата отъ 25—100 р., которую женихъ долженъ внести за невѣсту. Передаютъ невѣсту молодому съ полой (Совр. велик. въ брачн. обряд. Весинъ. Рус. Мысль. 91 г., кн. 9, стр. 60—88. Дѣло 77 г. Очерки первоб. жизни Шашкова, стр. 205. Кулишеръ. Символизмъ въ прав. В. Евр. 83 г., кн. 11, стр. 200. Южаковъ. Посид. и свадьба. Совр. 63 г., V, стр. 21. Кавелинъ. Собр. соч. ч. 4, стр. 164). Послѣ дѣвичника невѣста причитаетъ:

Что за купцы были? | Торговали, закупали | Буйную мою головушку.
(Осок. Сельск. св. въ Малм. уѣздѣ къ Совр., стр. 71).

Обрядовая покупка женъ менѣе рѣзко выступаетъ въ южнорусской свадьбѣ. Въ Подольской и Полтавской губ. во время сговора бываетъ однако условіе о подаркахъ и о штрафѣ за нарушеніе договора, есть и рукобитіе полой, какъ при куплѣ-продажѣ (Чуб. 4, стр. 66 и 615). Мѣстами покупается мѣсто возлѣ молодой или ея коса у брата, который называется продавцемъ. Есть и пѣсни, упоминающія о такой продажѣ (Чуб. 4, стр. 639, 690, 346, 347 и т. д.).

Только съ дальнѣйшимъ ходомъ жизни продажа женъ превращается въ договоръ двухъ семей о брачномъ союзѣ ихъ членовъ, какое семейное и родовое соглашеніе проходитъ чрезъ весь строй современной малорусской свадьбы и выражается въ значительномъ числѣ отдѣльныхъ обрядовъ ¹⁾.

1 ²⁾.

Не йдять молодыци		Зовѣмо мы самы		Зъ молодымы буярамы.
До насъ винка выты.				Зъ яснымы соколамы.

2.

Черезъ синечкы садочокъ		До лыченька ривнялы.
Та вылы дивчыни тамъ виночокъ.		Покотылы по столу
Вылы, вылы, перевывалы		По гильчастому ³⁾ скатертю.

¹⁾ Напр. на разглядинахъ ни въ какомъ случаѣ не допускается присутствіе невѣсты. Желаніе невѣсты х. Тернавщины,—казалось бы столь естественное—посмотрѣть на жильє молодого повело къ нареканіямъ на нее всего мѣстнаго общества и, въ концѣ концовъ привело къ уничтоженію самой свадьбы.

²⁾ Пѣсни съ 1—12-ю поются при свиваніи вѣнковъ въ субботу дружками молодой.

³⁾ Дрябчастому, въ с. Черыкахъ—квитчастому.

Прыкотылы до ручокъ:
Возьмы, батеньку, виночокъ.

Чуб., т. 4, стр. 127, 2 и 3 строчки отличны и другое окончание.

3.

Вар. I. Въ с. Биецахъ прибавляютъ еще въ концѣ:

За слизоньками не выжу
За слизоньками за дрибненькими

За друженьками пышненькими.

Вар. II. Въ х. Пышномъ, послѣ 6-й строчки, поютъ:

— Ой увійды, батеньку, увійды,
Съ каймы виночокъ издїймы.
— Ой не ввїйду, доненько, не ввїйду

Съ каймы виночка не здїйму
За слизоньками за дрибненькими
Я й виночка не побачу.

4.

Звылы виночокъ Маруси
Изъ шевліи, та изъ руточки
Та изъ мьяточки
Тай покотылы черезъ дороженьку
Ажъ у вышневы садокъ

Тутъ тоби, виночку, буты
И прыбуваты,
А тоби, Марусю, у ридного свекра
Прывыкаты.

5.

Ой звылы дивчыни виночокъ
Покотылы въ вышневы садочокъ,
А котяче та говорыла
Подружечкамъ гуляння дарыла:
Ой гуляйте якъ гуляетьця
Бо вже мое та мынаетьця
Субботнее рощесаннячко
Недильнее прыбираннячко.
У субботу тай рощешуся,

Въ недилоньку прыберуся
Но всю челядь подывлюся.
Вси дивочки въ косахъ сыдять,
А на мою та роса впала,
Щобъ я ййи та рощесала.
Налетилы та голубоньки
Изъ чужой стороньки
Взялы косу та рострипалы
И золото обирвалы.

6.

Ой, матинко та голубонько!
Ой, шось мени та за сонъ снывся:
Чорнымъ шовкомъ весь двирокъ
повывся,
А горошкомъ та обыслався,
Калыною тай обтыкався.

— Ой, доненько, моя павонько!
То не сонъ—цира правдонька.
Шо чорный шовкъ—твой кисоньки,
А горошокъ—дрибни слизоньки,
А калына дивованнячко—
Мынаетьця все гуляннячко!

7.

Ой, матинко! який сонъ прыснывся
Чорнымъ шовкомъ весь двирокъ
повывся,
А горошкомъ обкотывся,
Калыною обсадывся.

Доню моя! молода Марушко!
Що чорный шовкъ до то кисоньки,
А горошокъ до то слизоньки
Калынонька—дивованнячко,
Мынаетьця все гуляннячко.

Ой гуляйте якъ гуляетьця
Бо вже мое та мынаетьця
Субботнее змываннячко,
Недильнейше прибираннячко.

8.

Що въ субботу измыюсь,
А въ недилю приберуся
На всю челядь подывлюся.

Шла дивчына въ вышнеvimъ са-
дочку
Покотыла червоный виночокъ,
А котяче тай говорыла,
Подружечкамъ гуляння дарыла
Гуляйте, подружки, гуляйте
Бо вже мени не гуляеться

9.

Роскишъ моя та мынаеться
Гуляннячко дивованячко
Субботнее рочесанячко.
Що въ субботу рочешуся,
А въ недилю прыберуся
На Иванка подывлюся.

Чы не жаль тоби, моя матинко, мене буде,
А якъ мене въ сій свитлонци та не буде?
Якъ по весни та садочки все цвистымутъ,
А подружечкы все виночкы тай плестымутъ,
Помижъ твои воритенька тай нестымутъ.
Та не будуть до хатонькы прывертаты,
Бо никого на улыцю выкыкаты.
Та нестымутъ смородыну зелененьку,
Та згадаешъ мене, матинко, молоденьку.
Якъ нестымутъ смородыну, смородяный цвितъ,
Завязала, моя матинко, молодою свитъ.
Якъ нестымутъ смородыну зъ ягидкамы,
Тай умыесся, моя матинко, слизонькамы!
Не разъ, не два, моя матинко, заплачешъ,
Поки мене въ свой свитлонци тай побачышъ.
Не разъ, не два, моя матинко, тай затужышъ,
Поки мене черезъ люды перечуешъ.

Вар. Киев. Стар. кн. 7, № 5, стр. 132 и въ Ластивкѣ Гребинки, 1841 г., записана Шереперей стр. 347.—У Чуб., т. 4, № 945, стр. 349, гораздо кратче.

10.

На вгороди дви вышенькы, за вгородомъ тры,
Булобъ тоби, та Марусю, шей замижъ не йты.
На вгороди дви вышенькы, за вгородомъ пять,
Булобъ тоби, та Марусю, шей дома гулять.
Якъ зацвитутъ ти вышенькы квиточкамы,
Булобъ тоби, Марусенько, гулять зъ дивочкамы,
Якъ зацвитутъ ти вышенькы биленькими,
Булобъ тоби гулять зъ молоденькими.

Мынаютьця ягоды полуныци,
Уже й минулысь,
Мынаютьця Маруси вечорныци,
Уже й минулысь.
Идутъ сестрыци на вечорныци
Мене до ворить клычуть:
Ходимъ, сестрыце, зъ намы

Ой, винку, мій винку!
Хрещатый барвинку!
Куповала я тебе у Крымку.

Чуб., т. 4, стр. 370 (№ 1027) изъ сб. Лозинскаго, очень отличный вариантъ.

Що въ синечкахъ голубецъ гуде,
А въ свитлоньку голосочокъ иде.
Тамъ Орыся наряжалася
Зъ матинкою поражалася:
Порадь мене, моя мате,

Вар.

Беры сестрыци, беры зовыци

У субботоньку за сонця
Сила Марьюшка край виконця
Тай пытается своего батенька:
Скільки мени дружечокъ браты?
Беры, доненьку, скільки хочъ,

Вар. Киев. Стар. 90 г., 7, № 7, стр. 133.

Ишлы бояре рядъ по ряду
Молоденькый Иванко попереду.
Скынувъ шапочку махае:

Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки. С. Чернявской, Харьковъ, 93 г., стр. 34, № пѣсни 17,
двѣ послѣднія строчки одинаковы.

Ой у гору сонце йде, у гору,
А Маруся иде съ двору.
Ой вы, сусиды ворогы,

1) Пѣс. съ 13—61-ю поютъ дружки на улицѣ, когда молодая приглашаетъ къ себѣ на свадьбу.

11.

Зъ намы дивочкамы.
Идить, сестрыци, мене не ждите,
Бо въ мого свекорка посередъ
двора
Стоить рублена комора.
Тамъ сестрыци
Вишни мой вечорныци.

12.

Замыкала я тебе въ скрыньку.
Сѣгодня поношу,
Скыну тай заброшу.

13 ¹⁾.

Скільки мени дружечокъ браты?
Ой ты, доню, челядыноньку
Беры, доню, всю родыноньку
И близькую, и далекую,
И сестрыцю ридненькую.

Уси подружки у дружкы.

14.

Скільки сылонька зможе,
Скільки тобя Богъ поможе.
Беры зовыци, беры сестрыци
Беры й подружки у дружкы.

15.

Слухайте, бояре, щось гуде,
То моя Наталочка дружкы веде.

16.

Не переходьте дороги,
Бо ся дорога до Бога,
До свекрового порога.

У гору сонечко, у гору йде,
Уже наша дивчинонька зъ дво-
ру йде

17.

На йій виночки червоненькы
За нею дружечкы молоденькы.

Тыхо, тыхо лотокамы вода йде,
Туды наша Маруся зъ дружка-
мы йде.

18.

Роступытеса ворогы
Изъ нашої ривной дороги,
Бо пидтопчимо пидъ ноги.

Плавала щука по пидъ млыномъ
Та давала дивчына ручку двомъ,
А хотъ двомъ, не двомъ — одному.
На тоби, Иванко, ручку мою,
А ты, Василю, не гайся,

19.

Пиды соби зъ иншою звинчайся,
А ты, Василю, дуйсь, не дуйсь,
Пиды соби съ иншою поцилуйсь,
А ты, Василю, дывысь, не дывысь
Пиды соби зъ иншою обіймысь.

Вар. въ Кіев. Стар. Іюль, 90 г., № 41, стр. 138, кратче на послѣдніа 4 строчки.

Бодай тебе, та Марусю,
Изъ твоими дружечкамы!

20.

Мали, невеличкы,
Якъ повны гвоздычкы.

Улыцямы, дружечкы, улыцямы
Брязьчить, дружечкы, пидковкамы.

21.

Свитить, дружечкы, винкамы,
А якъ на неби зиркамы.

Шумила дибривонька, шумила,
Туды наша дивчинонька ходыла.

22.

Кискою плечыци укрыла,
За собою дружечокъ водыла.

Не вий витре въ лузи,
Повій по дорози,

23.

Зеленою полосою
За нашою молодою.

Повій, витре, дорогою
За нашою молодою.
Розвій йійи косу
Якъ литнюю росу

24.

По дному волосочку
По червоному поясочку
По дній волосыни
По червонимъ поясыни.

Стець № 23, стр. 176.

Ой тамъ жыто родыть
Де дивчына ходыть.
По мижъ галочкамы

25.

Зъ своимы дружечкамы,
Помижъ маленькымы
Зъ своимы вирненькымы.

26.

Ой рядочкомъ, дружечкы, рядочкомъ
По пидъ вышневымъ садочкомъ.
Та щыпайте руту мняту кучеряву
Обтыкайте Ганнушечку чорняву.

27.

Холодочкомъ, дружечкы, холодочкомъ
По пидъ вышневымъ садочкомъ.
Тай вырвемо квіточку зелененьку,
Та затычемъ Марусю молоденьку.
Щобъ та квіточка зеленила,
А Маруся молодила.

Кіев. Стар. 1890 г., 7 кн., № 17, стр. 134. Степъ № 28, стр. 177. Чуб. т. 4, № 185, стр. 135.

28.

Та срибная сережечка—Марусенька,
Золотій перстенёкъ—Васылечко.

Тай обвыхнувся коло ручки,
Коло ййи русои кисочки.

29.

Серебряная сережечка замазаная,
Чогось наша Маруся заплаканая?

Я ту сережечку тай обмыю,
Заплачешъ ты, та Марусю, у недилю.

30.

Срибная сережечка замазаная
Чогось наша дивчынонька запла-
каная?
Наймай, козаче, музыкы

Грайте, музыкы, одъ села до села
Щобъ наша дивчына весела була,
Грайте, музыкы, ризвенько
Щобъ наша дивчына веселенька.

31.

Уси лугы, бережечкы
Вода полыла ¹⁾,
Молоденьку та Марусю
Журьба обняла.
Молоденькій Данылко
Музыку найма,

Грайте музыченькы
Одъ села до села
Щобъ моя Маруся
Весела була.
Грайте, музыкы, ризкійше,
Щобъ нашій Маруси веселійше.

32.

Ой дывытця, пидружечкы, куды я
пиду:
Чы на тую та гироньку на крутую,

Чы й у тую сторононьку тай чужую.
Чы до того та дубочка зелененького,
Чы до того Васылька молоденького.

33.

Голубіи фіялочкы гору скрылы
Тилькы одну дорожечку пропустилы.

¹⁾ Поняла.

Туды йшла Маруся съ дружечкамы,
А за нею Иванко съ буярамы:
— Пидожды, Марусенько, бо вже ты моя!
-- Вона стала, отгадала, що я не твоя.
Объиздывъ я, Марусенько, городкивъ не пять,
Да прыйхавъ, Марусенько, до тебе упьять.

Вар. I. Вмѣсто первыхъ двухъ строкъ:

Ой на гори фіялочки голубіи
Круту гору камьяную тай укрылы.

Вар. въ Кіев. Стар. 90 г. Іюль, Свад. Пѣс. Дуб. уѣз. В. М. стр. 189, Чуб. т. 4, № 147, стр. 120.

Вар. II. Въ м. Лукомьи первая строчка такъ:

Ой на гори васылечки вродылы		Тильки одну дорожечку про-
Усю гору камьяную закрасылы		пустылы.

34.

Ой лугамы, берегамы, стежечкамы
Туда ишла дивчынонька съ дру-
жечкамы

Говорыла изъ водою луговою:
Вода-жъ моя луговая
Якъ я тебе, вода моя, избирала
Свое лычко билесеньке умывала.
Було лычко якъ яблучко

У батенька мого,
А чы буде, козаченько,
Таке й у твого?
А якъ будешъ, дивчынонько, по-
кирненька
Буде твоя головонька спокійненька,
А якъ будешъ, дивчынонько, тай
сердыта
Буде твоя головонька що дня быта.

35.

Думай, думай, ты Марусю,
Думай та гадай—
Перебресты дви риченькы,
А третій Дунай.

—Ой не страшна быстра ричка,
Не страшный Дунай,
Страшна мени дороженька,
Шо далекий край.

36.

Думай, думай, Марусенька,
Думай та гадай.
Бресты тоби дви риченькы,
А третій Дунай.
Перебрела дви риченькы,
А Дунаю нить,
Та забула дивовання ¹⁾,
А роскоши нить.
Мынаются роскошонькы ²⁾

Сама бачу.
Не разъ, не два по роскоши
Тай заплачу.
Пиду я до свекорка
У субботу
Взялысь мои роскошонькы
За роботу.
Ой пиду я до батенька
У недиллю

¹⁾ Гулянонькы.

²⁾ Роскышъ моя у батенька.

Сыдять мои роскошонькы
По застилю.
Ой пиду я до свекорка

Въ понедилокъ
Сыдять моя роскошонькы
Якъ барвинокъ.

Въ м. Лукомъи начало этой пѣсни другое:

Ой загулы голубонькы селомъ летяче,
Ой куды-жъ вы, голубонькы, тай полетыте,
Куды-жъ мое дивовання занесете?
Полетымо, Марусенько, на тыхий Дунай и т. д.

37.

Ой загулы голубонькы въ поле летячы
Заплакала дивчынонька на посади сыдячи.
— Ой куды вы, голубонькы, тай полетыте,
Куды мое дивовання тай занесете?
— Ой полетымо тай дивчына въ чысте поле
Та вкынемо дивовання въ сыне море,
Уже твое дивовання до вику не зорне.
— Ой переймы-жъ, мій батеньку, ти голубы
Та заверны дивовання хоть годивъ на тры.
— Дочко моя, паняночко, вжей не перейму,
Уже твое дивовання тай не заверну.

Вар. Послѣ шестой строчки:

Тоди твое дивовання завернетця,
Якъ у поли сыне море розильетця.

38.

Полынулы голубонькы полемъ гудуче,
А за нымы та Маруся у слидъ, плачуче.
— Ой переймай, моя матинко, ти голубы,
Шо далеко полетилы полемъ гудуче.
Ой уже-жъ я, доньку моя, хотя й перейму,
То вже твого гуляннячка назадъ не займу.
— Полетымо, Марусенько, въ чысте поле,
Та вкынемо гуляннячко въ чысте море.
— Ой, колы вы, голубонькы, тай прылетыте,
Колы мое гуляннячко тай прынесете?
-- Покры свита, покы сонця не прылетымо,
Та вже твого гуляннячка не прынесемо.

39.

Ой куды вы, голубонькы,
Тай полетыте?
Куды мое дивовання

Тай занесете?
Та заверны, мій батеньку,
Скры голубы,

Тай переймы дивування
Хочь годивъ на тры.
Полетымо, Марусенько,
Въ чысте поле,
Закынемо дивування

Въ сыне море.
Полетымо Марусенько
Та на луки,
Попадешься Васылькови
Та въ руки.

40.

На вгороди рожа стояла
Тамъ зузуленька кувала,
Выйшла дивчына рожи щыпаты
И зузуленькы пытаты:
Скажы, зузуле, скажы, сызая,
Стилькы мени у батенька буты?
Ой буты тоби, молода дивчына,

Симъ недиль шей чотыри.
Бодай же ты, зузуле, бодай же
ты сызая
И на той годъ не закувала,
Якъ ты мени молодій
Правды не сказала.

Затѣмъ повторяють первыя шесть строчекъ пѣсни и кончаютъ такъ:

Ой буты тоби, молода дивчына,
Оцей денекъ та до вечора.
Бодай ты, зузуле, на той годъ закувала
Якъ ты мени, молодесенькій, правду сказала.

Чуб. т. 4, стр. 408, № 1164 отличается.

41.

Закувала зузулына
Въ саду на паду.
Та казала Наталочка
Замижъ не пиду.
Та казала молодая погуляю

Русою косою помаю.
Хай моя русая коса помае,
Колы мене батенько не дае.
Хай моя руса коса майе
Колы мене матинка жаліе.

Вар. въ Киев. Стар. за Июль 90 г., № 32, стр. 136.

42.

Ой, на гори ячминь,
А въ долини просо.
Щось на тебе буде,

Моя руса косо?
Будуть тебе расплитаты
Та до купы сбыраты.

43.

Горохъ, горохъ по дорози
Десь мій мылый у дорози.
Винъ торгомъ торгуе

Черевычки купуе.
Купуй, купуй черевыченькы
Въ мене нижкы невелыченькы.

44.

Ой хмелю, хмелечку
Ты тонкое стебелечко!

Та казала дивчынонька
Ты, казаче, мое сердечко.

Вар. въ Стени Спт. 1886 г., стр. 168, № 7. Чуб., т. 4, стр. 350, № 949.

Чы хміль по дорози,
Чы жовтее стебелечко?
Чы скажешъ, Марусю, на Павла:

45.

Мое сердечко?
И казала, и казатыму,
Серденяткомъ называтыму.

Ячминь по дорози
Родывъ его Боже.

46.

Зеленое та стебелечко
Козаченько мое сердечко.

Ой попы, попы зъ дяками
Вельки кныгы чыталы.

47.

Вельки кныгы чыталы,
Поки нашу Наталю звинчалы.

Кучерявый Иванко кучерявый
Хто ёму кучери завывае,

48.

Молодая Маруся сподобала
Вона мени кучери завывала.

Чуб., т. 4. № 25, стр. 72.

Кучерява верба
Зъ верха до кориня.
Винчалась Маруся
Зъ снідання до полудня.

49.

Сама соби дывувалась,
Що зъ хорощимъ повинчалась.
Сама соби дывується,
Що съ хорощимъ цилується.

Вар. Кіев. Стар. 90 г., кн. 7, № 35, стр. 137.

За хатою, за свитлицею
Стоить верба зъ росыцею.
Хто-жь ту вербу зрубае?

50.

Хто-жь ту росу позбирае?
То Иванко вербу изрубае,
А Маруся росу позбирае.

Орель дерево поломавъ,
На тихому Дунаечку кладкы славъ
Зъ високого дерева зъ ялыны

51.

Съ хрещатого барвиночка, зъ ка-
лыны
Молоденькій Маруси княгыни.

Ой де твоя, дивчынонько, мате
Що никому порядку даваты?
У Кіивъ пишла забарылася

52.

На рыбоньку задывылася.
Де взялыся татары—гусары
Взялы мою матинку забрали.

Ой брязнулы ключи
До свекрухы идучи.
На новимъ помости
До свекрухы въ гости.
Прыбирайся, свекрушыно, прыби-
райся,

53.

Молодой невесточки сподивайся,
А щобъ була горилочка мочена,
Щобъ була рыбочка печена,
Щобъ булы варенычки въ масли,
Бо йдутъ дружечкы прекрасни.

54.
 Спечы, спечы, матинко, симъ булокъ | А якъ не спечешъ якъ знаешъ
 Прыведу до тебе симъ дружокъ, | Ты мене за дытыну не щытаешъ.
55.
 Прыбирайсь, матинко, прыбирайсь | Щобъ була горилочка вареная,
 Та до себе дружечокъ сподивайся, | Щобъ булы ягидкы червоненькы,
 Щобъ була рыбочка жареная, | Бо йдуть дружечкы молоденькы.
 Кіев. Стар. № 7, стр. 140, № 48. Чуб. Труды экс. т. 4, стр. 141, № 216.
56.
 Топы, матинко, у печи, | Щобъ була рыбонька печена
 Печи, матинко, калачи. | И горилочка варена.
 Да печи, матинко, на меду, | Щобъ булы огирочки солоненьки
 Я до тебе дружечокъ прыведу. | Во йдуть дружечкы молоденьки.
57.
 Прыбирайся, матинко, прыбирайся, | Шобъ була рыбочка печена
 Та до себе й дружечокъ сподивайся. | Щей горилочка варена.
 Печи калачи на меду | Шобъ булы солоненьки огиркы,
 Я до тебе дружечокъ прыведу. | Шобъ булы дружечкы говиркы.
 Въ д. Стукаловкѣ двѣ послѣднія строчки такъ:
 Шобъ булы огирочки й огиркы, | Бо йдуть дружечкы говиркы.
58.
 Вымитайте дворы, | Сповняйте кубочки,
 Застылайте столы, | Бо йдуть дружечкы.
59.
 Выйды, матинко, проты насъ | Де мы, дружечкы, ходылы,
 Тай спытай, матинко, усихъ насъ: | Де мы Марусю сгубылы.
60.
 До двору, дружечкы, до двору | На хрещатому скатерти.
 Рубайте сосонку до рову, | Щобъ наша сосна зеленила
 Дай понесемо до дому, | И Маруся щобъ молодила.
 Тай поставымъ на столи,
61.
 Передъ порогомъ могыла, | Гнутся виточки додолу,
 На тій могыли калына. | Пора намъ, дружечкы, до дому.
- 62 ¹⁾.
 Не йдуть молодыци | Мы самы звыемо,
 До насъ гильця выты. | Медъ, выно попьемо.
 Кіев. Стар. 90 г., кн. 7, № 57, стр. 142. Степъ № 35, стр. 181. Чуб. т. 4, № 104, стр. 105.

¹⁾ Пѣсни съ 62—69-ю поють дружки, когда вьють гильце въ домъ молодой.

63.

Не йдить молодыци
До насъ гильця выты.
Мы зовьемо самы
Краще нижъ изъ вама.

По пидъ небесамы,
По пидъ хмарочкамы
Изъ своиы дружечкамы.

Въ с. Пескахъ послѣ 5-й строчки и вмѣсто двухъ послѣднихъ такъ:

Съ своиы дружечкамы
По пидъ сыненъкими

Зъ своиы молоденькими.

64.

Наше гилечко рясне
Всему мырови красне.

Старому й малому
И Богови святому.

65.

Наше вылечко рясне
Безъ калынонькы красне,
Безъ витроньку мае,
Безъ сонечка сие.
Ой колыбъ же я знала,
Колыбъ видала
Колы мени вылечко выты,
Той послала-бъ свого батенька
Въ темный лугъ по калыну.

Батенько пишовъ
Калыны не знайшовъ
Заплакавъ тай такъ прыйшовъ:
Ой ще-жъ, доненько, ще-жъ, Ма-
рушко,

Потомъ эта пѣсня обращается къ матери и затѣмъ къ молодому:

Ивашко пишовъ
Калыноньку найшовъ:
Ой уже-жъ, Марушко, уже, дивочко,

Калынонька не поспила:
Що витерь не вие,
Сонечко не гріе
Тимъ калынонька не спіе.

Калынонька переспила:
Що витерь вие, сонечко гріе
Той калынонька спіе.

Чуб. т. 4, № 117, стр. 107.

66.

Мы вылечко вылы
Горилкы не пылы.
Продаймо вылечко
Купымо горилочки.

Що намъ платы не багато
Бочку вина, меду дви
Хто выкупыть гилечко на столи.

67.

Та де се гилечко вылося?
Та вылося гилечко въ Кремяньци
Тай прынесено паняньци

Тай поставлено на столи
На квитчастому скатерти.

68.

Вылы дружечкы гилечко
Якъ два соловьи гнздечко,

Выще дерева ялыны
Съ червонои калыны.

Нихто не вгадає
Що въ нашому гильци
Золотія корешки й вершки

Сребряны нависочки
Въ середьни фіялочки
Звели ёго паняночки.

69.

Вылы дружечкы вылечко
Соловеечку гнзедечко.
Зъ високого дерева ялыны

Изъ червоной калыны.
Зъ високого дерева фіялки
За для Маруси панянки.

70 ¹⁾.

Що Маруся по дворочку ходыть,
Красу сіе, а розумъ садыть.
Якъ садыла, тай говорила:
Якъ пиду я дай за любого,
То ты, красо, изыходь рясно.
Ты, розуме, тай розывайся,

Барвиночку тай ростылайся.
Якъ пиду я та за нелюбого,
То ты, красо, не зиходь рясно,
Ты, розуме, тай не розывайся,
Барвиночку тай не ростылайся!

71.

Ой, Боже, Боже!
Мій мылый гоже,
Що я соби наробыла?
Кого вирно любыла,
То того розгнивыла.
Одъ кого я йила дрибни оришки,
То той пидпара остришки.

Въ кого, кого тихая мова,
То той стоить у порога.
Въ кого, кого тихіи речи,
То той стоить коло печи.
Кого ненарокомъ,—стоить пидъ
бокомъ
Щей до мене осьмихається.

Вар. Вмѣсто 3 и 4 строчекъ такъ:

Я не гуляла, не дивувала

И свить соби завязала.

72.

Черезъ синечкы другы дверечкы
Ажъ у вышневыи садочокъ.
Ой тамъ дивчына батенька свого
Голубонькы годувала и напувала
До голубивъ промовляла:
Загудить голубы, загудить сызы,
Защечить соловеечки.

Завдайте жалю зеленому гаю
Щей батькови ридненькому.
Що мій батько гадає и самъ не
знає
И доленькы не спытає.
—Ой, доненько моя, доленька твоя,
Не вгадаешъ ни ты, ни я.

Чуб., т. 4, № 170, стр. 127, Киев. Стар. 90 г., Июль, Свод. п. Луб. у. В. М. № 75, стр. 147,—
оба варианта довольно отличны. Также Чуб., т. 4, № 712, стр. 281 и № 1088, стр. 388.

73.

У недилу рано сыне море грало,
Тамъ дивчына та воду брала,

Въ синимъ мори потопала,
Батенькови ручку давала:

¹⁾ Пѣсни съ № 70—105 поются дружками въ домѣ молодой въ субботу на дивичь-вечерѣ.

Ой на тоби, мій батеньку, ручку
Съ золотыми та перстеныкамы
Зъ вышитыми та рукавчятамы.
А мій батенько иде та до бережечка,

Нема човна, ни веселечка,
Та все хвыля позаносыла
До крутого бережечка,
До тыхого та Дунаечка.

74.

Ой по гори бояре гулялы,
А на море ружамы стрылялы,
Ажъ у море дивчыну загналы.
— Рятуй, рятуй ты, мій батеньку,
Буду тоби дилечко робыты
И тоби годыты.
— Ой не буду, доню, рятувать:
Мени тебе по викъ не держать.
— Рятуй, рятуй ты мене, моя ма-
тинко,
Буду тоби дилечко робыть.

— Ой не буду, доню, рятуваты
Мени тебе по викъ не держаты.
— Рятуй, рятуй, молодой Ивашко!
Буду тоби дилечко робыть
И твоему батенькови годыть.
— Буду тебе, сердце, рятуваты,
Бо мени съ тобою свій викъ ви-
куваты
Будешъ мени дилечко робыты,
Моему батенькови годыты.

75.

Ой чоготы, крыныце, холодна водыце,
Чого рано замерзаешъ?
Ой якъ же мени не замерзаты,
Шо не хотять воды браты.
Ни воды браты, ни очыщаты
Ни пры зрубѣ держаты.
Що лысточокъ упавъ, травця
зросла
Уже-жъ мени пора прышла.

Ой чого, Марушко, чого дивочко,
Чого батенька покидаешъ?
Ой якъ же мени не покидаты?
Шо не хотять годуваты
Ни одиваты, ни пры соби держаты.
Ой хочъ бы я не йшла,
Меньша сестра зросла
Уже-жъ мени пора прышла.

76.

Ой ты, клыну, клыновый лысточокъ,
Куды-жъ тебе витерь повивае,
Куды батько дочку отдавае?
Чы мижъ туркы, чы мижъ аглычаны¹⁾
Чы у тую турецькую землю

Чы у свекра велькую семью.
Турьска земля кореныстая,
Свекра семья наровыстая
Треба годыть старому й малому
И свекрови неймовирному.

77.

Колыбъ я знала, або видала,
Колы мое сватання буде
Я-бъ не мылася, не чесалася
Ни сорочечкы не надивала.

Мела-бъ я хату, мела-бъ я сины
Зеленою рокытою
Ни для батенька, ни для ридного
Для свекорка неймовирного.

¹⁾ Вѣроятно: лымчары,—это названіе извѣстно въ Малороссіи: „уже прышли лымчары“ (о дѣтяхъ). Номисъ. Украински прывазкы и т. д. 1864 г. стр. 177.

78.

Йшла дивчына та гукаючы,
Ажъ два двори та мынаючы
До третёго прыслухаючы,
А въ тимъ двори та все сады
садять
Та все мого батенька хвалять,

А свекорка гудять.
Колы-бъ мени съ сёго пекла
Та до свекра,
Колы-бъ мени съ сїи муки
До свекрухы.

79.

Та ходыла дивчынонька по свитлыци
Та носыла горилочку у скляныци
Частувала дивчынонька всихъ дружечокъ пидъ рядъ.
Исправь мени, мій батеньку, весь паньскій нарядъ.
Якый тоби, дытя мое, нарядъ наряжать
Зеленая суконечка шей слидъ замитать.

80.

Та сыдыть сырота по за столамы,
Умывається слёзамы;
Сыдыть сырота по за новымы,
Умывається дрибнымы.
Та выйды, выйды, чужый батенько,
Та до мене на порадоеньку,
Та нема порядку съ самого ранку

Та не буде й до вечеру.
Та нема родины ни половыны,
Ни батенька зъ Украины.
Стоять столы не застыланы
И чарочки не наливаны.
Та сыдыть дружечкы нечастованы
И буяре не дарованы.

Кіев. Стар., кн. 7, № 80, стр. 149. Такого же содержания пѣсня, только краткая, всего въ четыре стиха, записана въ Черниговской губ. и помещена въ Молодикѣ 1843 г., ч. 2, стр. 147.

81.

Хоть велькый дворъ,
Та малый сбиръ—
Не вся моя родынонька.
Нема родыны ни половыны
Ни матенькы зъ Украины.
Пошлю соловейка, пошлю маленького

По матинку по ридненькую.
Щей соловейко не долитае,
А матинка на догадъ знае:
Се посылочка одъ моеи дочкы
Молодой челядыночкы.

Кіев. Стар., кн. 7, №№ 76, 77, стр. 147.

82.

Не жаль мени ни на кого,
Якъ на панъ-отця.
Не ддавъ мене за парубка,
Га ддавъ за вдивця.
Що удивецъ не молодець—
Перву жинку мавъ,

Що винъ йи симъ разъ на день
Що дня изгада:
Та шо въ мене перва жинка
Хазяйка була,
А молода, суча дочка,
Ничого не зна.

83.

Чы я, тоби, матинко, не казала,
Шобъ ты мене за вдивця не давала,
Бо той вдивецъ бытыме, каратыме,

Мое лыченько до свого ривнятыме.
Мое лыченько билее, румянее,
Его лыченько старе, поганее.

84.

Ой запродай, мій батеньку,
Сей садъ выноградъ,
Та исправъ мени, мій батеньку,
Весь паньскій нарядъ,
Та червоныи черевычки,

Голубый жупанъ.
Червоныи черевычки пыломъ пры-
падутъ
Зеленее намыстечко зовыци по-
рвуть.

85.

Молода Маруся по вгороду ходыла
Капусту садыла.
Калына малына,
Якъ сына зродыла,
Ягода червона ¹⁾
Ой и ты, капусто,
Ты прыймайся густо.
Ой пишла-бъ же я тай за селя-
нына,
Шой у селянына та хата маленька
И лавы узенькы,

И столы низенькы.
Хоть нигде систы
Такъ йе шо исты.
Ой пишла-бъ же я тай за мища-
нына
Ай у мищанына та хата велька
И лавы шыроки,
И столы высоки;
Хоть йе де систы,
Такъ ничого зъисты.

86.

Якъ ходыла та Маруся по вгороду
Та сіяла дрибенъ мачокъ съ прыполу.
Ой, якъ мени дрибенъ мачокъ позбираты?
Ой, якъ мени та свекорка называты?
Позбираю дрибенъ мачокъ хочъ зеленцемъ
Та назву я свекорка хочъ риднымъ отцемъ.
Позбираю дрибенъ мачокъ хочъ макиркою,
Та назову свекруху хочъ матинкою.

87.

Марусенька у батенька на отходи
Посіяла червоный макъ на вгороди.
Росты, росты червоный макъ выще мене,
Жаль мени, мій батеньку, на тебе
Що ты мене тай отдаешъ одъ себе.

¹⁾ Прилѣвъ повторяется за каждымъ двустипіемъ.

88.

Оце тобі, матинко, на отходи
Посадила трояндочку на вгороди.
Росты, росты, трояндочко, не хылыся,
Жывы, жывы, матинко, не журыся,
Ой якъ мени не хылытця,—витерь повива?
Ой якъ мени не журытця—дытя покыда?

89.

Ой ходыла Марусечка по левади
Та садыла оришыну у тры ряды:
Росты, росты, оришына, выще тыну,
Якъ була я й у матинки за дытыну.
Росты, росты, оришына, выще стрихы,
Якъ була я у батенька для утихы.
Росты, росты, оришына, росхыляйся,
Жывы, жывы, мій батеньку, розжывайся.

Вар. Въ Киев. Стар. 90 г., кн. 8, № 115, стр. 158.

Въ с. Крутомъ берегѣ прибавляютъ еще двѣ строчки:

Росты, росты, оришыно, выще хаты,
Кохавъ мене ридный батько, ридна маты.

Вар. II. Въ с. Михновдахъ еще двѣ строчки:

Росты, росты, оришына, выще саду,
Держы, держы, мій батеньку, на пораду.

90.

Ой ходыла та Маруся по вгороду
Та садыла садъ виноградъ изъ прыходу;
Та забула воритечокъ зачыныты,
А не посмила свого батенька попросыты:
Ой зачыны, мій батеньку, воритенька,
Щобъ не вѣхавъ Иванко зъ музыченькамы,
Бо потопче садъ виноградъ коныченькамы.
Ой запродай, мій батеньку, той садъ виноградъ
Та справъ мени, мій батеньку, весь паньскый нарядъ:
Червоніа черевычки съ пидковкамы,
Червоное намыстечко зъ дукачама,
Зеленое суконечко изъ цвитама.
— Ой не буду, доню моя, саду продавать,
Та не буду, доню моя, наряду справлять,
Бо якъ буде, доню моя, мылый ревнывый

Буде тобі, доню моя, и нарядъ не мылый.
Червоныи черевычки пыломъ прыпадуть,
Червоное намыстечко зовыци порвуть,
На зелене суконечко цвнты опадуть.

Вар. Чуб., т. 4, № 141, стр. 122 и № 174, стр. 131 и № 1147, стр. 404.

91.

Та чы не будешъ, моя матинко, жалкуваты
Та якъ будутъ подруженькы двиръ мынаты?
Ой не буду, дытя мое, тай не буду,
Поховаю вси коснычкы тай забуду
Уси коснычкы но мыснычкахъ валяються
Твои, дивчынонько, вечерныци мынаються.

92.

Не жаль тобі, моя матинко,
Не жаль буде,
Якъ оддасы мене
Мижъ чужіи люде?
Тамъ мои слідкы
Тыхы, не швыдки
Перемиряны будутъ.
Тамъ мое дило
Перероблено буде,

Тамъ мое слово
Перемовлено буде.
Перемирать слідкы,
Тыхы, не швыдки,
Диверкы—не братикы;
Перемовлять слово
Зовыци—не сестрыци;
Переробить дило
Свекруха—не матинка.

93.

Червоная калына безъ витру шумыть
Чужый батько, чужа маты не бье та болыть.
Молоденька та Маруся ничимъ не вгодыть,
Ни мыскою, ни ложкою, ни ходою,
Ни своею тыхенькою розмовою.

94.

Вы, сестрыци, вы, подружечкы,
Соберитесь вы за ручечкы,
Покопайте уси стежечкы
Тай насадить та рутои мяты,
Туда йтыме моя ридна маты,
Буде вона жалибно плакаты:
Зилле мое паханое,

Дытя-жъ мое коханое.
Якъ ты въ мене кохалося
Що субботы чесалося,
Що недили прибиралося
За юпочку та на улычку
За виночокъ тай у таночокъ.

95.

Не копай грядкы, не сады мняткы,
Бо никому поливать буде.

Шо ненька старенька, сестрыця маленька,
А я сама молоденька.

Оддаешъ маты зъ новой хаты,—
Съ кимъ ты будешъ розмовляты?
Заговорю, доню, зъ билою стиною:
Стина моя била, стина моя била!
Чомъ ты до мене не говоришъ?
Якъ до тебе говорыты,
Шо никому чепурыты?

96.

Ой стану я проты гаю, проты двору,
Построй, построй, Васылю, та коморю
Туды будуть зузуленьки залитаты
Воны будуть ранесенько та куваты.
На що мени зузуленьки сязокрылы,
Якъ у мене зовыци чорнобривы?
Воны мене ранесенька тай избудять,
Сами пидуть до сусиды тай осудять.

97.

Сухый теренъ, сухой теренъ, тай не тесаний,
У новую свитлоночку тай унесений.
Наступыла та Ганушка ниженькамы,
Сплеснула та Ганушка рученькамы.
За горою рута мнята, за горою
Та заросла лыхымъ зильямъ лободою.
Чы ты ии Ганушко исполола,
Шо ты свои били ручки поколола?
Не до руты, подружечкы, не до руты,
Бере мене та Федорко въ свои руки.
Не до мняты, подружечкы, не до мняты,
Хоче мене та Федорко соби взяты.

98.

Та не тii думкы, та не тii гадкы
Що ходыты та на досвиткы.
Годы, доненько, годы, молода,
И старому, и малому.
Свекрови годы, хустыну перы,
Свекруси годы, головоньку гляды,
Зовыцямъ годы, русу косу плеты,
Козакови годы, билу постель стелы.

99.

Ой, матинко, голубонько!
Измый мени головоньку
У вечори въ субботоньку.
Бо вже бильше не мытымешъ,
Ручокъ своихъ не томытымешъ;
Бо вже бильше не чесатымешъ,
Ручокъ своихъ не ламатымешъ.

Зачешы гладисенько,
Заплеты дрибнисенько,
Шобъ вона не маяла,
Одъ сонечка не сяяла.
Шо въ субботу кисоньку чесала,
А въ недилю головку зряжала,
За дынъ вечиръ потеряла.

Кіев. Стар. 90 г., 7 кн., 149 (88).

100.

Ой, ненько, ненько, уже не раненько,
Навчай мене, моя матинко!
Якъ тебе вчыты, жаль тебе быты:
Будь сама розумная.
Держы въ свитлонци якъ у виночку,
Билый рушныкъ на килочку.
А свекорко ввійде, сюды туды гляне,
Винъ тебе не полае:
Доброго батька добра дытына
Вона мени вгодыла.
Та злый свекоркови на били ручки,
То зглянуться ятровочки:
Чы мы въ батька не булы,
Чы мы въ лиси порослы,
Чому насъ такъ не вчылы?

Вар. Въ с. Хитцахъ послѣ 5-й строчки такъ:

Шей рушнычокъ на килочку.
Видерця новенькы, водыци пов-
неньки

Шо вечора и шо раночку.
Шо свекорко встане, ручки помые
И рушнычкомъ повтырае.

101.

Ой, матинко та голубонько!
Измый мени та головоньку
Въ останній день та субботоньку,
Бо вже-жъ бильшъ та не мытымешъ,
И рукъ своихъ не томытымешъ.

Та роцешы, та роцешы та гладе-
сенько,
Та заплеты та дрибнесенько
Биленькими рученькамы,
Дрибненькими та слизонькамы.

Вар. въ Кіев. Стар. 90 г., кн. 7, стр. 149, № 88.

102.

Чы чуешъ ты, Марусю,
Шо про тебе люды торгують

Передъ синьмы, въ зеленимъ зильи
Въ хрещатимъ барвиночку.

Продає тебе батенько За червоні чобитки, За золоті підковки		Передъ синьмы въ зеленимъ зилли Въ хрещатимъ барвиночку.
---	--	--

103.

Ой вы, старосты, чого сыдите, Чомъ до дому не йдете? Бо ще Маруся наша не ваша		Вы ййи не визьмете Хочь заручена, такъ не винчана Бо ще вона наша дивчына.
--	--	--

104.

Ой стояла та Маруся пидъ винцемъ Та чесала косу росу гребинцемъ;		Упустыла гребинець до долу. Ой пора намъ, дружечкы, до дому.
---	--	---

105.

Кислыци, дивчынонько, кислыци Розійдемося, сестрыци. Та кислыци, дивчынонько, зеле- ненькы		Розійдемося, вирненькы. Роскотитесь зеленійши, Розійдемося, вирнійши.
---	--	---

106 ¹⁾.

Пятныця почынальныця, А суббота шышкобгальныця,		А неділя—воскресиння, Просымо всіхъ на весилля.
--	--	--

107.

Пыталася шышечка Перепечи: Чы далека дориженька До печи.		Дайте мени костуронькы Опираться, Щобъ до печи дориженькы Допытаться.
---	--	--

Чуб. т. 4, стр. 237, № 546 очень отлична.

108.

Коровай нашъ бувъ коровай, А золоті обручи, А серебряны шышечкы.		У насъ проханы дружечкы А у васъ бояре селецки, Воны сыночки отецкы.
--	--	--

109 ²⁾.

Ишла Маруся на посадъ, Зостричає іи Господь самъ.		Поздоровля зъ долею щасливою Изъ вирною дружыною.
--	--	--

110.

Закувала зозуленька надъ горою
Заплакала дивчынонька молодою.
Та нехай куде, нехай куде, не зганяйте,
Нехай плаче, нехай плаче, не спыняйте.

¹⁾ Пѣсни 106—108-я поются въ субботу женщинами при изготовленіи свадебныхъ хлѣбовъ.

²⁾ Пѣсни съ № 109 по 121 поются въ воскресенье дружками молодой въ ея домѣ.

111.

Не жаль мени ни на кого,
Якъ на дядьна.
Не давъ мени погуляты
Въ свого батька.

Не давъ мени сихъ коснычкывъ по-
носыты,
Батьково подвирьячко украсыты.
Поносять си коснычки зовыци,
А закрасяты подвирьячко сестрыци.

Чуб. 4, № 942, стр. 349.

112.

Не жаль мени ни на кого,
Такъ якъ на свій ридъ,
Не давъ мени погуляты
Такъ якъ мени слидъ.
Не давъ мени по двирочку похо-
дыты,

Не давъ мени всихъ коснычкывъ
поносыты
Ой походять по двирочку все
сестрыци,
А поносять вси коснычки все
зовыци.

113.

Навищо-жъ ты, Марусечка, уповала,
Шо ты того Трохымочка сподобала?
Чы на волы, чы на кони, чы на гроши?
Чы на ёго й уродоньку—шо хороший?
То тожъ волы, то то кони, то то не ёго,
Голубіи жупаныкы,—то брата ёго.
Вороніи коныченькы одведиты,
Голубіи жупаныкы однеситы,
Биля мене Трохымочка посадите.

Кіев. Стар. 90 г., кн. 8, 158 (114). Чуб. Труды, т. 4, 124 (160), разнятся три послѣдніа строчки.

114.

Сыдыть дивчына край виконечка
И сонъ йийи налягае,
Коло неи сыдыть молодой Иванко
Та винъ йийи розважае.

Чого, дивчыно, чого, молода,
Така смутна стала?
Якъ же мени молодесенькій
Та не быты смутнесенькій?

115.

Ой чого, чого у сему дому
Такъ рано засвितылось?
Та сыдыть Маруся край вико-
нечка,
Чогось вона засмутылася.
А коло неи Васылько йи,
Та винъ йи розважае:

Та въ тебе, Марусю, билее лычко,
А въ мене шей билійше;
Та въ тебе, Марусю, чорній
брови
А въ мене шей чорнійши.
Та въ тебе, Марусю, тихая мова
А въ мене шей тыхиша.

Та въ тебе, Марусю карія очи,
А въ мене шей каріши.

Та въ тебе, Марусю, батинко
ридний,
А въ мене шей риднійшій.

116.

Чимъ я тоби, моя матинко, не вгодыла,
Що ты мою головоньку утопыла?
Утопыла головоньку якъ рожевий цвितъ,
Уже мой головонци завязаный свитъ.

Вар. Послѣднія двѣ строчки въ с. Пескахъ поють такъ:

Утопыла головоньку, завязала свитъ
Уже-жъ мени не розвяже помы мій и викъ.

117.

Хмилъ лугамы, пшениця ланамы
Молода дивчына вечеряй изъ намы.
Буде мени та вечеренька
Не въ батенька, та въ свекорка
Церчыкомъ прысыпана

Слизонькамы прыльвана.
Хмилъ повееться,
Пшениця пожнеться
Молода Маруся!
Гуляння мынеться.

118.

Ой ходыла Марусечка по вгороду
Та садыла руту мяту съ приходу.
Руты мянти колинечка зростутця
Уже-жъ мени та роскоши тай минутця.
Мынаютця вси роскоши сама бачу
Не разъ, не два по роскошахъ тай заплачу.

119.

Останніи дни, роскоши мои!
Тай у тебе, мій батеньку, на гуляннячко иду,
Та никого не спрошусь;
А съ гуляннячка йду,—
Та никого не боюсь.
Дочка въ воритечка, а маты въ виконечко:
Булобъ гулять, моя донечко!
Дочка у свитлоньку, батько за свиченьку:
Булобъ гулять, моя донечко!
Дочка на поригъ, маты край стола,
Кубочки сповня,
Батько каже: лягай, доню, спочываты.

120.

Нетесаный терень, сухой, нетесаный
У новую та свитлоньку унесеный.
Та ступыла Марусенька на той терень
Та махнула рученьками ажъ напередъ.
Прыступыться, подружечки, шей вы, люды,
А що мени мій батенько подаруе.
Буде мене мій батенько даромъ даровать,
Щей доброю, щасливою годыною,
Щей тією вирненькою дружыною.
Даруй, даруй, мій батеньку, тай не оставляй
Вороного коныченька соби вымовляй.
Ой не буду-жъ, доню моя, вымовляты
Бо никому на коныку произжаты.

121 ¹⁾.

Ой на хати голубецъ гуде
У свитлоньку голосокъ иде
Тамъ хлопчышко умывається
Изъ батенькомъ поражається.
Порадь, порадь, мій батенько,
Якихъ мени та бояръ браты?
Якихъ мени свитилокъ сажаты?
Ой сыночку челядыночку!

Сбирай свою всю родыночку
И близькую, и далекую,
И вбогую, шей багатую.
Багатый ридъ все пье та гуляе.
А убогий порядокъ давае,
Багатый ридъ та все по застиляе.
Ай убогий та все по надвиряе.

Чуб. т. 4, № 823, стр. 317. Никол. К. Ст. 83 г., кн. 2, № 21, стр. 381.

122.

Ой куды ты, Васылечку, тай думаешъ.
Вороного коныченька тай сидлаешъ?
Ой сидлаю, мій батенько, свого не твого
Тай пойиду дорогою щасливою,
А за своею вирненькою дружыною.

123.

Полетили голубоньки въ поле.
Вы, буяре, сидайте на кони,
А сванечки на саночки,
Пойидемо до коханочки,

Заберемо вси подарочки.
И кубочки попорожнемо,
И Ганнушку соби возьмемо.

¹⁾ Пѣсни съ № 121 по 124 поются свашками и свитилками въ домѣ молодого и въ поѣздѣ.

124.

У Києви та на рынку, та на рынку,
Тамъ стояла калынонька въ барвинку.
Туды вихавъ Васылечко молоденький,
А пидъ нимъ же коныченько вороненький.
Винъ съ пидъ бока ¹⁾ шабелечку вынимае,
Та на тую калыноньку поглядае ²⁾,
Хоче тую калыноньку изрубаты.
Стала къ ему калынонька промовляты:
Не для тебе ся калына посажена,
А для тебе Марусенька изряжена.

У Чуб. т. 4, № 676, стр. 268, иначе—также № 845, стр. 322. Стень. Свад. пѣсни Елис. уѣзда, № 122, стр. 222—иначе. Обряды и пѣсни с. Бѣлоз., Чернявской, № 16, стр. 40, также далекий вариантъ.

125 ³⁾.

Выйды, мате, за воритечка	Ажъ улыци розлягаютця.
Та глянь, мате, проты сонечка.	Дориженьки не пытаютця.
Шось до тебе за гисть йиде.	

126.

Изъ за горы стовпомъ дымы,	Тожъ Васылько зъ вѣйскомъ иде
Тожъ не дымы—сыня хмара,	Хоче тестя звоюваты,
Тожъ не хмара—съ коней пара.	Хоче Парасю соби взяты.

Вар. въ Степи, стр. 182, № 40.

127.

Изъ за горы та возама гремилы,
Коло тестевого двора колокольцемъ звенилы.
Ой, сестрычко! та заплачь жалибненько
Бо вже твѣй Васылько коло двору близенько
А сестрычка й вироньки не доймала
И слизоньки не румала.

128.

Заиржалы коныченьки на крутій гори
Забрызчали удыламы у батенька въ двори,
Тай зачула Марусенька за скамною:
— Гости, гости, мѣй таточку, гостоньки до насъ!
— Молись Богу, дытя мое, абы въ добрый часъ.

¹⁾ Исъ пидъ плеча....

²⁾ Замирле.

³⁾ Пѣсни съ № 125 по 137 поются друзьями въ домѣ молодой.

Сховай мене, мій таточку, въ коморю
Може я си гостонькы перестою;
Сховай мене, мій таточку, хочъ у хыжу,
То може я си гостонькы пересыжу.
-- Не съ тымъ воны дытя мое найихалы,
Щобъ безъ тебе, молодой, пойихалы;
Якъ бы бралы, дытя мое, та самую,
А то берутъ дивку молодую.

Чуб., т. 4, стр. 176, № 341. Очень мало сходства.
Кіев. Стар. Пѣсни Луб. уѣзда. №№ 130—132, стр. 163, кн. 8.

129.

Налетилы та соколонькы
Изъ чужой та сторононькы,
Взялы косу тай рострипалы
И золото тай обирвалы,

Пидъ конькы пидтопталы.
А Марушка тай подумала:
Що конькъ воронесенькый,
Що козаченько молодесенькый.

130.

Не наступайте та буяре
На наши синечка та новіи
На наши ослоны тесовіи,
На наши кубочки повніи.
Не вы синечкы становылы,

Не вы ослоны тесалы,
Не вы кубочки сповнялы.
Становылы синочки майстрочки,
Тесалы ослоны братикы
Сповнялы кубочки сестрычкы.

131.

Шо то за Кіяне
Стоять съ кильямы?

За чарку горилкы
Не пускають до дивкы.

132.

Закрычалы лебеди на води
Забряжчалы ложечкы на столи,—

Веклына челядь
Сядае вечерять.

Чуб. т. 4, стр. 302, №№ 771 и 772.

133.

Дружко руки мые
Поглядае на килочки:

Чы не висять подарочки (2)
Дивчыны коханочки.

134.

Що на двори метиль мететь,
А въ синечкы дрибенъ дощыкъ идеть.

На порози стрыжакы стоять
Воны до насъ на посадъ хотять.

135.

Ой казалы, що сваты багати,
А воны вбогы.

Въ ихъ кони безноги,
Сами пишкы йшлы,

Молодого въ мишку неслы.
Свитылку въ рядныни,
Щобъ не зъили свыни,

А свашку въ кожуси,
Щобъ не зъили гусы.

136.

Самы пишки йшлы
Молодого въ мишку неслы,
А свашку въ торбыни

Щобъ не зъили свыни,
Свитилку въ халоши
Щобъ не зъили воши.

137 ¹⁾.

Десь мы заблудылы?
Не до свата прыйихалы

Йихалы лугамы
Конямъ ноги поламалы.

138 ²⁾.

—Сванечкы, наши голубочки!
Ой дайте намъ, передайте намъ
Хочь крайни, коровайни;
Та покощовано и полощовано
Шышечку.
—Дружечкы, дружечкы! наши го-
лубочки,
Пишки йшлы, шышкы неслы

Пидбылыся, потомылыся,—
Просымо васъ
—Свашка не липашка
Шышокъ не липыла,
Дружокъ не дарыла.
Одну злипыла зъ сина
Та ту сама зъила.

139 ³⁾.

—Старша свитилка пры стини,
Въ неи сорочка не йи.
Прийшла сусида до виконця:
Скыдай сорочку за сонця.

—Брешете, дружечкы, якъ свыни
Въ мене сорочокъ дви скрыни;
Мени матинка нашыла,
Абы я здорова зносыла.

Вар. Чуб., т. 4, № 792, стр. 306. Степъ. № 65, стр. 195.

140.

У насъ свитилка панянка,
У неи сорочка латянка,
Буяры кралы, латалы
И въ свитилкы прыбралы.

Брешете, дружкы панянки,
Въ мене сорочка зъ китайкы;
Сама маты зъ скрыни выймала,
Мене въ свитилкы прыбрала.

141.

Маты дочку въ свитилкы вбирала
Симъ день сорочки латала.
Пишла танцюваты,
Погубыла латы.

Брешете, дружечкы, трясьця вамъ,
Въ мене сорочокъ хватыть и вамъ!
Мени съ Кіева высылано
И шовкомъ вышывано.

Вар. Степъ, № 66, стр. 195. Кіев. Стар., 90 г., № 197, стр. 177.

1) Поють свитилки и свашки.

2) Поють хоры дружекъ и свитилокъ.

3) Поють поочередно хоры дружекъ и свитилокъ.

- 142.
<p>А мы роду не такийського,
А мы роду корольовського!
Мене маты вбирала,</p> | <p>Билу сорочку давала
Тонкую помережану
Зъ Кыива привезену.</p> |
|---|--|
- 143.
<p>Заськы, початухо, заськы
Сыдышь безъ запаскы.
Цилу ничъ не спала,</p> | <p>Запаску латала,—
Пишла танцюваты,
Посыпалысь латы.</p> |
|--|---|
- 144.
<p>Заськы тоби, початухо, заськы,
Безъ задней запаскы.
На рови свыни лежалы</p> | <p>Тамъ тебе, початухо, бажал
На порози зачепылася
И задныця загубылася.</p> |
|---|--|
- 145.
<p>Посунтеса наши
Одъ столу до полу,</p> | <p>Нехай сяде Иванко
Зъ своєю лытвою.</p> |
|--|---|
- 146.
<p>Шой у саду соловейко гниздо вье.
Чи всимъ буярамъ мисто йе?
Бо й на печи кутокъ гуляе.</p> | <p>Которому не мае
Старшой дружечкы пытайте,
Хочъ на запичку сидайте!</p> |
|---|---|
- Никол. Киев. Стар. 83 г., 391 (50).
- 147.
<p>Мы думалы, що боярынъ красный
А на ёму кафтанъ рясный (2)
Половою, соломою потканный</p> | <p>Перевесломъ пидперезався
Въ бояре выряжався.</p> |
|---|---|
- 148.
<p>На старшому буярыну каптанъ
Соломою, половиною напханъ.</p> | <p>Перевесломъ пидперезався,
У бояре выряжався.</p> |
|--|---|
- 149.
<p>Старшый боярынъ красенъ,
А въ его жупанъ рясенъ,</p> | <p>А за тими рясыцями
Сыдять воши копыцями.</p> |
|---|---|
- 150.
<p>Бодай тебе, князю,
Изъ такими та боярамы,
Изъ такими та роззявами.</p> | <p>Сыдять по застиллю
Якъ воронъ по киллю.</p> |
|---|--|
- 151.
<p>Йихалы буяры черезъ базаръ,
Та купылы буяры рыбу тарань,—</p>	Брешете, дружечкы, чортова дря

152.

Вылитае сокилонько зза хаты,
Годи вамъ, сванечкы, брехаты!
Охъ и ракы, дружечкы, ракы,

Брешете якъ собаки
Ищей раченята
Брешете якъ щенята.

Кіев. Стар. 88 г., Никол. 891 (45).

153.

Мы не брехалы,
Мы правду казали!

Вы бигалы кругомъ хаты
Помогалы намъ брехаты.

154.

Мыръ мыромъ,
Пырогы зъ сыромъ,
Варенычкы въ тютюни.

Вы, дружечкы, предупрни
Помыриться.

Чуб. т. 4, №№ 796 и 797, стр. 306, 307.

155 ¹⁾.

Чого сваты та наихалы?
Чы по горохъ, чы по чачавыцю,
Чы по нашу ридну сестрыцю?
У насъ горохъ не молоченый,
Чачавыця не гарманена (2)

И дивчына не изряжена.
Що мы горохъ помолотымо,
Чачавыцю погарманымо (2)
И дивчыну та изрядымо
На посади посадымо.

156 ²⁾.

Ой казали, що сваты багати,
Ажъ воны скупи, скуповати.
Мы думалы, що въ ихъ михъ грошей,
Ажъ у ихъ тилькы зять хороший.
Ой, зятю, зятю хороший!
Не дамъ шапочкы безъ грошей.
Въ тебе шапочка хороша, —
У мене сестрыця дорогша.
Зять на мене та не дывытця,
Зять на мене супротывытця;
Губамы моргае.

Винъ мене нышкомъ лае.
Ой не лай, зятю, тай не лай,
Що слидъ на тарилку, тай оддай
Шо я въ тебе, зятеньку, первая
свисть,
Та выкыдай на тарилку рубливъ
шисть.
Шесты рубливъ на тарилку не по-
ложышь,
Ты-жъ мене зъ поиздомъ не впро-
сышь.

157 ³⁾.

Подай, мате, голку
И ныточку шовку,
Винкы прышиваты,

Гроши заробляты.
Я не хочу пятакивъ браты,
Пятакамы казаны лататы.

¹⁾ Поють дружки.

²⁾ Поеть свояченица.

³⁾ Поеть также свисть.

Ой зятю, зятю хороший,
Не дамъ шапочки безъ грошей.

158 ¹⁾.

Сестра зятю квітку прышивала
Тры ниточки шовку потеряла:
Первую червоную,

Въ тебе шапочка сьвенька,
Въ мене сестрыця ридненька.

Другую зеленую,
Третью золотую—
Марусеньку молодую.

159 ²⁾.

Братику невиснычку
Сядь же ты на мистечку,
Не продавай сестры

За тры, за чотыри
За пять золотин.

160.

Було лито, було лито
Тай стала зима,
Насіяла васылечкивъ

Тай проты риздва.
Уже-жь тїя васылечки усыхають,
Уже-жь мою русу косу расплитають.

161.

Шой у горбди два васылечки,
Который вырвы тай пахне.
Ай у Олены два братику,
Который вїйде тай плаче.

Шо на нашїй сестри на русїй коси
Билая имла ³⁾ пала.
Билая имла зъ билого цвита,
Йе ёго по всимъ свиту.

162.

Часъ и пора
Старшїй дружци зъ пидстаршою
Зъ за стола.

— Ще жъ рано, ще погуляемъ,
Ще-жь зирочка вечирняя не
зїйшла.

163.

Неметена стежечка, неметеная,
Старша дружка неведеная.

Мы ту стежечку прометемо дерка-
чамы,
Проведемо дружку съ панычамы.

Вар. Чуб. 4, № 1134, стр. 399.

164.

Прощай, прощай ты, Марусю, сестро наша,
Теперь же мы не твои, ты не наша!
Прощай, прощай, та Васылько,
Ты братику нашъ!
Пускай, пускай та Марусю гуляты до насъ.
—Идїть, идїть, подружечки, сь пидъ виконця,
Бо не пиде та Маруся до схидъ сонця.

¹⁾ Поетъ свистъ.

²⁾ Пїсни сь № 159 по 164 поются дружками.

³⁾ Вына.

165 ¹⁾.

<p>Ой, ненько, ненько, уже не раненько Пора намъ та дилытыся Твоя хыжчына, моя скрынчына Съ биленькымы сорочечкамы.</p>	<p>Твои загоны, мои коровы Зъ маленькымы та теляткамы Твоя кошара, моя отара Зъ маленькымы ягняткамы.</p>
---	---

Чуб., т. 4, № 1077, сходства почти никакого. № 1145, еще меньше.

166.

<p>Уже, ненько, уже не раненько Пора, ненько, дилытысь: Мени скрынечка и перыночка,— Тоби, ненько, комирочка. У комирку выйдешъ</p>	<p>По куточкахъ глянешъ, Тай мене згадаешъ, Та немає дочкы. Нема й скрынечкы и перыночкы, И Маруси челядыночкы.</p>
---	---

167.

<p>Ой, матинко моя! Уже-жь я не твоя. Свекрова, свекрушына</p>	<p>Колы тоби докучыла (2) Одъ себе отлучыла.</p>
--	--

168.

<p>Оглядыся, маты, Чы вся симья въ хати?</p>	<p>У горшку щербына, Нема въ хати челядына.</p>
--	---

Вар. въ Киев. Стар. 90 г., кн. 8. № 223, стр. 184.

169.

<p>Мисяць, мисяць дороженьку про- свитывъ, Що братъ сестрыцю выпроводывъ: Оце тоби, сестрыце, дорога</p>	<p>Идь до свекорка здорова. Ой будь здорова якъ верба, Ой будь багата якъ земля, Ой будь хороша якъ рожа.</p>
--	---

170.

<p>Маты дочкы шукае Изъ свичкою по за пичкою. Тай не знайшла. Та десь наша Прися причкы пошла.</p>	<p>Та на тую гороньку крутую, Та позъ тую церковцю святую. Та по визъ тїи улыци тиснїи, Та межъ тїи зовыци пышнїи.</p>
--	--

171 ²⁾.

<p>Наши кони та поковани (2) Колеса пошыновани, Возы наши помалёвани.</p>	<p>Грайте, кони, пидъ нами Йидемо мы зъ панамы!</p>
---	---

1) Пѣсни съ № 165 по 170 поють женщины.

2) Пѣсни съ № 171—180 поются свашками и свитляками.

172.
Свитилочкы, разсукыны дочки,
Сидайте на визъ, шобъ кинь не
повизъ.
173.
Вороны вы, вороны,
А мы шулики.
Взялы Марусю
На вики.
174.
Та гарчалы селяне,
Гарчалы,
175.
Бережитьця воритечка упалы,
Мы у свата дочку укралы.
- Вар. Вмѣсто двухъ послѣднихъ строкъ, такъ:
Будемъ швидче убираться,
176.
Тоби, маты, не журытця,
Тоби, мате, веселытця.
Тоби, маты, хаты не месты,
Тоби, маты, порядокъ весты.
177.
Ой, матинко утко,
Ворочайся прутко,
Бо вже сонце нызесенько,
178.
Ой, матинко утко!
Ворочайся хутко,
Ворочайся швиденько
Невисточка близенько.
179.
Выйды, маты, зъ викомъ,
Даруй дитей довгимъ викомъ.
180.
Прилытила перепилочка ¹⁾
Не учера, та теперечка.
- Шобъ отоса вирвалась,
Намъ Маруся осталась.
- Гомонили вы, сваты, гомонялы,
А мы мовчалы,—
Взялы Марусю
Тай помчалы.
- А мы, крутобережци, мовчалы.—
Взялы Марушку помчалы.
- Не кажить никому,
Повеземъ до дому.
- Щобъ зъ дочкою не пойматься
- Якъ топыла, той топытымешь,
Якъ варыла, той варытымешь,
Абы тая слава,
Що неvistка стала.
- Невисточка близесенько,
Уже сонце въ повній рожи,
Невисточка на порози.
- Ворочайся худійше,
Невисточка близьійше.
И съ хаты въ каморю—
Невисточка коло двору.
- Одно рожденное,
Друге сужденное.
- Сила середъ двору
Просыться въ комору.

¹⁾ Та тетерочка.

Вар. Послѣднія двѣ строчки такъ:

Сила на одвирочки

Просытця въ комирочки.

Въ вар. Кіев. Стар. 90 г., № 234, стр. 186, кн. 9, схожи только двѣ первыя строчки.

181 ¹⁾.

Хто буде спаты
Пидемо постелы слаты.
Соломки въ головки,

А мнятки пидъ пьаты,
Шобъ легенько спаты.

182.

На вгороди дулька,
Яка въ тебе, дивчынонько думка?

Чы спаты лягаты,
Чы людей прохаты?

183.

Просылася дивчына въ свого ризвого свекра:
Пусты мене, ридный батько, на гиронькы по ягидонькы
На горяныци по полоньци,
У долину по калыну.

184.

Любая мылая маты
Послала дитей калыны ламаты
Сама сила на покути зъ вирною дружыною
Поки прыйдуть зъ калыною.

185.

Ой ходыла Маруся по писку,
Сколола свою нижечку на триску.

Та потекла кривця зъ рукавця
Для свого Иванця молодця.

186.

Не сидай свашко на лави,
Та сядь на ослони
Та послухай до комори:
Чы не грають соболи.

Щей не грають и не починають
А якъ будутъ граты,
Тоди будемъ уси знаты.

187.

Плугъ не оре,
Цилыны не бере.

Подайте батога,
Пидогнать бугая,

Нехай пре.

188.

А нашъ Иванко молодець
Пидкопавъ вышеньку пидъ ко-
ринецъ,

Набравъ ягидокъ у рукавецъ
Тай посыпавъ по столу,
Своему родови на славу.

¹⁾ Пѣсни съ № 181—191 поютъ женщины въ домѣ молодого.

189.

Ночувала, моя матинко, пидъ коверцемъ,
Йяла рыбоньку зъ перцемъ.
Пыла, матинко, медъ и выно,
Тимъ мое лыченько не таково.

190.

Темного лугу калына,
Чесного батько дытына.
Ничого й дывуваты:

Така була ия маты.
Запышыть у лейстры:
Таки булы ия титкы й сестры.

У Чуб. (т. 4, № 1313, стр. 443), приведенъ вар. изъ сб. Метлинскаго, но записанный мной древнѣе, суда по слову „лейстры“.

191.

Ой, гаю мій, гаю!
Я въ тоби часто буваю
Я-жь тебе пидкошую

И на дорожку выношую.
Щобъ гай зелененькый,
Щобъ и ридъ веселенькый.

192 ¹⁾.

Ходыла качечка по точку,
Спасыби сваточку за дочку;
За кучеряву мяточку

Та за червону калыну,
За твою чесну дытыну.

Вар. въ Киев. Стар. 90 г., 9, № 248, стр. 191. Обр. и пѣсни с. Бѣлозерки. Черн., № 98, стр. 46.
Чуб. 4, № 1347, стр. 451.

193.

Де твоя, Парасю, китайка
Що привезла учора отъ батька?

Та постелы, Парасю, по двору
Своему родови на славу.

194.

Турыци, сваточку, турыци;
Чомъ не ведете сестрыци?

Хыба наша сестрыця не люба—
Полетять горшки шей груба.

195.

Мы вчора тутъ не булы
И горилочки не пылы,
А сѣгодня прыйшлы
Щобъ горилочки знайшлы.

Не давайте та холодной,
Бо холодна та недобрая,
А дайте намъ горяченькой
На жывить здоровенькой.

Вар.

Мы вчора тутъ не булы
И горилочки не пылы,
Пидсыпыть медку,

Пидкыньте жарку,
Щобъ було солодисиньке,
Нашому роду веселисиньке.

¹⁾ Пѣсни съ № 192 и до конца поются женщинами въ понедѣльникъ.

196.

Веды, Ляше, наше
Нехай намъ попляше,

Нехай будемъ знаты
За кимъ пыть гуляты.

Чуб. 4, 579 (138)—разнится.

197.

Нема, нема Маруси дома,
Поихала въ лись по дрова.
Прыиде зъ дровамы,
Вона буде передъ вами.

Нема, нема Маруси дома
Пишла у лугъ по калыну.
Прыиде зъ калыною,
Побачытця зъ родыною.

198.

Ой уведы, Ляше, дытя наше
Нехай намъ попляше.
Ой нема-жъ, нема Марусечкы дома

Поихала въ лись по дрова
Якъ прыиде зъ дровамы,
Тодя буде передъ вами.

Въ с. Тишкахъ перезвяне отвѣчаютъ:

Булобъ у насъ не браты

Якъ по дрова посылаты.

199.

Ой що мы будемо робыты?
Шо ни за кимъ горилочки пыты?

Батька на матирь изсадымъ
Тай горилочки знадымъ.

200.

И самъ не пье,
И намъ не дае!
Хыба буде шынкуваты

Вареною горилкою
Зъ молодою невесткою.

201.

Ой, казала кучерява дивка
Шо ѳе въ свахы варена горилка.
И сама не пье, и намъ не дае,

Хыба буде шынкуваты вареною
горилкою
Зъ молодою зъ невесткою.

202.

Куныци, свату, куныци,
Есть на кошари ягныци.

Ту ягныцю продасы,
А намъ горилочки дасы.

203.

Узялы у насъ дивку зъ косама,
Носить горилку пebraмы.

Узялы у насъ дивку якъ квитку
Носить цилый вечиръ горилку.

204.

У нашего свата
Кудрява голова.

Винъ кудрямы затрясе,
Намъ горилочки внесе.

205.

Ой, свекрухо, свекрухо!

Чого въ мысци сухо?

Та не буде въ мысци пывця, Та не буде въ мысци й дынця.		Позбираемъ черепочки Посидаемъ коло бочки.
206.		
Де наша весильная маты? Ой дай же намъ ключи одъ кимнаты		Заберемо черепочки, Посидаемо коло бочки.
207.		
Говорыло барыло У Романа въ комори.		Якъ мы его не розибьемо Тай до дому не пойдемо.
208.		
Ой ты, Романе, не гныся Та йе въ тебе на кошари ягныця.		Повезы та продай, А намъ горилочки розидбай.
Послѣднія двѣ строчки такъ:		
Пожены ягныцю продасы,		Намъ горилочки прынесы.
209.		
Якъ бы я добра жена То сыдила-бъ я дома Пидъ сiю метельцю Пряла-бъ я кудельцю. Теперь же я догулялася,		Пелиночка розирвалася И зъ заду, съ переду, Будемъ гулять и въ середу, А за твою, Парасютко, доброту Розійдемося въ субботу.

І. Погребальный обрядъ Лубенскаго уѣзда.

Изда умирающаго или тяжко больнаго крестьянина наполняется еще до смерти его родственниками, сосѣдями и сосѣдками. Послѣднія остаются обыкновенно до конца для того, чтобы участвовать въ приготовленіяхъ къ похоронамъ. Иногда умирающій обращается къ собравшимся съ просьбой: „рятуйте, добри люды!“ — „Хай тебе Богъ рятуетъ“, отвѣчаютъ на эту просьбу присутствующіе. Сосѣди, особенно сосѣдки, стараются убѣдить умирающаго въ неизбежности скорого конца. „Выдно, що вамъ не довго вже жыть“, говорятъ они. Они же совѣтуютъ семьѣ умирающаго: „одступитця, не клопочитця, — хай умира“. Слѣдующій безъискусственный разсказъ крестьянской дѣвочки с. Литвяковъ Акилины Тараничъ о смерти ея отца наглядно представитъ отношеніе крестьянъ къ умирающему. „Батько лазылы по полу, та все прощались зъ людьмы, а потимъ шишлы на двиръ, та тамъ и стали, а жинкы кажуть: „иды въ хату, бо скоро вмрешъ“. Батько мовъ сердятця, кажуть: „та гетьте, дайте погулять!“ А жинкы одвичають: „та де вже тоби гулять, колы ты отъ-отъ вмрешъ“. Взялы ти жинкы у пятаы (впятеромъ) втяглы батька въ хату и ссадылы на пичъ. Батько кажуть мени: „подай воды“. Набрала я чашечку, пиднесла, колы воны пыльно, пыльно въ ку-

токъ дывлятця. Я замтыла, що воны умирають, та чашечку зляку кынула“. Замѣчаніе Тургенева о смерти русскаго крестьянина, умирающаго „словно обрядъ совершаетъ холодно и просто“ оправдывается и мѣстной дѣйствительностью. Часто крестьянинъ спокойно диктуетъ „духивныцю“ (духовное завѣщаніе) и дѣлаетъ словесныя предсмертныя распоряженія женѣ: „коней не продавай. Оры, сій“ или дѣтямъ: „якъ прыйде сынъ зъ Тавріи, то щобъ продады млынъ та долги пооплачувалы, а останнимъ подилылысь“. Приказываетъ, чтобы его погребли какъ должно и давали на часточку священнику. Иные видять предъ смертью умершихъ родителей, предковъ и дѣтей и бесѣдуютъ съ ними, а кто держалъ строгій постъ въ одну изъ пятницъ предъ годовымъ праздникомъ, — увидить, по народнымъ вѣрованіямъ, въ послѣднія минуты Богородицу.

У человекѣ предъ смертью являються, по наблюденіямъ народа, нѣкоторые наружныя признаки, указывающіе на близкую кончину. „Якъ чоловікъ часуе (умираетъ) очи ему стануть ясни якъ зеркало. Винъ тоди черезъ себе дывытця, очи закотятця пидъ лобъ“. Носъ заостряется, иногда двоится и около него появляются темныя пятна. Въ глоткѣ трещить, какъ будто ломаются маленькія палочки; грудь хрипитъ („харчыть, клекоче“). Прекращеніе кровообращенія замѣтно прежде всего у рукъ. „Жылы нычтожаютця“. Кровь „змняется, не грае“. „Минытця“ и тѣло, приближаясь цвѣтомъ къ воску. На тѣлѣ выступаютъ желтыя и синія пятна („муравыця“). Оно коченѣетъ, дѣлаясь особенно твердымъ подъ ребрами. Дыханія не слышно съ полчаса, — вдругъ человекъ трижды вздохнетъ („тричи дыха, позихне, або хыкне“) и „на вики стышытця“, „задубіе“, „уста и очи склепляютця“. Съ послѣднимъ вздохомъ душа оставляетъ тѣло, какъ скинутую рубашку. Душа выходитъ изъ раскрытаго рта въ видѣ пара или дымка, подобнаго дыханію въ холодной комнатѣ, или сизаго, сиваго дымка, иногда вродѣ дымчатої ленты; иногда виднѣется слабое очертаніе мотылька, или золотого мотылька. Въ одномъ изъ записанныхъ мною мѣстныхъ рассказовъ душа вылетѣла изъ тѣла къ порогу уже въ этотъ моментъ въ видѣ мухи.

Такимъ образомъ смерть разсматривается народомъ какъ разъединеніе, разлученіе души и тѣла, а агонія происходитъ отъ нежеланія души на такое отдѣленіе. Два обстоятельства вліяють неблагоприятно на ходъ агоніи. Когда умирающаго потревожитъ слезами и крикомъ кто-нибудь изъ членовъ семейства. Въ такомъ случаѣ потревоженный будетъ мучиться, по словамъ однихъ, лишнія сутки, до момента, въ который его встревожили; по словамъ другихъ, гораздо дольше — до 3—4 дней. Вотъ почему семейство вообще стараются удалить отъ умирающаго, оставляя только жену или дочь. Присутствующимъ приказываютъ молчать, кричащихъ выталкивають. Другое обстоятельство, осложняющее агонію — переходъ. Человекъ

въ переходѣ даже передъ смертью вдругъ вскакиваетъ, машетъ руками, кричитъ, „посыніе якъ пупъ“. Изъ рта у него показывается пѣна. „Смерть воловою жовчю душу напува“ говоритъ при видѣ этой пѣны народъ. Для уничтоженія пѣны сжимаютъ мизинецъ правой ноги умирающаго съ минутой и подкладываютъ ему серпъ. При тяжкихъ страданіяхъ нужно снять умирающаго съ подушекъ и положить на солому или кожухъ. Въ крайности вертятъ сверломъ чиринь на печи, а при мученіяхъ вѣдьмы—срываютъ крайній сволокъ или сжигаютъ заслонку. Въ обыкновенныхъ случаяхъ умирающему также можно помочь звономъ „по сходъ души“.

√ По народнымъ понятіямъ душа, оставивъ тѣло, вьется по хатѣ, „шука мѣста якъ птыця гнизда“, пока не найдетъ себѣ мѣста на покути за образами. Здѣсь, по словамъ однихъ, она пребываетъ до выноса тѣла, сопровождаетъ послѣднее на кладбище и возвращается съ кладбища „до господы“; по словамъ другихъ, душа находится на покути 3, 9, или и всѣ 40 дней. На третій или на девятый день ангелъ, данный душѣ при крещеніи, ведетъ ее по 12-ти мытарствамъ—съ правой стороны. Съ лѣвой стороны идетъ нечистый. Во всякомъ случаѣ душа на сороконовый день ѣстъ канунъ, прощается со всѣми и улетаетъ ¹⁾). До сорока дней не слѣдуетъ мазать жилища, мочить бѣлья, мыкать мычки, чтобы не потревожить души.

Между тѣмъ оставленное душой тѣло осматриваютъ бабы. Если по изслѣдованію окажется, что подъ мышками нѣтъ движенія („не кыдаеця“), то бабы обмываютъ лице, руки и ноги мертвеца теплой водой, которую сливаютъ въ яму, на плетень, вообще въ такое мѣсто, гдѣ никто не ходитъ. Затѣмъ раздираютъ рубашку на мертвеца, и надѣваютъ черезъ голову чистую на выпускъ и штаны. Скинутое бѣлье и одежда, въ которыхъ былъ мертвецъ въ минуту смерти, принадлежатъ досмотрѣвшему этотъ моментъ и закрывшему глаза, если никто не досмотрѣлъ, то нищему. Лицо мертвеца подвязываютъ бѣлымъ платкомъ, чтобы ротъ держался закрытымъ, руки складываютъ на груди. Въ лѣвую руку даютъ крестъ со свѣчей. Мертвеца расчесываютъ. Въ рубашку продѣваютъ голубую или зеленую ленточку (стѣжку). Иногда надѣваютъ жилетъ и чемарку, повязываютъ синимъ или зеленымъ поясомъ. Справа прицѣпляютъ платокъ и въ немъ 1, 2 коп., иногда гривеникъ на покупку мѣста, говоря при этомъ: „на тоби серебро, а мени кыдай все свое добро“. По народнымъ вѣрованіямъ, если не положить этой монеты, то падеть скоть: „худоба пиде за хозяиномъ“. Необходимость снабдить этими деньгами мертвеца объясняютъ

¹⁾ Сходныя христіанскія понятія на Руси 16 и 17 вв. передаетъ Костомаровъ (Совр. 60 г., X, стр. 529) „на третій день по смерти ангелъ приводитъ душу къ Богу, затѣмъ ей показываютъ муки ада и блаженство рая. На 9 день — отдыхъ; душа слетаетъ въ домъ, а на 40 ангелъ приводитъ душу къ Богу и ей назначается мѣсто.“

и другимъ образомъ: ими уплачиваются долги, которыхъ не успѣлъ заплатить при жизни покойникъ. Ноги мертвеца обворачиваютъ тряпкой или намоткой и связываютъ ихъ, чтобы ровнѣе лежали, но эти пута снимаютъ при положеніи въ гробъ, такъ какъ покойнику нужно „дратца на гору“. Его кладутъ на скамьѣ головой на покутя, на которомъ простилаютъ кожухъ для того, чтобы душѣ было мягко. Этотъ кожухъ лежитъ на покути до девяти дней и опять кладется на сороковины. Руки покрываютъ намоткой; подъ него подстилаютъ полотно. Въ головахъ ставятъ свѣчу, воткнутую въ кувшинъ съ житою, также „щобъ добро марно не йшло за покойникомъ“. Въ с. Тишкахъ на грудь покойника ставятъ стаканъ воды „щобъ ёго не гнало“. Въ другихъ частяхъ Лубенскаго уѣзда воду въ стаканѣ и медъ ставятъ на окнѣ возлѣ покойника для обмыванія и поминанія души. Въ д. Пятигорцахъ воду помѣщаютъ на окно, чтобы предупредить пѣну и слюну („ричь“) у мертвеца. По народнымъ наблюденіямъ, если эта вода усыхаетъ, то въ хатѣ вновь кто-нибудь умретъ. Точно такъ же, если мертвецу нельзя закрыть глазъ и онъ продолжаетъ глядѣть. Горячій хлѣбъ разламываютъ и кладутъ на окнѣ, чтобъ горячій паръ дошелъ до покойника, а маленькіе пшеничные коржики съ медомъ и макомъ раздаютъ присутствующимъ. Такъ снаряжаютъ мужчинъ. Въ Тишковской и Черевковской волостяхъ парню вьютъ вѣнки, изъ которыхъ одинъ пришиваютъ къ груди или шапкѣ покойнаго, а другой отдають дѣвушкѣ, которая на томъ свѣтѣ должна быть женой покойнаго. Молодую жевщину одѣваютъ во все лучшее: въ сорочку безъ вырѣзовъ и безъ мережекъ, притомъ ручного приготовленія на веретенѣ, а не на прядкѣ; въ синюю плахту (синятку) зеленую или голубую запаску. Иногда теперь хоронятъ и въ сподницѣ. Женщину одѣваютъ въ корсетъ, на голову надѣвается очипокъ, только не заколотый иголкой „одъ зглазу“, какъ при жизни, а зашитый или завязанный лентой. Такъ же хоронятъ и старую женщину, только безъ плахты и кое гдѣ еще въ намоткѣ. Если женщину похоронятъ въ однихъ только запаскахъ, то ее и на томъ свѣтѣ заставятъ работать, „поставлятъ въ кочергахъ“, а если въ плахтѣ, то освободятъ отъ работы, какъ „празныкову, велыкодню“. По народному замѣчанію „дивку ховають найкраще“. Ее одѣваютъ въ плахту, запаску, рукава подвязываютъ маленькими ленточками, а станъ—рушникомъ, какъ у невѣсты. Ноги обуваютъ въ черевки, желтые сапоги или чулки. Косу расплетаютъ на стороны, замѣнивъ красные косныкы голубыми, снимаютъ красное намисто,—вообще избѣгаютъ всего краснаго,—изъ ушей вынимають серьги. Голову дивчины повязываютъ шелковымъ платкомъ, поверхъ котораго кладутъ цвѣты. Вѣнки изъ голубой ленты надѣты по обѣ стороны головы. Одинъ вѣнокъ откалываютъ и пришиваютъ къ груди парня. Въ Свѣтинской волости вѣнокъ

дается тому парню, который ухаживал за умершей на досвиткахъ. Въ с. Хитцахъ дѣвка предъ смертью успѣваетъ иногда и сама указать парня, которому отдать ея вѣнокъ. Тогда парень надѣваетъ ей, мертвой, кольцо на палецъ. По народному вѣрованію умершая дѣвушка во всякомъ случаѣ на томъ свѣтѣ будетъ парой этому парню. Въ с. Волчкѣ кромѣ вѣнка парню дается еще платокъ, а въ Хорошкахъ всѣмъ парнямъ раздаютъ косники и хустки, какъ боярамъ. Мать причитаетъ надъ дочерью: „На що ты мени таку смутну свадьбу зробыла?“ Особенность похороннаго наряда дѣтей, умершихъ до году, состоитъ въ томъ, что ихъ подвязываютъ „крыж-момъ“, — полотномъ, подареннымъ крестной матерью при крещеніи. Наряженнаго мертвеца кладутъ на лаву, подкладывая подъ него въ сс. Тиш-кахъ и Хорошкахъ серпъ, думая предупредить истечения. Къ мертвецу не прикасаются красящія какія-нибудь ткани и садовники. Какъ только раз-носится извѣстіе о смерти какого-нибудь лица, весь кутокъ приостанавли-ваетъ работу и сосѣди идутъ дѣлать гробъ ¹⁾. Отказываться отъ приго-товленія гроба не принято. Мертвое тѣло предварительно измѣряютъ оче-ретяной ²⁾. За изготовленіе гроба работающіе ничего не получаютъ, а только участвуютъ въ похоронномъ обѣдѣ (ужинѣ). Гробъ известной формы (гор-батый) въ употребленіи у зажиточныхъ, бѣднякамъ служитъ обыкновенный ящикъ. Гробъ обиваютъ внутри тонкой рубашкой или дешевымъ сортомъ кисеи (намиткой). Эта обивка и доски готовятся заранѣе; самые же гроба и могильные кресты заживо готовятъ теперь себѣ старики го-раздо рѣже, чѣмъ прежде, хотя въ народѣ и есть замѣчаніе, что заживо приготовленный гробъ содѣйствуетъ долголѣтію. Когда гробъ пригото-вленъ, присутствующіе прощаются съ умершимъ, цѣлуя его въ лобъ и руку и приговаривая: „прощай насъ и на симъ и на тимъ свити“. Сыновья кла-дутъ въ гробъ родителей, или по крайней мѣрѣ поддерживаютъ ихъ го-ловы. Но родители не кладутъ въ гробъ ни взрослыхъ, ни маленькихъ своихъ дѣтей. Послѣднихъ кладутъ сосѣди, сидящіе обыкновенно у мерт-ваго тѣла въ ожиданіи гроба. Дѣтей кладутъ въ гробъ женщины, а ново-рожденнаго — повитуха. Въ головы покойнику подкладываютъ подушку изъ намитки, сшитую только съ трехъ сторонъ, набитую сѣномъ и ароматиче-скими травами: полынемъ, мятой, любысткомъ, чепчыкомъ. Дѣвку обклады-ваютъ живыми цвѣтами: васильками, гвоздикой и георгиной („жоржыною, сержыною“). Въ с. Хорошкахъ дѣтямъ нашиваютъ цвѣты на подушки. Парубку и дѣвкѣ примѣшиваютъ къ травамъ и хмѣль, — по Удаю. Пер-вому кладутъ въ гробъ шапку и всѣмъ вообще образа, женатымъ — благо-словенные. Въ м. Снѣтинѣ и Лукомьи гробъ покрываютъ чернымъ сукномъ.

¹⁾ Гробъ — труна, домовыня, довомыня, доломыня.

²⁾ Отсюда проклятіе: шобъ тебе очеретяною змиряли!

Гробъ выносятъ ногами впередъ ¹⁾. Предъ выносомъ тѣла дѣти становятся вокругъ гроба или на скамьѣ, держа въ рукахъ особыя свѣчки—„прovidнычки“,—которыя трижды притушиваютъ, а остатокъ прилѣпляютъ въ среднѣ гроба. На дворѣ гробъ ставятъ на мары. Въ с. Волчкѣ гробъ и крышку его („вико“), когда умретъ дѣвица, несутъ ея подруги, въ другихъ частяхъ уѣзда—парни. Они же несутъ и хоругви, къ которымъ привѣшены ленты. По выносѣ тѣла избу выметають и убирають, постель мертвеца выносятъ въ сарай. Затѣмъ одна изъ женщинъ возвращается и разсыпаетъ въ хатѣ жито, а другія, входя, приговариваютъ: „добрѣ-вечирь! помогай би вамъ!“—хотя бы въ избѣ никого не было. Въ сѣняхъ, на огородѣ и по двору также посыпають рожью для того, чтобы остающимся „Богъ давъ жыття“. Ворота завязываютъ краснымъ поясомъ. Когда проносятъ мертвеца мимо какого-нибудь дома, необходимо притворить окна и двери. Глядѣтъ на мертвое тѣло изъ окна, даже сквозь плетень нельзя—у смотрящаго можетъ образоваться наростъ. Нужно уклоняться отъ встрѣчи съ мертвецомъ. Гробъ опускають въ могилу на полотнѣ. Бѣдняки берутъ церковный холстъ или рушники. Иногда опускають въ могилу и на веревкахъ. Священникъ первый трижды бросаетъ землю, затѣмъ женщины. Отецъ и мать бросаютъ по три горсти земли на гробъ дѣтей, „шобъ скорѣйше забыть, шобъ не такъ сердце тошнылось“. Въ яму бросаютъ и теперь еще мелкія деньги. Въ с. Хорошкахъ и Шекахъ если гробъ попадаетъ случайно въ старую могилу, то раньше погребенному мертвецу сплачиваютъ 2—3 коп., т. е. бросаютъ ихъ въ яму. Теперь уже водку въ гробы не ставятъ, но въ старыхъ могилахъ находятъ 1—2 бутылки водки „такой гарной, шо ажъ пожовкла“. Несущіе гробъ и копачи получаютъ хустки, которыя привязываются къ хоругвямъ, крестамъ и марамъ; псаломщикъ—платки и свѣчи. Плата священнику бываетъ различна, 2—3 рубля, когда гробъ заносятъ въ церковь и 1—50 коп., если не заносятъ. За похороны дѣтей платится отъ 30—50 коп. ²⁾ Надъ могилой ставится крестъ, къ которому привѣшиваютъ хустку (прапоръ) и рушникъ для того, чтобы покойнику было чѣмъ утираться. Въ Сибѣтинѣ хустки вѣшаютъ только надъ козаками. Никто никогда не трогаетъ этихъ хустокъ, между прочимъ и потому, что мертвецъ можетъ прійти за нею. Возвратившимся съ кладбища копачамъ сливають на руки передъ порогомъ, а вообще всѣ возвратившіеся берутся за печь, засматриваютъ въ нее и иногда приговариваютъ: „хай тараканы та стоногы мрутъ“. Затѣмъ хозяева курятъ ладаномъ и приглашаютъ къ обѣду. Обѣдъ, называемый „горячимъ“ состоитъ изъ борща

¹⁾ Тогда какъ дѣтей принято всегда вносить со двора въ хату головой впередъ.

²⁾ Вообще издержки на похороны отъ 6—20 рублей.

или капусты съ курицей, въ постные дни съ рыбой, также изъ локшины, иногда галушекъ. Предъ обѣдомъ ѣдятъ канунъ и пьютъ водку, приговаривая: „царство небесне, вишний покой новопреставленій душечца“. Хлѣбъ, приготовленный къ горячему обѣду, рѣжутъ по кускамъ и раздаютъ присутствующимъ или вмѣсто него по маленькой булочкѣ. Этотъ хлѣбъ и булки присутствующіе уносятъ съ собой и засушиваютъ. Послѣ обѣда мужчины расходятся, а бабы остаются въ числѣ 3—15. Въ свое время имъ предлагается ужинъ, состоящій изъ колбасъ, блиновъ и картофеля. Послѣ ужина бабы, перекрестившись, садятся за столомъ „надъ кануномъ“. Хозяйка ставитъ среди стола миску съ разведеннымъ мѣдомъ (канунъ), въ который бросаютъ иногда три крошки (часточки). Возлѣ кануна ставятъ хлѣбъ и водку; кладутъ также ложку, которою ѣлъ покойникъ. Часть кануна въ стаканѣ ставятъ на окнѣ. Въ с. Хитцахъ скамья подлѣ окна оставляется свободной для помѣщенія родителей и предковъ, появляющихся съ того свѣта къ кануну. На покути простилаютъ рушникъ и кладутъ паланицу, а въ с. Волчкѣ ставятъ чарку водки. Въ Хитцахъ простилаютъ еще на покути кожухъ шестью вверхъ для того, чтобы душѣ было гдѣ отдыхать. Женщины сидятъ всю ночь надъ кануномъ, поджидая душу, курятъ ладаномъ, говорятъ благочестивыя рѣчи¹⁾. Спать въ это время грѣшно. Въ полночь свѣча затуманится и душа въ образѣ мухи слетаетъ къ кануну. „Сама бачыла“, рассказывала старуха изъ сел. Кононовки „надъ кануномъ малисиньку мушку зимнѣи добы. Полита, полита и сяде на божныци. Така тоща, тилько шо лазыть“. Лѣтомъ иногда муха гудеть (джыжчыть) надъ кануномъ. „На кануни“, рассказывала молодыця сел. Великой Селепкой, „гомонимо, гомонимо, а потимъ ущуліемо. Дывымось, ажъ надъ мыскою такъ якъ туманъ стане и бжола, або мушка, прыпада. То мы одсунемо кватырку, выпустимо бжолу“. Въ д. Пятигорцахъ старуха видѣла душу въ видѣ маленькаго, бѣлаго мотылька, летавшаго надъ кануномъ. По словамъ женщины с. Губскаго „въ осени надъ тиломъ дытыны литавъ золотый метелькъ. Та сивъ надъ медомъ на краечку та одно пье, одно пье. Не вглядилы де й дивсь“. Когда муха или другое насѣкомое появится надъ кануномъ, сидящія за столомъ женщины говорятъ: „дывитця, дывитця, якъ душечка прылетила до мыскы. Хочь душу побачымо, колы нема покойного, бо зъ роду, зъ давнихъ давенъ стари люды говорятъ, шо то душа“. Если сидѣтъ съ набожными мыслями, то кромѣ насѣкомыхъ, видимыхъ надъ кануномъ, на стѣнѣ бывають еще замѣтны мимолетныя тѣни куколъ. Вотъ какъ это бываетъ. „У моеи сусиды“, рассказывалъ крестьянинъ м. Снѣтина

¹⁾ Въ сборникѣ Чуб. (т. 4, стр. 706) замѣчено, что обычай сидѣтъ надъ кануномъ и стеречь душу существуетъ будто бы только въ Переяславскомъ уѣздѣ, а между тѣмъ обычай этотъ повсемѣстенъ и въ Лубенскомъ уѣздѣ.

Николай Ивахненко, „умерла дочка Олена. Поховалы ййи, зібралысь сусиды: дви старухы и два старыка. Воны сидылы, покы схотилось спать. Сусиды и старыкы послулы, а маты сидыть коло грубки. Колы такъ якъ ошивночи, дывытця, идуть по покутній стини тини якъ куклы. На викни стоявъ канунъ. Уси души, шо въ тій хати померлы, прыходылы до кануна. То йихъ прыводыла померла душа Олены. Дійшылы ти души до покутя, нестало выдно ничого. Колы се черезъ время упять идуть одъ покутя до порога. Тинь: не выдно чи жинкы, чи чоловикы“. По разсказу молодежи м. Свѣтина Анны Гетьмановой, „по стини лялька за лялькою идуть ажъ до столу и сидають коло кануну. Посыдылы, посыдылы—вылазять и идуть соби впять изъ хаты по стини“. Иногда бывають видимы и самыя покойники, не только тѣни ихъ. „Я бачыла у шисть недиль тинь у два викна за хатою. Покойный Юхимъ прыйшовъ у билій сороцци“—разсказывала старая козачка с. Литвяковъ Графына Супрунова. Покойника поминають обѣдомъ и кануномъ на третій (третины), девятый (девятины), сороковый (сороковины) день послѣ кончины и въ годовой срокъ (годовины). Кроме того, есть еще общіе поминальные дни „поминальницы“—четыре осеннихъ субботы: Кузьмина, Лучына, Дмитрова и Михайлова, когда дается 3—5 коп. на часточку священнику и въ память умершихъ не выполняютъ нѣкоторыхъ работъ: не прядуть, не мажутъ и не метуть хать. На проводной понедѣльникъ ¹⁾ бываетъ панихида и обѣдъ на гробкахъ, во вторникъ женщины поминають „дядынъ“, обѣдають, пьютъ водку, приговаривая: „царство небесне дядькамъ, дядынамъ и всимъ предкамъ“. Въ честь покойниковъ соблюдаются еще въ Лубенскомъ уѣздѣ слѣдующія обыкновения: накануне Рождества имъ оставляется вечеря и канунъ; накануне Свѣтлаго праздника оставляется булка и селедка на столѣ. На самый свѣтлый праздникъ оставляють для мертвыхъ пасху съ рушниками, саломъ, яйцами и колбасой. Такую пасху называютъ тайной и чаще готовятъ въ семействахъ, гдѣ были самоубійцы. На такъ называемый „русальчынъ великдень“, т. е. въ четвергъ на троїцкихъ праздникахъ женщины, терявшія некрещенныхъ дѣтей, собирають у себя и угощаютъ всѣхъ дѣтей околodka (кутка). Трауръ по покойникамъ заключается въ слѣдующемъ: въ случаѣ смерти матери дочь въ теченіе года не поетъ, не танцуетъ, избѣгаетъ собраній и гульбищъ. Не носить также красныхъ лентъ, поясовъ, серегъ, даже на свадьбѣ вѣнокъ сиротки голубой или зеленой. Тотъ же трауръ соблюдается по смерти отца, но ходить „межъ челядь“ можно. Мать и отецъ по смерти дитяти не должны ѣсть вишенъ до Петра и Павла и яблокъ—до Спаса. Этими обыкновениями исчерпываются почитанія покойныхъ. Всякія

¹⁾ А не во вторникъ, какъ сказано у Чуб. (т. IV, стр. 711).

другія оплакиванія, кромѣ обрядовой причеты, запрещаются, какъ видно изъ слѣдующихъ повѣрій и разсказовъ.

1. Одна женщина часто ходила на кладбище въ неурочное время и тамъ тужила. Пришла какъ-то въ сумерки, видитъ—черная собака лежитъ на другой могилѣ. Испугалась молодица, „стало їй темно“. Пришла домой и три недѣли пролежала.

2. Если мать плачетъ по дитяти, то оно будетъ лежать въ водѣ.

3. Покойная мать чуть не разорвала дочь, которая ее оплакивала, спасла послѣднюю покойная мать.

4. Женщина с. Волчка никогда не оплакивала дочь, а только каждый Свѣтлый праздникъ приходила христосоваться къ могилѣ. Дочь отзывалась изъ гроба. Но разъ мать пожалѣла о дочери въ такихъ выраженіяхъ ¹⁾ „оцебъ уже и въ мене така дочка, що замижъ отдавать“. Когда затѣмъ она пошла къ могилѣ христосоваться, то отвѣта не послѣдовало. Кладбища (кладовыща, гробки) въ Лубенскомъ уѣздѣ расположены вблизи селъ и засажены кленомъ, липой, вишнями, яблонями, сиренью и калиной. „Ваши стежки калыною позаросталы“—обращается къ покойникамъ мѣстная причеть.

II. Замѣтка о погребальныхъ обыкновеніяхъ.

Въ погребальномъ обрядѣ Лубенскаго уѣзда останавливаются на себѣ вниманіе слѣдующія обыкновенія: 1) помѣщеніе воды въ стаканѣ и горячаго хлѣба на окнѣ возлѣ покойника, тотчасъ послѣ его смерти, приго-

¹⁾ Въ Таврической губ. на Пасху ходятъ на могилы, христосуются и оставляютъ красныя яйца. Вѣрятъ, что мертвецы отвѣчаютъ: вонистину воскресь! (Нов. Время 17 апр. 94 г. № 6514, стр. 3).

Примѣчаніе. Необходимо для полноты очерка сказать еще вкратцѣ объ особыхъ смертныхъ случаяхъ:

1. Некрещенное дитя—русалку, слѣдуетъ хоронить подъ плодовымъ (родячимъ) деревомъ, подъ вербой, или подъ верхомъ въ сѣняхъ. Мать покупаетъ сорокъ крестиковъ и раздаетъ дѣтямъ. Невременный ребенокъ закапывается подъ порогомъ.

2. Душа родильницы, до шести недѣль послѣ родовъ умершей, идетъ въ рай. Если умерла въ родахъ, не успѣвъ разрѣшиться отъ бремени, то ходитъ на томъ свѣтѣ на Осіанскую гору родить. (По повѣрью, приведенному въ Кіев. Стар. 90 г., 8, стр. 320, гробъ породили открыть за 6 недѣль до родовъ).

3. Душа убитаго громомъ идетъ въ царство небесное.

4. Родители, проклинающіе дѣтей, идутъ и сами въ адъ и ведутъ туда же проклятыхъ дѣтей. Тѣло проклятаго не принимаетъ земля. „Въ Снитини батько и мати проклинали сына: „хай тебе земля не прийма!“ Умеръ винъ. Якъ стали лгъ у сорока позъ ёго другого класты, такъ зачепили труны. Нова труна—шо за знакъ? Вытягли, одкрыли: лежить тило, мовъ учора положене. Пишли сказали священнику, винъ подывивсь, а потимъ у кыгу, де записують померши души. Звеливъ позвать батька и матирь, каже: „простить свое чадо! ударьте двонацять поклонивъ передъ тимъ гробомъ“ Вони ударили, помолылись, а якъ оглянулись, то тильки попилецъ изъ тила, а изъ домовныи—пороханъ“.

товленіе меда (кануна) и обѣда въ честь усопшаго; 2) помѣщеніе денегъ и вещей въ гробъ и могилы; 3) похороны парня и дѣвушки въ нарядѣ жениха и невѣсты; 4) запираніе воротъ, оконъ и дверей дома по выносѣ тѣла; 5) очищенія послѣ погребенія и 6) изображенія души.

Эти обыкновенія уясняются сравненіемъ съ погребальными обычаями другихъ народовъ.

1. По объясненію Спенсера, человекъ на первыхъ ступеняхъ умственнаго развитія, встрѣчаясь со смертію, не различаетъ еще ее отъ временной пріостановки сознанія (обморока, каталепсиса), почему и старается удовлетворить продолжающимся потребностямъ умершаго, особенно главнѣйшей—питанію, тѣмъ болѣе, что при столбнякѣ, на примѣръ, человекъ иногда проглатываетъ пищу. Поэтому папуасы въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ смерти заставляютъ своихъ умершихъ ѣсть, впихая имъ въ ротъ пищу. У таитянъ къ знатному покойнику тотчасъ приставляется жрецъ для поднесенія ему пищи (Основ. Соц. Спенс. Спт. 76 г., т. 1, стр. 322—329). Пермяки обкладываютъ пельменями покойника (Вѣст. Евр. 89 г., 7, стр. 55). Черемисы кладутъ ему за пазуху блины и яйца (Прав. Благовѣстн., мисс. журналъ 93 г., май, кн. 1, стр. 34). У древнихъ славянъ для души ставили хлѣбъ, воду, соль и бѣлое полотенце (Котляр. Погреб. об. Слав. Плир. 91 г., III, стр. 210, 255). Въ Россіи 16 и 17 вв., какъ только человекъ испускалъ дыханіе, тотчасъ же ему ставили чашу съ святой водой и миску съ мукой или кашей (Кост. Очер. жизни велик. нар. Совр. 60 г., X, стр. 525). Въ Подольской губ. и теперь послѣ выноса тѣла ставятъ на столъ или на окошко стаканъ съ водой, свѣчу и хлѣбъ, а обѣдъ составляется изъ блюдъ, которыя любилъ покойникъ, потому что на этомъ обѣдѣ „годуютъ его душу“ (Быть Подол. Шейк. Кіевъ, 60 г., в. 2, стр. 32, 34). На правомъ берегу Днѣпра ставится только вода, въ Харьковской губ. воду и медъ оставляютъ до шести недѣль (Чуб. 4, стр. 699, Кіев. Стар. 90 г. № 8, стр. 318). Заботы о питаніи мертвеца не исчерпываются этими обыкновеніями: пищу ему заготовляютъ и на долѣе. У осетинъ еженедѣльно по пятницамъ вдова покойника ходитъ на могилу мужа, взявъ съ собою кушанья и напитки (Ковал. совр. обыч. и др. законъ 86 г., стр. 81). У конго покойнику ежемѣсячно отправляютъ запасы пищи въ отверстіе могилы. Въ Америкѣ, Африкѣ, Индіи дикари приносятъ на могилы мясо, плоды, воду; чуваша кладутъ на могилу, кромѣ припасовъ, и салфетку обтирать ротъ мертвецамъ. Въ Африкѣ на могилу льютъ воду и кровь. Карибы ставятъ на гробницу воду и съѣстные припасы (Спенс., стр. 171—174, Тэйл. стр. 107—113). У шаманистовъ Азіи въ могилу съ покойникомъ кладется пища, а на сосѣднихъ съ могилой деревьяхъ развѣшиваютъ чайникъ и бутылку съ виномъ (Прав. Благ. 93 г.). Въ Японіи и Китаѣ предла-

гаются мертвецамъ рисъ, вареный въ молокъ, медъ и масло (Тэйл., стр. 180—187). Также въ древней Индіи (Мэнъ Др. Право. Спт. 73 г., стр. 151) и въ древнемъ Египтѣ, гдѣ мертвому ставили цвѣты, фрукты, пирожки, хлѣбъ, гусей, антилопъ (Погреб. об. Египт. К. Герцъ. От. Зап., стр. 415) и древней Греціи, въ которой на могилы приносили каравай, плоды, соль. Эту пищу зарывали въ отверстіе могилы, молоко, вино, кровь разливали на могилѣ же, а часть пищи оставляли въ сосудахъ (Древ. Общ. Ф. де Куланжъ. Спт. 67 г., стр. 16 и 17). При раскопкѣ древлянскихъ кургановъ возлѣ скелетовъ найдены кости барана, свиньи, быка и лошади, черепки глиняныхъ сосудовъ, чаша (Кіев. Стар. 93 г., 8, стр. 319—320). По весьма распространенному вѣрованію покойники принимали участіе въ похоронномъ обѣдѣ. Еще древніе перуанцы держались такого убѣжденія (Спенс., стр. 171, 174). Шаманисты и теперь въ день поминокъ приглашаютъ умершаго на пиръ, парятъ его въ банѣ, т. е. ударяютъ вѣникомъ по пустой полкѣ и затѣмъ ставятъ ему кушанье. У чувашей при поминкахъ на краю стола ставится чашка съ числомъ прикрѣпленныхъ къ ней свѣчей, равнымъ количеству умершихъ родныхъ. Пиво выливаютъ на могилу умершихъ (Пр. Благ. 94 г., V и VI, стр. 36 и 264). На осетинскихъ поминкахъ одежду и оружіе умершаго надѣваютъ на двѣ скрещенныя палки и предъ такимъ изображеніемъ ставятъ кашу и араку (Ковал. Совр. об. стр. 81—87). Въ Бѣлоруссіи по окончаніи пира въ честь усопшихъ имъ оставляется водка и часть кушанья, а въ Олонецкой губ. покойниковъ встрѣчаютъ на крыльцѣ, приглашаютъ погрѣться на печи. Послѣ пиршества спускаютъ изъ окна холстъ для того, чтобы души удалились (Генерозовъ. Рус. народ. предст. о загр. жизни, стр. 22 и 23. Кавелинъ. Соч., ч. 3, стр. 132). Изъ обычая приносить пищу мертвымъ, по мнѣнію Спенсера, развились впоследствии жертвоприношенія.

2. Не только пища, но и вся вообще обстановка дѣйствительности переносилась за гробъ древними, также современными дикими племенами. Такъ алгонкинцы, ирокезы, фиджійцы, австралийцы, тасманійцы и гренландцы хоронятъ мужчинъ съ оружіемъ, женщинъ съ утварью (Спенс., стр. 63, 65, 66). Шаманисты, черемисы, гиляки кладутъ въ могилы оружіе, трубки, бѣлье, одежду, постели, посуду (Прав. Благ., 93 г., IV, стр. 21, V, стр. 34, 94 г., VIII, стр. 374). У древнихъ египтянъ за покойникомъ несли кинжалъ, сандалии, вѣеръ, мебель. Въ саркофагъ клали инструменты, оружіе, вещи, любимыя покойникомъ (Герцъ, стр. 415, 417, 419 и 420). У древнихъ грековъ также закапывались съ покойникомъ одежды и оружіе (Ф. де Кул., стр. 12). У древнихъ славянъ клались въ могилу одежда и золотые обручи, оружіе, утварь, женщинамъ—игла съ ниткой. При раскопкахъ кургановъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, вмѣстѣ съ остатками че-

ловѣка найдены разные сосуды, орудія производства, вѣсы, игральныя кости, гребни; различныя украшенія: жгуты, подвѣски, вѣнки, браслеты; конскіе уборы: уздечки, удила, стремяна, разное оружіе (Кіев. Стар. 93 г., VIII, стр. 319, 320, 94 г., VI, стр. 552, 555, 556 и 95 г., стр. 23, 25—28. Соч. Кавел., ч. 3, стр. 58). Животныя также слѣдуютъ за своими господами: эскимосы и ацтеки убиваютъ на могилѣ собакъ, индійцы и буряты—лошадей, арабы—верблюдовъ; древніе греки—собакъ и лошадей, древніе славяне—последнихъ. Съ конетаблемъ дю-Гескленемъ въ 17 и Фридрихомъ Казимиромъ въ 18 в. погребены ихъ лошади (Спенс., стр. 51 и 52, Ф. де-Кул., 12 и Котл., стр. 61). Такъ какъ рабы признавались объектами права, то и они убивались на гробѣ владѣльца (Спенс., 40, Ф. де-Кул., 12, Котл. 61). Монеты кладутъ въ руки или ротъ мертвецу у черемисовъ, эстовъ, нѣмецкихъ и ирландскихъ славянъ, у древнихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи (Спенс. стр. 65, 66, 70, Котл. 152, Генер. 35, Прав. Благ. V, стр. 34). Такія выраженія какъ мѣстное: „возьмы серебро, а мени кыдай свое добро“ и опасеніе, что скотъ раздѣлитъ судьбу хозяина, если последнему не положить въ гробъ денегъ,—указываютъ на позднѣйшую замѣну деньгами раньше убиваемыхъ животныхъ.

3. Изъ стремленія удовлетворить инстинкту прокреаціи вытекаетъ убійство жены на могилѣ мужа, съ теченіемъ времени перешедшее въ пожертвованіе женой части своего существа вмѣсто цѣлаго и затѣмъ въ обрядъ. Такъ у никобарскихъ островитянъ при погребеніи мужа отсѣкаютъ палецъ женѣ. Вдова покойнаго осетина отрѣзываетъ себѣ косу и кладетъ ее на грудь мужа. У племени кваксольтъ вдова кладетъ голову на костеръ мужа. По ученію браминовъ вдова должна только лечь на костеръ мужа, а въ пѣснѣ о Нибелунгахъ Брингильда ложится на костеръ возлѣ Сигурда. (Спенс. 40, Ковал. стр. 81—87). Воспоминаніемъ о смерти женъ вмѣстѣ съ мужьями представляются и боязнь болгарскихъ дѣвицъ выходить за вдовца, такъ какъ его отыметъ первая жена и многочисленныя народныя пѣсни и сказки объ уводѣ мертвецомъ за собою женъ и дѣтей (Котляр., 236, 237) и наконецъ обращенія къ покойнику жены въ мѣстной причеті: „Ой прыймай, прыгортай мене до себе!“ „Иды по-пидъ горою, тай беры мене изъ собою!“ Или восклицанія дочери: „якои вы, татусю, темной ночи прыбувалы, що въ насъ матинку одибралы?“ Для удовлетворенія тому же инстинкту прокреаціи умиравшихъ холостыми женили. Такимъ образомъ объяснялъ Котляревскій извѣстія арабскаго путешественника Ибнъ-Фоцлана о похоронахъ русскаго купца, на которыхъ удавили дѣвушку и бросили на корабль (стр. 227). Интересно погребеніе дѣвушки у черемисъ. Въ гробъ ей кладутъ женскій головной уборъ, чтобы было что надѣть при выходѣ замужъ. Провожаютъ съ колокольчиками и украшенной сбруей,

какъ на свадьбѣ (Прав. Благ., V, кн. 1, стр. 34). У сербовъ и теперь дѣвица играетъ роль невѣсты при смерти парня. Въ Подольской губ. похороны парня называютъ вессильемъ, употребляютъ квитки, вѣнки и платки, а умершей дѣвушкѣ назначается женихъ, который считается потомъ вдовцомъ и зятемъ родителей дѣвушки. Во многихъ частяхъ Малороссіи къ похоронному шествію за дѣвицей присоединяются старосты, бояре, дружка. Имъ раздають подарки, а дѣвицу одѣвають какъ невѣсту (Чуб., т. 4, стр. 709). Такія же обыкновенія существуютъ и въ Лубенскомъ уѣздѣ. Отраженіемъ древняго міросозерцанія служитъ, между прочимъ, и слѣдующая народная пѣсня:

... У неділю рано въ уся дзвоны дзвонять.
 Ой слухайте, мамо, чы не по козакови?
 Якъ по козакови, той мене наряжайте.
 Мене наряжайте, разомъ поховайте!
 Тай выкопайте, матинко, глыбокую яму,
 Тай положите, матинко, якъ рыбоньку вьялу.
 Тай высыпте, матинко, високу могылу,
 Тай посадите, матинко, червону калыну,
 Щобъ люды сказаны, що козакъ и дивчына.
 Тай поставте, матинко, хресты золотіи,
 Щобъ люды сказаны, що лежать молодіи.
 Тай покладите, матинко, до купы головами,
 Щобъ мы на тимъ свити розмовоньку малы.

Варианты этой пѣсни: въ Зап. о Южной Руси, т. 2, стр. 239—240 и у Чуб., т. V, № 727, стр. 372.

4. У многихъ народовъ встрѣчается символическое очищеніе послѣ похоронъ, происшедшее вѣроятно изъ необходимости дѣйствительной очистки. Навайосы послѣ похоронъ очищаются водой, освященной для этой цѣли. На Мадагаскарѣкупаются и очищаютъ одежду. У грековъ около двери дома, въ которомъ находился покойникъ, ставился сосудъ съ водою. Римляне кропили себя водой, возвращаясь съ похоронъ. У южныхъ славянъ возвращающихся съ похоронъ встрѣчаетъ старуха съ горячими угольями, на нихъ сливають воду и этой водой умываются. Въ Великороссіи и Малороссіи, прійдя съ похоронъ, берутся за печь (Тэйл. стр. 467 и 472, Котляр. 253, Шейк. стр. 318).

5. Боязнь смерти и мертвецовъ, косвенно высказывающаяся въ приведенныхъ очистительныхъ обрядахъ, порождаетъ еще слѣдующія обыкновенія у разныхъ народовъ: выносъ тѣла не черезъ дверь, а черезъ окно или особый проломъ въ стѣнѣ, извѣстный у нашихъ предковъ, также въ Италіи, Азійи и Африкѣ имѣетъ своимъ основаніемъ страхъ, что покойникъ,

вынесенный обыкновеннымъ путемъ, возвратится и потянетъ за собою живыхъ,—какъ разъяснилъ профессоръ Анучинъ (за неимѣніемъ подъ рукой соч. „Сани, ладыя и конь въ похор. обрядѣ“, цитир. по ст. Эльпе въ Нов. Врем. 3 ноября, 94 г., № 6711). Австралийцы и негры выгоняютъ покойниковъ криками и маханіемъ оружія. Чуваши бросаютъ въ слѣдъ ему раекаленный камень (Тэйл. 105, 106). Шаманисты мчатся съ кладбища, похоронивъ покойника (Пр. Благ. X, стр. 60). Негры накладываютъ колючихъ вѣтокъ по дорогѣ отъ кладбища въ деревню, чтобы не допустить въ послѣднюю злая души (Спен., 187), а сѣверо-американскіе индійцы ставятъ сѣти вокругъ дома, чтобы поймать душу сосѣда (Тэйл., 34). Анторы приваливаютъ души камнемъ, а черемисы гвоздями или коломъ (Тэйл. 105, 106). Въ старомъ Калабарѣ домъ, въ которомъ умеръ отецъ, оставляется семействомъ на два года, у готентотовъ и якутовъ—навсегда, а карены оставляютъ цѣлыя села (Тэйл. 105, 106). Извѣстны общечеловѣческія вѣрованія о вредѣ, производимомъ умершими. Напримѣръ въ 1700 г. духъ крестьянина на островѣ Миконѣ производилъ безпорядки въ домахъ, задувая огни (Тэйл., 250—252), а умершій Бетеротъ разгонялъ людей, избивалъ стада и людей (Спенс., стр. 466, изъ Эйбриджской саги). Къ числу предохранительныхъ мѣръ противъ мертвецовъ принадлежатъ слѣдующія мѣстныя обыкновенія: запрещеніе смотрѣть на мертвеца въ окно, замыканіе оконъ и дверей и завязываніе воротъ поясомъ.

6. Къ вещественному пониманію души относятся также представленія ея въ видѣ пара, дыма, вѣтра, изображенія самаго же человѣка въ уменьшенномъ размѣрѣ или въ видѣ бабочки, мотылька, птицы (Тэйл. стр. 12 13, Котляр. 193, Генероз. 8). Приписывая душѣ извѣстную матеріализацію, ирокезы дѣлаютъ въ гробу отверстіе для выхода души, китайцы, славяне—такое же отверстіе въ потолокъ (Тэйл. 34, Котл. 209). Негры Конго не метутъ комнаты мертвеца, чтобы не потревожить его души, а померанцы и мазуры кладутъ солому для отдыха души (Тэйл. 105, Кот. 229). Тирольскіе крестьяне представляютъ себѣ душу, какъ и малороссіяне, въ видѣ бѣлаго пара, а по средневѣковому представленію душа человѣка выходитъ изъ рта умирающаго, какъ уменьшенное изображеніе самаго же человѣка (Тэйл. 15, Спенс. 191). Муху же, жужжащую надъ кануномъ, напоминаетъ изображеніе изъ Вавилонской легенды о потопѣ Газизадры, приводимое Спенсеромъ (стр. 360) „боги слетѣлись на жертву точно мухи“.

Похоронный плачь.

Возникновеніе и развитіе общечеловѣческаго обыкновенія надгробныхъ причитаній объясняется Спенсеромъ въ такомъ смыслѣ, что первобытный умъ, не понимая еще рокового, безповоротнаго значенія смерти и

отожествляя ее съ безчувственными состояніями: сномъ, обморокомъ, ката-
лепсіей,—старается прежде всего оживить трупъ побоями, уколами, уси-
ленными призывами умершаго,—что и дѣйствительно удается иногда при
временномъ безчувственномъ состояніи. У фиджійцевъ и самъ человекъ,
чувствуя приступы болѣзни и боясь, что душа улетитъ, громко взываетъ
къ послѣдней, убѣждая ее вернуться. Фангій и карибы обращаются къ
умершему съ вопросами: за что онъ ихъ оставляетъ? Въ Калифорніи, у
обитателей С. Сальвадора, въ Таити, у мандинговъ—говорятъ похвальное
слово умершему, а барды воспѣваютъ ему элегическія баллады. Малагезцы
просятъ окрестныхъ мертвецовъ ласковаго пріема ихъ родственнику (Герб.
Спенс. Основ. социал., стр. 163, 164, 249, 290). Обращаясь къ малорусской
похоронной причетѣ, мы различаемъ въ ней: громкое воззваніе къ умер-
шему, безпрестанно повторяющееся и соединенное для усиленія дѣйствія
съ нѣжными выраженіями и краткими восхваленіями умершаго. Напримѣръ:
мій таточку, солоеечку, лебедочку! Стороже прехорошый, хозяине преве-
лыкый! Моя матинко! моя й правдонько, покровонько! Моя донечко! моя й
вышенько, черешенько, макичко, павочко! и т. д. Въ обращеніи къ умершему
заключаются также разспросы о причинѣ удаленія его изъ круга семьи и род-
ныхъ, упреки и укоризны въ такомъ родѣ: на кого вы гнивь великый положи-
лы? На кого мене кыдаете? и просьба къ предкамъ о благосклонномъ пріемѣ
скончавшагося: „стричайте, родытели, мого татуса ридненького“. Мертвый
приглашается также очнуться и возвратиться. Такимъ образомъ малорусское
погребальное причитаніе хранитъ еще въ себѣ почти всѣ черты первобыт-
наго обращенія къ умершему съ цѣлью громкими призывами, соединенными
съ моральнымъ воздѣйствіемъ побудить покойнаго возвратиться къ остав-
ляемому роду или семейству ¹⁾). Но кромѣ общечеловѣческаго содержанія,
въ малорусской причетѣ заключаются еще картины мѣстной природы и
подробности быта, да и печаль ея—украинская.

1.

Мій таточку, мій риднесенькый!
Мій таточку, мій старесенькый!
На що-жь вы насъ кыдаете?
Кому вы насъ уручаєте?
Чы вы дубови сухому,
Чы вы батенькови чужому?
Чы холодній стини,

¹⁾ Надгробная пѣснь индійскаго племени Го, приведенная у Тейлора (Первоб. культ.
ч. II, стр. 109) по содержанію и частностямъ почти тождественна съ малорусскими при-
читаніями.

Чи чижій, мій таточку, чужыни?
Сухый дубъ, мій таточку, не розивьетця,
А чужый батенько до насъ и не обизветця,
Холодна стина не гріе,
А чужа чужына не пожаліе.
Та лучше-жъ мени, мій таточку, важкый каминь котыть,
Нижъ чужому батенькови годыть.
Та я чужому батенькови зроблю дилечко, той переробытця,
А скажу словечко той переговорытця.
Та мое дилечко, мій таточку, не въ ладъ,
Та мое словечко не такъ.
Та видкиля-жъ васъ, мій таточку, выгядать,
Та видкиля васъ и вызыратъ?
Чы васъ зъ поля,
Чы васъ зъ моря,
Чы зъ високои горы,
Чы зъ чужои чужыны?
Та не идить, таточку, полямы, бо нижкы поколете,
Та не идить, таточку, берегамы, бо потонете
А идить, таточку, тими дорожкамы, куды й мы идемо, √
Куды мы за вами слизонькамы стежки прыльемо.
Та на якихъ васъ, таточку, святкахъ дожыдать,
Колы за для васъ столы застылатъ?
Чы на риздяныхъ святкахъ,
Чы на велькодныхъ святкахъ,
Чы на святу недилоньку?
На риздяныхъ святкахъ снижки стежки, дорожечкы позамитають,
А на велькоднихъ святкахъ велькымы водамы позалывае,
А на святу недилоньку спорышамы позаростають.
А мы будемъ спорыши стругать,
Та свого батенька въ гостонькы дожыдать.
Таѣ садочки цвितуть и зузуленькы кують,
А я выйду водыци братъ
Та буду соловейкивъ пытать:
Вы зузуленькы сывесенькы,
Соловеечки малесенькы
Высоко литаєте,
Багато свита выдаєте,
Чы вы не чулы моего батенька ридненького,
Чы не бачылы моего батенька старенького?

А зузуленьки литають та кують
Та биднымъ сиротамъ жалю завдають.

2.

Мій батеньку, мій риднесенький!
Мій батеньку, мій старесенький!
Мій порадыку дорогесенький.
Ты-жъ мене поражаешъ...
На шо ты мене покидаешъ?
Кому ты мене, мій батечку, прыручаешъ?
Чы ты братикамъ, чы сестрыцямъ?
Чы чужый чужыни, чы родыни свойй?
Та буде насъ по горахъ, буде и по долинахъ,
И по всихъ украинахъ.
Та куды я пиду, то я свого батенька не найду.
Та будуть соловейкы щебетать,
А зузули кувать.
А я буду рано вставать
Та буду соловейкы и зозулечкы пытать:
Вы высоко лятаете, вы далеко буваете,
Чы не бачылы, чы не чулы мого батенька?
Мій батечку, мій риднесенький!
Куды вы выбираетесь? чы въ Крымъ, чы въ Рымъ?
Чы въ дорогу по силь?
Видкиль намъ васъ вызырать?
Чы зъ поля, чы зъ моря?
Чы зъ высокой могылы,
Чы зъ глыбокой долины?
Не плевить водою, бо втомытеса,
Не идить степомъ, нижечкы поколете.
Якъ буду я васъ, мій батеньку, въ гости дожыдать,
То буду къ рожеству стежечкы прокыдать,
А къ велькоднимъ святкамъ—дорожечкы промитать,
А окъ святйй недили буду стежечкы травыцею стелать,
И воритечка одчынять и виконечка одсுவать,
Та буду свого батенька ридненького въ гости дожыдать.

3.

Мій таточку, мій риднесенький!
Сберить же вы своихъ диточокъ до купочки,
Та заберитса вы за ручечкы

Да прыбувайце до насъ у гостыночкы.
Та не йдоть же вы полемъ,
Бо нижечкы поколете,
Та не йдоть же вы моремъ, бо утонете.
Та не идоть же лисамы, бо заблудыте.
Идоть же вы степама, та бытымы дорожкама,
Що я й промитала васылечкама.
Та я й васылечкама промитала
И слизонькама прыльвала.
Та яжъ буду дворы вымитать
И столы застылатъ.
Та я-жъ буду виконечка одсுவать
И своихъ родытеливъ въ гости выглядать.
Чы я тоби, мій таточку, пыточкы не подавала?
Чы постилонькы не перестылала.

4.

Мій таточку, мій лебедочку,
Мій таточку, мій соловеечку!
Видкиля васъ выглядать,
Видкиля васъ дожидать?
Чы васъ изъ поля, чы васъ изъ моря,
Чы зъ высокои могылы, чы зъ глыбокои долины?
Высока могыла, высоко высыпана,
А глыбока долына глыбоко выкопана.
Туды вйты, а вйты никуды.
Колы за для васъ столы застылатъ,
Колы за для васъ кубочки наповнять?
Чы вамъ окъ риздву,
Чы вамъ, мій таточку, къ велькодню
Чы вамъ, мій таточку, къ святій недилонци?
Що къ риздву велькы сныгы позамитають,
А къ велькодню велькы воды позалывають,
А къ святій недилонци стежки й дорожки позаростають.
Що стежки комышемъ, а дорожки спорышемъ,
А вышневы сады биленькымы цвитама.
Та вы-жъ будете йты, та на цвнты задывляться,
Та не будете до насъ у гостонькы поспышаться.
Та туды-жъ будутъ зузули литать,
Та будутъ раненько кувать,

А соловейки щебетать.
 А я буду раненько вставать,
 Та буду йихъ пытатъ:
 Зузули-жъ мои сывенькы,
 А соловейки маленькы!
 Та вы высоко литаєте,
 Та багато свита выдаєте.
 Чы не чулы, чы не бачылы
 Мого батька ридненького?

5.

Мій таточку, мій ридненькый!
 Мій таточку, мій голубчыку!
 Мій таточку, мій солоеечку!
 Та до кого-жъ я буду ходыть?
 До кого свою правду носыть?
 Та я прыхылюсь до холодной
 стины,
 Та стина не нагріє;
 Та обизвусь до чужой чужыны,--
 Вона не пожаліє.
 Та прыхылюсь до сухого дуба,
 Та дубъ не похылыться,
 Та прыхылюсь до чужой чужы-
 ны—

Вона и не обизветця.
 Та нема тихъ крамаривъ,
 Що продають риднихъ батькивъ.
 Та видкиль васъ, мій таточку,
 въ гости выглядатъ?
 Чы васъ зъ руты? Чы васъ зъ
 мяты?
 Чы васъ зъ рубленой хаты?
 Чы васъ зъ могылы?
 Чы зъ глыбокой долины?
 Чы васъ съ пидъ того гаю,
 Що я й сама не знаю?

6.

Таточку мій риднесенькый,
 Мій голубчыку сывесенькый!
 На що вы мене покынули таку нещасну?
 До кого я головоньку прыхылю?
 Видкиля тебе, мій таточку, буду выглядатъ?
 Чы зъ горы, чы зъ долины,
 Чы зъ высокои могылы?
 Я бъ гостышчыкъ подавала, та никимъ податъ.
 Передала-бъ я яблучко та вамъ не докотытця.
 Таточко мій! якои вы хатонькы забажалы
 Темной, невыднои.
 Та хатонька безъ дверей и безъ виконєць
 Туды витеръ не довіє
 И сонечко не догріє
 И людській гласъ не дойде.

Повій витроньку, одсунь кватырочку
Та розбуды мою родыночку.

7.

Та мій таточку, мій виноградо́чку,
Мій таточку, мій соловеечку.
Та куды вы убираетесь, куды вы-
ряжаєтесь?
Та на кого такій гнівъ великій
положи́лы?
Чы вы на матинку?
Чы вы на своихъ сыритъ малесенькихъ?

Та якои вы соби хаты забажалы
Темной та невыднои,
Смутной та невеселой.
Та сюды й витерь віе,
Сюды й сонечко гріе,
Туды й витерь не завіе
И сонечко не загріе.

8.

Мій таточку, мій соловеечку!
Куды-жъ вы выряжаєтесь,
На кого-жъ вы насъ кыдаєте?
Якои вамъ хаточки забажалося
Смутной, та невеселой!
То-жъ хаточка безъ виконъ и безъ дверей,
У тій хаточци витерь не повіе и сонечко не погріе.
Прыбудьте-жъ, мій таточку, до мене въ гостонькы.
Хоть на риздво, хоть на велькдень,
Хоть на святу недилю.
Шо на риздво снігамы позамита,
А на велькдень водамы позалыва,
А на святу недиллю травицями позароста.
Якъ бы жъ я знала, мій таточку, що въ гости прыбудешъ
То я-бъ столы застылала,
И кубочки сповняла,
То я-бъ тебе, мій таточку, въ гости дожыдала,
Та я-бъ тобі, мій таточку, дороженькы промитала.
Бо я-жъ выйду водыци браты,
Зузули куватымутъ, а соловейкы щебетатымутъ.
Я буду соловеечка пытаты:
Соловеечку, ты мій братику, чы ты не чувъ,
Чы ты не бачывъ мого батенька?
Чы не йшовъ, чы не йхавъ до мене въ гостонькы?
Бо я вже давно дожыдаю ёго
И столы позастылала, и кўбочкы понаповняла
И дороженькы попрочыщала,
Та свого батенька въ гости выглядала.

9.

Мій таточку, мій виноградочку,
Мій таточку, мій порадонычку!
До кого-жъ я теперъ у гости ходытыму
И съ кимъ я говорытыму?
Хто-жъ мене поражатыме,
Хто жъ мене, мій таточку, розважатыме?
Та я-жъ, мій таточку, де не хожу и де не роблю,
То я-жъ до васъ на порадонычку иду.
А теперъ до кого-жъ я ходытыму,
Съ кимъ я говорытыму?
Съ кимъ я й розмовлятыму,
Съ кимъ я поражатыму?
Та теперъ, мій таточку, вси стежки, вси дорожки позаростають
Куды я ходыла.
Та я-жъ теперъ степами йтыму,
Якъ голубочка густыму,
Та я садами литатыму,
Якъ зузуля куватыму.
Та я тихъ стежокъ-дорожокъ не найду куды я ходыла
Та я-жъ васъ, мій таточку, не найду,
Та я-жъ вамъ и правдоныкы не скажу.
Та я-жъ лугами йтыму—лугы розлягатымутъся,
А садами йтыму—сады розыватымутъся,
Та якъ бы я-жъ, мій таточку, дориженьку знала,
Якъ бы жъ я, мій таточку, крыльця мала,
Та я-бъ васъ, мій таточку, що дня одвидала.
А тожъ я крылечокъ не маю,
И дориженькы не знаю,—
Тимъ же я васъ не двидаю.

10.

Мій таточку, мій ридненькый.
Мій таточку, мій соловеечку,
Мій таточку, мій канареечку!
На кого вы гнивъ такый положили,
Що вы насъ такъ зарани посыротылы?
Чы вы на насъ нещасныхъ?
Чы вы на матинку безталаню?
Та прыймайте и мене до себе,

Щобъ я тутъ не жыла и не горювала,
Щобъ я й горенька не знала.
Та щобъ я не служыла
Й чужимъ батькамъ не годыла.
Та я гожу,
Та своимъ дилечкомъ не вгожу.
Та я що не зроблю,
То мое й дилечко перероблене,
А я що й не скажу,
То мое й словечко переговорено.
Да якъ же мени жыть,
До кого мени головоньку прытулыть?
Чы мени до дубочка до сухого,
Чы мени до батенька до чужого?
Прыхылюсь я до дубочка,—дубочокъ одхылытьця,
Прыхылюсь я до чужого батенька,—батенько чужый не дывытьця.

11.

Мій батеньку, мій голубчыку,
Мій соловеечку!
Та якои-жъ вы хатоньки забажалы
Темной, невыднои, невеселон!
Туды сонечко не прогріе, витрець
не провіе.
Видкиля-жъ васъ дождыдаты,
Видкиля выглядаты?
Чы зъ моря, чы зъ долины,

Чы зъ высокои могылы?
Моремъ итмете—утонете.
Берегами итмете—заблудыте.
Та ваши стежки, дорожки пыломъ
прыпалы,
Терномъ позаросталы,
Червоною калыною позавысалы
И билымъ снігомъ позамиталы.

12.

Мій таточку, мій соловеечку,
Мій таточку, мій лебедочку.
Прошу я васъ, мій таточку,
Нызкимъ поклономъ, прыятнымъ словомъ.
Гляньте хоть однимъ очечкомъ,
Тай промовьте хочъ однимъ словечкомъ.
Тай порадьте-жъ насъ якъ намъ жыть,
Якъ намъ горювать, якъ намъ васъ забувать?
И хто-жъ насъ буде поражать,
И хто намъ буде порядокъ давать?
Хто насъ буде избирать,
Хто насъ буде вытать?

Та вже мы васъ, мій таточку, не заслужымъ и не купымъ.
Де-жъ ти купци що продають ридни отця?
Та де-жъ ти крамари, що продають ридни матери?
Мій таточку, мій риднесенькый,
Мій таточку, мій старесенькый!
До кого мы будемъ ходыть,
До кого мы будемъ головоньку хылыть?
Чы мы до билои стины,
Чы до чужои чужыны.
Що холодна стина не нагріе,
А чужый батенько не пожаліе.
Та устаньте-жъ, мій таточку,
Та подывиться скільки до васъ гостей понаходыло.
Та чомъ вы не встаєте,
Та чомъ вы, мій таточку, не промовляете,
Та чомъ вы не вытаєте?

13.

Мій таточку, мій риднесенькый,
Мій соловеечку!
На що-жъ вы, таточку, сырять накыдалы,
И кому-жъ вы ихъ повручалы
Що стина нима, а родыны нема.
Що у людей дочокъ по симъ,
Дай щастя всимъ.
А я въ васъ, таточку, одна,
Тай тій щастя нема.
Мій таточку, мій горювальнычку,
Мій таточку, мій скытальнычку!
Вы наскыталысь, вы нагорювалысь
Та прыбувайте, таточку, за мною, необаряйте.
Та вы думаете, таточку, що мени добре жыты?
Що я медъ—выно пью,
А я, таточку, гиркы слёзы лью.
Якый же я вамъ, таточку, поклонъ передамъ?
Якый я вамъ, таточку, гостынецъ дамъ?
Передамъ я булочку, то вона зацвите,
Передамъ яблучко, то воно зогніе.
Передамъ я бублычокъ, то винъ закотытьця
То такъ мое слово и мій гостынецъ

До васъ, таточку, не дойдетьця.
И колы васъ, таточку, дожыдать,
И колы стежки промитать,
И колы вамъ кубочки наповнять?
Чы вамъ окъ риздву,
Чы вамъ окъ велькодню,
Чы вамъ окъ недилонци?
Що къ риздву снigамы позамитають,
А къ велькодню водамы позалывають,
А къ святій недилонци травыцею позаростають.

14.

Мій таточку, мій ридненькый, мій старенькый!
Хозяине превелькый, мій стороже прыхорошый!
Якъ иду я въ поле, то не знаю яке мени горе
Шо у мене скотына доглядена и дытына доглядена,
И по улыцяхъ нигде не валяється
И пидъ тыномъ нигде не качається.
Якъ иду я зъ дому
То я й не запираю ничего и не замыкаю,
Що у мене усе доглядене буде.
Мій таточку, мій ридненькый!
Що я й погонывъ не наймала
И плугатыривъ не прохала
А теперъ якъ у поле иду, то я рано устаю
А пизно въ поле выхожу
Покы я дома позапираю и позамыкаю
Та до людей диты поодправляю
Що вони мали весты,
А важки несты.
Та мій таточку риднесенькый!
Та я буду раненько вставать,
А пизненько лягать.
Якъ рано встаю, то якъ голубка гуду
По вгороду пиду
То скризъ глухо, скризъ и пусто
Що вже на мойимъ двори
Нема старой головы
Що тилько по чужихъ садахъ чутъ
Соловья щебечуть, зузули кують
Мени жалю завдають.

Вы равенько вставалы, хорошенько й кувалы,
А мени жалю завдавалы.
Чы вы не чулы, чы вы не выдалы
Мого батенька ридненького й старенького.
Мій таточку риднесенькый!
Колы-жъ я васъ буду у гостя дожыдать?
Колы я буду для васъ кубочки наповнять?
Що вже й окъ ряздву сныгы позамиталы,
А къ велькодню воды позалывалы,
А къ святій недилонци стежки й дорожки позаросталы.
Уже я никола своего батенька не дижду съ того края.
Видтиль ни письма не шлють, ни самы не йдутъ.

15.

Мій таточку, мій выноградочку
Мій таточку риднесенькый, старесенькый!
Хто-жъ насъ теперь буде поражать,
И порядокъ давать, и на дило прыставлять?
Хто-жъ насъ буде теперь розважать?
Куды-жъ мы будемъ, таточку, исходыться?
Кому-жъ мы будемъ свою жалобу розказувать?
Хто-жъ насъ буде выручать,
Хто-жъ насъ буде вызволять?
Мій таточку, мій риднесенькый!
До кого-жъ мы будемъ тулыться и хылыться?

16.

Мій батечку, мій голубчыку риднисенькый,
Мій батечку, старенькый, сывисенькый!
Тай уже я васъ, мій таточку,
Не заслужу и не куплю.
Та на кого, мій таточку, гнивъ положили!
Дежъ я буду васъ шукать,
Де васъ пытать?
Чы васъ, мій таточку, мижъ косарямы,
Чы васъ помижъ плугама,
Чы помижъ гребцяма?

17.

Мій таточку! мій старесенькый,
Мій таточку, мій риднесенькый!
Та де-жъ васъ, мій таточку, купыть?
Та де васъ заробыть?

Та де васъ заслужыть?
Та я буду по срокахъ ходыть,
Та буду гроши зароблять,
Та буду васъ, мій таточку, годувать.
Та я-жъ васъ не куплю,
Та я васъ не заслужу,
Та я васъ и не зароблю.
Сусиды мои близесенькы
Зачиняйте воритечка новесенькы,
Засувайте виконечка малесенькы
Та не выпустить мого татуса одъ мене,
Бо я не знатому що сама робыть, що й почынать?
У якый кутокъ хылытса,
У якый край дывытса.
Куды вы, мій таточку, выбираетесь,
Куды вы выражаетесь?
На що вы мене кыдаете?
Стричайте, мои родытели, мого татуса ридненького,
Пробирайте мистечко коло себе близесенько
И доглядайте такъ, якъ я доглядала:
Подавайте пыточкы такъ, якъ я подавала;
Бо вони будуть ходыть та будуть пытать
Та будуть своен родыночкы шукать,
И перестылайте имъ постылоньку такъ, якъ я перестылала.

18.

Мій таточку, мій соловеечку!
Мій таточку, мій выноградочку!
Мій таточку, мій старесенькый,
Мій голубчику свесенькый!
Чого-жъ ты помираешъ, а насъ покидаешъ?
Кому-жъ ты насъ уручаешъ?
Кого-жъ мы будемъ поражаться,
Кого-жъ мы будемъ пытаться?
Видкиль мы васъ будемъ, мій таточку, выгядать?
Колы-жъ мы васъ будемъ у гости дожыдать?
Чы мы къ риздву, чы мы къ велькодню,
Чы мы къ святій недили?
Що къ риздву сныгы позамытають,
А къ велькодню воды позалывають,
А къ святій недили стежкы позаростають.

А я буду рано вставать и стежки-дорожки промитать
Та вась, мій таточку, въ гости дожыдать.
Та я буду й столы застылатъ и кубочки наповнять.
Наповнятому вынамы, та дрибненькымы слёзамы.
Та буду рано вставать та соловейкивъ пытать:
У яке время мени свого батенька выглядать.

19.

Мій таточку, мій риднисенькій!
Мій таточку, мій старисенькій!
Мій таточку, мій сывесенькій!
Мій таточку, мій выноградочку!
Якъ безъ вась жыты, якъ безъ вась
горюваты?
И кому головоньку прыхыляты?
Чы дядусеви, чы бабуси, чы дядечкови?

Та дядечко, та не батечко.
Винъ и въ дило пошле,
Винъ и головоньку натовче.
Мій таточку, мій ридненькій!
Мій таточку, мій срибненькій!
Куды ты полынешъ?
Куды ты свою головоньку завесешъ?

20.

Та мій батечку, мій пораднычку,
Мій батечку, мій солловечку!
Та хто-жъ намъ порядокъ даватыме?
Хто насъ въ толкъ производиыте?
Якъ выйду-жъ я за ворота, нема-жъ мого батька,
Тилькы стоить у садочку одынъ дубочокъ.
Я-жъ до того дубочка тай прыхылюся,
Не ридному батенькови я й уклонюся.
Хоть у мене бувъ той батько, та все пье, гуляе,
А хочъ винъ намъ риднесенькій, та все насъ розоряе.
Мій батечку, мій риднесенькій!
Устань тай порадь насъ.
Ой не встану, мои диточки, я вжей не поражу,
Я-жъ вамъ, мои диточки, уже й до вику не заважу.

21.

Моя маты, моя голубонько!
Куды ты убралась, куды ты нарядылась,
На кого ты розсердылась, на кого ты розгнивылась?
Та якои ты соби хаты забажала,
Смутной, та невыднои!
Та ся хата зъ викнамы и дверямы,
Та сюды витерьъ віе и сонце гріе,
А та хата смутна и не весела.
Соловейкѣ будуть спивать

И зузуленьки будутъ кувать,
А я буду своєю матинкы пытать:
Вы высоко литалы, та далеко бувалы
Чы вы моеи матинкы не выдалы?
Та видкиль тебе выглядаты,
Колы тебе у гости дожыдаты?
Та чы тебе къ риздву,
А чы къ велькодню,
Чы тебе и къ святій недели сподивацця?
Що къ риздву снigамы позанесе,
А къ велькодню водою залъе,
А къ святій недели травою позароста.
Я снижокъ прогорну,
А водыцю изолью, а травыцю прорву,
А васъ, моя матинко, у гости не дижду.
Де ти маляри, що малюють матери,
Де ти крамари, що продають матери?
Де воно васъ, матинко, прыщепыть,
Щобъ до васъ на пораду ходыть?
Прыщеплю я васъ до былыны
То вы и не прыйметесь,
Посажу васъ на покути
То вы и похылытесь.
Прыхылюся до холодной стины
То вона мене не нагріе,
Прыхылюся я до чужои матери
То вона мене не пожаліе.
Та и ти сины и та хата,
Такъ у хати не та правда;
Та и та хата и та стриха,
Та у хати не та утиха.

22.

Моя й матинко, моя й голубонько!
Та куды вы вбралысь, та куды вы нарядылысь?
Та на кого росердылысь, на кого й розгнивылысь?
Чы вы на батенька, чы вы на своихъ сыритъ малисенъкихъ?
Люды на слободы идуть, та письма шлють,
А вы до насъ не прыйдете и письма не прышлете.
Та зузули будутъ литать, та раненько кувать,
А я выйду, та буду своєю матинкы пытать:

Та зузуленькы сызенькы, соловейкы рябенкы
Та вы высоко литалы, та далеко бувалы,
Та чы вы моеи матинкы не выдады?
Та де тебе, матинко, прыщепыть
Щобъ до тебе на пораду ходыть?
Прыщеплю я васъ до былыны,
То вы не прыйметесь.
Та посажу я васъ, матинко, на покути
То вы й похылытесь.
Та прыхылю я свою головоньку до холодной стины
То вона мене не нагріе,
Та прыхылю я свою головоньку до чужой чужыны
То вона мене не пожаліе.
Та видкіль тебе, моя матинко, выгядать,
Та колы тебе въ гости дожыдаты?
Чы тебе къ риздву, чы тебе къ велькодню,
Та чы тебе, моя матинко, къ святій недилонци?
Що къ риздву снігамы позамита,
А къ велькодню водою позалыва,
А къ святій недилонци травою позароста
Я й сніжокъ прогорну.
Я й водыцю пролью,
Я й травыцю прорву,
А васъ, моя матинко, въ гости не дожду.
Та та й хата, та й стриха,
Та въ хати не та утиха,
Та ти сины, та й хата,
Та въ хати не та правда.

23.

Моя й матинко, моя й ридненька!
Моя й правдонько дорогенька!
Та мени-жъ васъ, моя матинко, ни купыть,
Та мени-жъ не заслужить.
Та нема тихъ городянокъ,
Що продають ридныхъ мамокъ.
Якъ бы я знала колы васъ въ гостонькы ждыть?
И колы вамъ, моя матинко, столы застылаты?
Чы вамъ на риздвяны святкы?
Чы вамъ на велькодни?
На риздвяны—снїжки стежкы-дорожкы позамитають.

А яжъ буду ходыть та промитать,
Та свою матинку въ гости ждаты.
На велькодни—стежки, дорожки водыцею позалыва.
А я буду ходыть та ричечкы робыть,
Та водыцю спускаты,
Та свою матинку въ гости ждаты.
А къ святій недилонци
Стежки, дорожки травыцею позаростають.
А я буду ходыть та промитать
Та своей матинкы въ гости выглядаты,
Та вжей свята недилонька мынае,
До мене моеи матинкы немае.
Та буду раненько вставаты
Та будутъ пташкы та соловейкы щебетаты,
А я жъ буду ходыть та пытаты:
Сыви соловейкы!
Чы не бачылы моеи ненькы ридненькы?
Та буду иты улычкамы
Та чужи матери гулятымуть купочкамы.
Та подывлюсь: тилькы моеи немае.

24.

Моя матинко, моя голубонько!
На що вы мене таку вродылы?
На що вы мени таку гирку долень-
ку вдилылы?
Щобъ я, моя матинко, по наймахъ
ходыла,
Да чужу работу робыла,
Та чужому батькови,
Та чужій матери годыла.
Мое дило переробыться,
Мое слово переговорыться.
Колы васъ въ гости дожидаты,
Зъ видкиль васъ выглядаты?
Чы васъ изъ яру,
Чы зъ долины
Чы зъ высокой могылы?
Якый вамъ, моя матинко, гостынецъ
податы?
Подамы-бъ мы яблучко

Такъ воно зогніе,
Подамы-бъ мы булочку,
Такъ вона зацвите.
Мои братыкы, мои голубчыкы!
Тай не быймося, тай не лаймося
Зійдемося до купочки
Тай пораймося
Видкиль намъ матинкы выглядаты?
Колы въ гости дожыдаты,
Колы намъ дорожки стругаты?
Постружу дороженьку къ святому
риздву—
Снижкомъ прыпаде,
Простружу дороженьку къ святому
велькодню—
Водыцею залъе.
Простружу дороженьку къ святій
недилоньци—
Травыцею вроссте.

Теперь уже та хата, та й стриха
Такъ уже въ хати не та утиха.

Та хата и ти викна
Такъ матинка не ридна.

25.

Моя й матинко, моя й ридная,
Моя матинко, моя й ластивко!
Въ якимъ же ты мене зиллы купала,
Що я въ таке нещастя попала?
Чы вы-жъ мене въ полыню,
Що я до васъ никола не прылыну?
Чы я въ таку мынуту родылась,
Чы я въ такой часъ хрестылась?
Та якъ же мени жыть,
Та якъ мени горювать?
Куды мени йты,
До кого мени головоньку прыхылять?
Чы мени до холодной стины,
Чы до чужой чужыны?
Прыхылюсь я до стины,
Стина холодненька,
Прыхылюсь я до чужой чужыны,

Чужа чужына не ридненька.
Куды мени йты,
Щобъ свою матинку знайти?
Я куды не пиду,
Та своей матинки не найду.
Та пиду я юлочками,
Та сыдять чужи матеря купочками.
Я въ кажу купочку загляну,
Та я васъ, моя матинко, не пизнаю;
Та я васъ, моя матинко, ни де не
куплю,
Ни де й не заслужу!
Нема-жъ тихъ маляривъ,
Що малюють материвъ,
Та нема тихъ крамаривъ
Що продають материвъ.

26.

Моя й матинко, моя й голубонько,
Моя матинко, моя й правдонько!
Моя матинко, моя й покровонько,
Моя матинко, моя й розмовонько.
Чы я-жъ тобі, моя матинко, постилоньки не слала?
Чы я-жъ тобі головоньки не ськала?
Чы я тобі, моя матинко, пыточки не подавала?
Чы я тобі, моя матинко, гирке словечко сказала?
Чимъ я тебе, моя матинко, розгнивыла
Що ты до мене, моя матинко, не озываешься?
Я-жъ била тебе, моя матинко, не часъ и не два стою
Та я-жъ била тебе, моя матинко, якъ зозуленька кую.
Уже-жъ пора, моя матинко, проспаться
И до мене, нещасной, обизваться;
Мене нещасну порадыть: якъ мени чужий матинци годыть?
Якъ мени чужу матинку матерью звать,
Якъ мени до ей прывыкать,
А тебе, моя матинко, забувать?

Чужа-жъ матинка не ридна,
Чужа матинка неимовирна.
Загудить, голубонькы, на хати
Та збудить мою матинку зъ кровати.
Загудить, голубонькы, на свитлыци
Та збудить мою матинку съ скамныци.
Та гудить, голубонькы, на порози
Та збудить мою матинку у дорози.
Нехай вона встае и порадыть мене:
Якъ мени, нещасныци, на свити жыть,
Якъ мени чужій матинци годыть?
Чужа матинка бье и лае
И ничимъ мене не дбае.

27.

Моя й матинка ридна!
Моя й скытальныця, моя й горюваль-
ныця!
Моя й сухисинька, моя й старисенька!
Моя й зузулечка.
Видкыля тебе, маты,
Въ гости выгладаты?
Чы зъ крутой горы, чы зъ долины,
Чы зъ высокои могылы?
Та вже-жъ мени, моя маты,
Тебе не выдаты!

Будуть зузуленькы куваты,
Соловейкы щебетаты.
А я своей матинкы пытаты .
Иде тебе, матинко, узяты?
Чы тебе змалюваты, чы тебе за-
служыты?
Чы тебе, моя матинко, заробыты?
Де я не ходыла, де я не блудыла
Та не найшла матинкы,
Що мене вродыла.

28.

Моя матинко, моя голубонько!
Моя матинко, моя риднесенька,
Моя матинко, моя старесенька!
На кого-жъ вы, моя матинко, розгнивылысь?
Чы на батенька, чы на мене нещасныцю?
Якъ же намъ жыть? Якъ намъ горювать?
Якъ намъ, моя матинко, васъ забувать,
А безъ васъ прывыкать?
И до кого-жъ мени, моя матинко,
Ту головочку прыхылять?
Чы мени-жъ, моя матинко, до стины,
Чы до чужои чужыны?
Стина-жъ не обигрие,

А чужа чужына, моя матинко, мене не пожаліе.
Моя матинко, моя покровонько!
Моя матинко, моя розмовонько!
Колы-жъ васъ, моя матинко, въ гости дожыдать!
Чы васъ окъ риздву,
Чы васъ окъ велькодню,
Чы васъ окъ святій недилонци?
Окъ риздву—снигамы позамита,
А окъ велькодню—водамы позалыва,
А къ святій недилонци—стежки й дорожки позаростають.
А я буду раненько вставать,
Та стежки й дорожки прочыщать,
Своеи матинкы въ гостонькы дожыдать.
И видкиля васъ выглядать?
Чы зъ яру, чы зъ долины,
Чы зъ високой могылы?
Якый я вамъ, матинко, гостынецъ передамъ?
Передамъ я вамъ, моя матинко, яблучко,
Воно зогніе,
А передамъ бублычокъ—закотыться,
А передамъ я, моя матинко, свое словечко,
Воно вамъ не дойдеться.

29.

Моя матинко! моя й голубонько!
Моя матинко, моя й зозуленько!
Моя й матинко, моя й правдонько!
Моя й матинко, моя й пятинко!
Хто мене буде покрывать?
Хто мене буде заступать?
До кого мени, моя матинко, хылытця?
Чы мени до сухого дуба
Чы мени до холодной стины?
Чы мени, моя матинко, до чужой
чужыны?
Та сухой дубъ не розивьется,
Чужый батенько не обизвется.
Та холодной стины не розигрю,
Та чужа матинка не пожаліе.
Якъ мени, моя матинко, жыть?

Якъ мени горювать?
И видкиля васъ, моя матинко, вы-
глядать?
Чы васъ зъ поля, чы васъ зъ моря?
Чы васъ зъ високой могылы,
Чы васъ зъ далекой краины?
Дежъ я васъ, моя матинко, буду
пытать?
Та я-жъ куды не пиду,
То я васъ не найду.
Та я-жъ пиду въ ярмаркы
Та буду шукать, та буду пытать
Та буду шукать тихъ крамаривъ,
Що продають материвъ.
Та тихъ купцивъ,
Що продають отцивъ.

30.

Моя ненько, моя матинко!
На шо ты мене нещасныцю вродыла,
Гирку долю вдиыла?
Чомъ же ты мене не прыкопала,
Щобъ я не горювала?
До кого-жъ я, моя матинко, ходытому,
До кого й говорытому?
Чы я буду до братика, чы я буду до сестрыци?
Та мени сестрыця не матинка, а братикъ не батенько.
Винъ мене не порадыть, винъ мени правды не скаже
До кого-жъ я, моя матинко, буду хылытыся
И въ кого я буду, моя матинко, правды пытаты?
И хто мене буде поражаты?
До кого-жъ я буду свою нещасну головоньку прыхыляты?
Чы я буду до былынонькы,
Чы я буду до чужой чужынонькы?
Якъ бы жъ то ты знала, моя матинко,
Якъ мени тяжко горюваты;
Якъ мени теперь съ чужою чужынонькою прывыкаты.
Чужа чужынонька не ридна родынонька.
Вона жъ мене не бье, не лае,—
У мене серденько вяне,
А ридная маты побье и полае—то воно не прыстане.
Видкиля я тебе, моя матинко, буду выглядаты
И колы тебе въ гости дожыдаты?
Чы васъ окъ риздву, чы васъ окъ велькодню,
Чы васъ окъ святій недилонци?
Окъ риздву снігомъ позамитае,
А къ велькодню водычкою позалывае
А къ святій недилонци писочкомъ позасувае.
Якъ будете вы къ риздву до насъ зъ гости прыбуваты,
То я буду воритечка откыдаты,
А якъ будете до насъ къ велькодню прыбуваты,
То я буду водычку спускаты.
А якъ будете къ святій недилонци прыбуваты,
То я буду дорижечкы промитаты,
Промитаты и своимы слизонькамы прылываты,
Буду столы застылаты,
И буду виконечка одчыняты,

А къ святій недилонци стежки позарта дорожкыостають.
Моя й матинко, моя й покровонько,
Моя й матинко, моя й жалобо,
Моя покровонько, моя й правдонько!
Ты-жь, моя мамусю, найриднисенька
Ты-жь, моя мамусю, найсрибнисенька.
Ты-жь, моя матинко найриднїйша,
Ты-жь, моя матинко, найсрибнїйша.
Моя матинко, моя й зузуленько,
Моя матинко, моя й правдонько!

34.

Моя й матинко, моя й голубонько!
Та колы васъ теперь дожыдать?
Та колы васъ выглядать?
Та колы вамъ, моя матинко, воритечка отчынять?
Та колы-жь вы до насъ теперь и прыйдете въ гостонькы?
И зузули кують, соловейкы щебечуть,
А я своеи матинкы пытаю.
Та нихто-жь теперь не скаже:
Ни зузули, ни соловейкы, ни сызыи крылы.
Колы вы, моя матинко, до насъ у гостонькы прыйдете:
Чы на риздво, чы на велькдень?
Чы на святу недилоньку?
На риздво, моя матинко риднесенька, снигама позамита
А на велькдень водамы позалыва,
А на святу недилу витрамы позавыва.
Та никуда вамъ пройты, ни дороженькы проместы.
Та вже-жь мы и столы позастылалы
Та свой матинци исты понаготовлялы.
Та ихъ теперь ни спысать,
Та ихъ теперь не купыть.
Та ихъ нигде узять
Та ихъ нигдѣ и заслужить.

35.

Моя матинко, моя риднесенька,
Моя матинко, моя й старесенька!
Та до кого мы будемъ ходыть,
Та до кого правду носыть?
Та хто насъ буде вытать,

Та хто насъ буде выглядать
Такъ якъ вы насъ выглядалы,
Та насъ выталы?
А теперь ни до кого намъ ходыть
Никому намъ правды говорыть.

На кого вы гнівъ, матинко, положи-
жины?

Хто вамъ гирке слово сказавъ?
Чы вамъ дочки, чы вамъ сыночки?
Гирке слово сказали?
Чымъ воны васъ огорчылы,
Що вы такой хаты забажалы
Темной, невеселой?
Нема дверей, ни виконечокъ.
Витерь не віе,
Сонечко не гріе,
Тилько сыра земля пріе.
Видкиль васъ дожыдать,

Видкиль васъ выглядать?
Чы васъ изъ луга,
Чы васъ изъ долины,
Чы зъ глыбокой могылы?
И колы вы до мене
Въ гости будете прыбывать?
Якъ бы я знала
То ябъ ворота поодчиняла,
Стежки й дорожки промитала,
И дверечка поодчыняла,
И оконечка поодсувала,
И столы позастылала,
И васъ прывитала!

36.

Моя й матинко, моя золотисинька,
Моя й матинко, моя срибнисинька!
Моя й матинко, моя й дорогисинька!
Моя й матинко, моя й покровонько!
Якъ я буду безъ васъ звыкать,
Якъ я буду безъ васъ горювать?
Я буду рано вставать, свою матин-
ку спомынять.
Якъ я буду васъ спомынять и якъ
я буду васъ доставать?

Буду я, моя матинко, маляривъ най-
мать,
Та буду свою матинку малювать.
Шо я вже не змалюю.
А хочъ и змалюю, такъ не такую!
А хочъ и змалюю, то вы мене не
порадыте,
Вы мене не наставыте.
Вы-жъ було раненько вставаєте,
Та насъ розбужаєте,
Насъ хазяевамы наставляете.

37.

Моя й матусечко, моя й голубочко,
И моя й возулечко!
На що-жъ вы насъ покынули,
И на що вы насъ посыротылы?
Кому вы насъ уручаєте,
Кому вы насъ удиляете?
На кого, моя матинко, такой гнівъ великий положины?
Чы вы на того батенька,
Чы вы на нашего братика ридненького,
Чы вы на насъ нещасныхъ?
Чы я вамъ, моя матинко, постилонькы не перестылала,
Чы я вамъ пытонькы не подавала?

38.

Моя й матинко, моя й ридная!
Та якъ мени теперь безъ васъ жыть?
Моя й матинко, моя й правдонько, моя й роскишъ.
Та я пры васъ жыла,
Якъ макивка цвила,
А теперь вы мене покынулы
Никому моихъ дитокъ доглядать и хозяйства.

39.

Моя матинко, моя голубонько!
Моя матинко старисенька,
Моя голубонько сывисенька!
На що ты мене таку нещасну вродыла,
На що ты мени таку гирку доленьку вдилыла?
На горювання и на скитання.
Моя й матинко, моя й утинко,
Моя й матинко, моя й покровонько,
Моя матинко, моя й розмовонько!
Хто-жъ мене буде теперь заступать,
Хто-жъ мене буде теперь жалувать?
Хто жъ мени буде теперь пораду давать?
Та яжъ рано встаю, то и васъ спомяну,
Та я пизно лягаю, то я й васъ спомынаю.

40.

Моя матинко, моя й риднисенька!
На шо-жъ ты насъ покынула,
Такихъ малисенькихъ?
Та до кого-жъ мы будемъ хылыться?
Та кому-жъ мы будемъ хвалыться?
Чы намъ до стины?
Чы до чужой чужыны?
Та стина холодна не нагріе,

А чужа чужына не пожаліе.
Якои-жъ вы, татусю, темной ночи
прыбувалы,
Що въ насъ матинку одибралы?
Колы-жъ намъ у гости васъ до-
жыдать?
Та мы будемъ столы застылатъ,
Та кубочки наповнять
Та свою матинку у гости дожыдать.

41.

Да моя й матинко, моя й правдонько!
Да куды-жъ ты вбираешься,
Куды ты выражаешься?
Да кому-жъ ты насъ уручаешь?
Чы дядькови, чы титци?
Пидемо до дядька—у дядька свои дитки,

Да не пораждать мене, нещасной сыриткы.
И въ титкы свои диткы
Та не пораждать мене, нещасной сыриткы.
Колы-жъ тебе, моя матинко, сподиваться у гости?
Чы на риздво, чы на велькдень,
Чы на святу недилоньку?
На риздво, моя матинко, снigy сыльны залягають,
А на велькдень сады зелени процвитають,
А на святу недилоньку я й столы позастылаю
И въ гости васъ, моя матинко, сподиваю.

42.

Моя матинко, моя й ридненькая,		А чужая чужына не пожаліе.
Моя матинко, моя й старенька.		Та буде-жъ мене по строкахъ ¹⁾ ,
Моя й матинко, моя й порадонько!		Буде-жъ мене й по годахъ,
Хто-жъ мене буде поряжать		Та буде-жъ мене по пидъ дворами.
Якъ вы поряжалы?		Та буде мене по пидъ тынамы.
Хто-жъ мени буде порядокъ давать		Та пробирайте-жъ, моя матинко,
Такъ якъ вы давалы?		мистечко биля себе.
До кого-жъ мени теперь прыхы-		Приймайте и прыгортайте и мене
латься,		до себе.
До кого-жъ мени теперь прыту-		Та щобъ я не горювала,
латься?		Та щобъ я й горенька не знала,
Чы мени до холодной стины,		Та щобъ я не ходыла по годахъ,
Чы мени до чужой чужыны?		Та щобъ я не годыла чужымъ тит-
Що холодна стина не нагріе,		камъ.

43.

Моя матинко, моя риднесенька!
Моя матинко, моя старесенька!
Якъ мени, моя матинко, жыть?
Якъ мени, моя матинко, горювать?
Якъ мени, моя матинко, по чужымъ людямъ ходыть,
Та чужымъ людямъ годыть?
Та я-жъ чужу роботу що зроблю—тай не такъ,
Та я чужымъ людямъ що скажу—то мое словечко не въ ладъ.
Та мое дило перероблюють,
Та мое словечко переговоряють.
Прынимайте-жъ мене, моя матинко, до себе.
И прыгортайте мене до себе

¹⁾ Здѣсь разумѣется личный срочный и годовой наемъ.

И пробирайте мени мистечко биля себе.
Та яжъ буду вамъ пыточки подавать
И постилоньку перестылатъ.

44.

Моя й матинко, моя й правдонько!
Моя й матинко, моя й вышенько!
Моя й матинко, моя й черешенько!
Моя й матинко, моя й покровонько!
Та хто-жъ мене, моя й матинко, буде жалить?
Та хто же мене, моя матинко, буде доглядать?
Та хто-жъ мене, моя матинко, буде покрывать?
Та вы-жъ мене, моя матинко, доглядали и въ дили, и въ слови,
А теперь на шо-жъ вы мене кыдаете на горе та на нещастя
Та на вельке безталання
Та куды вы, моя матинко, выряжаетесь,
Та куды вы, моя матинко, убираетесь?
Чы вы на заробиткы, моя матинко,
Чы вы на слободы, моя матинко!
Та зъ заробитокъ, моя матинко, до дому идуть,
А зъ слобидъ, моя матинко, писёмця ждуть.
А вы сами, моя матинко, не йдете
И до мене писёмъ не шлете.
Та якои, моя матинко, хаточки забажалы:
Смутной та й не веселой,
Темной та й не выднои.
То хаточка и безъ виконъ,
То хаточка и безъ дверей.
Та въ ту хаточку и витерь не вие
И сонечко не гріе.
И сонечко туды не сходитъ
И ништо въ ту хаточку не заходитъ.
Та хто васъ буде, моя матинко, доглядать
Такъ якъ я доглядала?
Та хто вамъ буде, мая матинко, и постилоньку перестылатъ
Такъ якъ я перестылала?
Моя матинко, моя правдонько!
Та й порадьте мене: якъ мени жыть?
Якъ мени горювать?
Чы мени йты служыть,
Чы мени зъ братикамы та зъ сестрыцями жыть?

45.

Моя матинко, моя й ластивко!
Та де-жъ васъ, моя матинко, купыть,
Та де-жъ васъ, моя матинко, заслужыть?
Та де-жъ ти маляри що малюють ридны матери?
Та буду-жъ я ранесенько вставать,
Та буду-жъ я зузулечокъ пытать:
Та вы, зузулечкы, ранесенько встаете,
Ранесенько куете.
Та буду-жъ я, моя матинко, ранесенько вставать,
Та буду солоеечкывъ пытать.
Та колы-жъ мени, моя матинко, васъ у гостонькы дожыдать?
Та чы васъ къ риздву, та чы васъ къ велькодню,
А чы къ святій недилонци?
Та къ риздву-жъ снигамы позамита,
А къ велькодню водамы позалыва,
А къ святій недилонци травыцямы позароста
Та й прыплевить, моя матинко, до насъ хоть водою,
Та заберить и сырточокъ сихъ съ собою.
Та щобъ мы, моя матинко, не жылы й не горювалы,
Та щобъ намъ чужи батькы и рукъ не потыралы.
Та прыхылюсь я, моя матинко, до холодной стины,
То холодна стина мене й не нагріе,
Та прыхылюсь, моя матинка, до чужой чужыны,
Та мене чужая чужына не пожаліе.
Моя матинко, моя порадонько!
Та хто-жъ мене поражатыме такъ, якъ вы поражалы?
Та хто-жъ насъ буде изражать,
Та хто-жъ порядочокъ давать?
Та будемъ же мы, моя матинко, ходыть,
Та будемъ же мы, тоя матинко, чужимъ матерямъ годыть.
Та титка-жъ, моя матинко, своимъ диткамъ маты,
А намъ же, моя матинко, не буде.

46.

Моя матинко, моя риднесенька!
И моя матинко старесенька!
Моя порадыця дорогесенька.
Куды-жъ вы выбираетесь,
И куды вы выражаетесь?

На що вы покидаете насъ, на яке
горюваннячко?
Кому вы прыручаете?
Шо мы мали, мы и малисиньки.
Та мы-жъ не вміемо и людымъ ро-
быть.

Та будемъ мы въ хати сидить—
 боятимемось,
Песидаемо пидъ дворомъ, такъ по-
 мерзнемо,
Пидемъ по селу, такъ собаки по-
 рвуть.
Моя матинко, моя ридненька!

Колы-жъ ты до мене прыбудешъ?
Та немае тихъ крамарокъ,
Шо продають риднесенькихъ мато-
 чокъ.
Серця-бъ влупыла та матинку ку-
 пыла!

47.

Чоловиче мій, дружно моя!
Куды-жъ ты убираешься, куды ты выражаешься?
Яков ты темной хаты забажавъ?
Темной, невыднои, смутной, невеселой!
Туды-жъ витерь не віе
Туды й сонце не гріе.
Туды й дзвонь не дзвонять,
Туды й люди не ходять.
Та якъ же я до тебе ходытому,
Та якъ я съ тобою говорытому?
Якъ я съ тобою поражатымусь,
Якъ я съ тобою розважатымусь?
Ой, устань, порадь, моя дружинонько,
Якъ мени въ свити жыты,
Якъ мени чуже дилечко робыты?
Та якъ мени чужимъ людямъ годыты?
Та я-жъ надъ чужимъ дилечкомъ назневажалась
Я-жъ по чужихъ нывахъ наспотыкалась.
Ой, прыймай же, прыгортай мене до себе.
Щобъ я не жыла, щобъ я не горювала,
Щобъ я й горенька не знала.
Щобъ я по далекихъ краяхъ не ходыла,
Щобъ я чужимъ людямъ не годыла.
Та я чуже дилечко зроблю не такъ
Та я словечко скажу не въ ладъ.
Мое дилечко перероблять,
Мое словечко перемовлять.
Колы-жъ мени тебе, моя дружиночко, дожыдать?
Колы мени столы застылатъ?
Чы мени на риздво, чы мени на велькдень,
Чы на святу недилоньку?
А чы мени зъ Мыколы—тай николы?
Видкиль мени тебе выглядать?

Чы зъ горы, чы зъ долины,
Чы зъ высокой могылы?
Чы зъ глыбокого яру,
Чы зъ далекого краю?
Та не йды-жъ полемъ, бо нижечку поколешъ,
Та не йды-жъ моремъ, бо утонешъ,
А йды-жъ по пидъ горою
Та беры й мене зъ собою.
Та будуть, моя дружынонько, сады процвितать,
Та будуть зузуленькы кувать,
А соловейкы щебетать.
Будуть мени, нещасныци, жалю завдавать,
А я выйду за воритечка та й буду пытать:
Вы зозуленькы сызесенькы,
А соловейкы малесенькы
Та вы высоко литаєте,
Вы далеко буваєте,
Чы не чулы, чы не бачылы моей дружынонькы вирненькой?
Якъ бачылы, то хвалыться,
Якъ побачыте поклониться мойй дружыни вирненькой
Хай же винъ прыйде, та нехай мене одвида
Якъ же я тутъ жыву, та якъ я горюю.
Та я пизно лягаю, а рано встаю,
Та все чуже дилечко роблю.

48.

Мій хозяйне, моя й пара дорога!
Моя й правда дорога!
До кого-жъ мени прыхылыться и прытулыться?
Чы мени до холодной стины,
Чы мени до чужой чужыны?
Що холодна стина не нагріе,
А чужая чужына не пожаліе.
Видкиля мени тебе выгядать
И де мени тебе пизнавать?
Чы мени межъ косарямы,
Чы мени межъ гребцямы?
Чы мени съ поля, чы мени зъ моря?
Чы мени зъ глыбокой долины,
Чы мени зъ высокой могылы?
И колы за для тебе столы застылатъ,

И кубочки наповнять?
Чы тебе къ риздву, чы къ велькодню,
Чы тебе окъ святій недилонци?
Що къ риздву велькы снigy позамитають,
А къ велькодню велькы воды позалывають,
А къ святій недилонци стежки й дорожки позаростають,
А сады позацвитають,
Стежечкы комышемъ, а дорожки спорышемъ,
А вышневи садочки биленькымы цвитамы
Та ты-жъ будешъ, мій хозяине, иты .
Та на цвиты задывляться,
Та не будешъ до мене въ гости поспишаться.

49.

Мій хозяине, моя дружно!
На що-жъ ты мене кыдаешъ?
Якъ же мени теперь жыть,
Що мени теперь робыть безъ тебе?
Мій хозяине! моя й правда прехороша.
Хто-жъ мене теперь буде цоряжать,
Хто мени—порядокъ давать?
И чого ты на мене такъ разгнивывся?
Чы я тоби, мій хозяине, постилонькы не слала,
Чы я тоби пыточкы не подавала?
Мои диточки, що вы будете робыть безъ батька?
Та вже-жъ его ни купыте, ни заслужыте.
Нема тихъ крамаривъ, щобъ продавалы батькивъ
Мій хозяине, моя дружно!
Приймай и мене до себе
Щобъ я й не горювала, щобъ я й горенька не знала.

50.

Хозяине мій, дружно моя!
На що-жъ ты мене покынувъ на горювання,
Та на скитання.
Я-жъ уже нагорювалась и наскыталась изъ тобою.
Приймай и мене зъ собою,
Шобъ я не скыталась,
По чужихъ поляхъ не спотыкалась.
Якой ты смутной, невеселой хаты забажавъ.
Що витерь не завіе

И сонечко не зогріє.
Устань же, моя дружно!
Порадь: якъ мени горювать,
Якъ мени безъ тебе прожывать.

51.

Мій чоловіче, моя й дружно!
На кого-жъ ты мене кыдаешъ?
Та кому ты свое хозяйство вручаешъ?
Чы ты братамъ, чы ты сестрамъ?
Чы ты своему батькови старому?
Та я за тобою чотыри годы прожыла
Та ничого не заробыла.
Та де мени теперь диться,
Куды мени пійты теперь одъ тебе?
Куды ты вбравсь, куды ты нарядывсь?
Та на кого ты такой гнивъ положывъ?
Та чы ты на батенька,
Чы ты на своихъ сыротъ малесенькихъ?

52.

Моя дружно, моя й правдонько,
Та я съ тобою не нажылась и не наговорылась.
Та й хто-жъ мени теперь порядокъ даватиме
Якъ ты дававъ?
Та й прыплывы до мене хоть водою
Та й заберы своихъ сыриточокъ изъ собою.
Та мій хозяину, моя й дружно!
Та хто-жъ моимъ сыриточкамъ буде порядокъ давать?
Та будутъ вони ходыть, та будутъ вони пытать.
Та будутъ вони свого батенька шукать.
Да видкиль тебе, мій хозяине, въ гостонькы дожыдать?
Чы къ риздву, чы къ велькодню въ гостонькы выглядать,
Чы къ святій недилонци?
Та къ риздву снигамы позамита,
А къ велькодню—водамы порозлыва,
А къ святій недилонци травами позароста.
Та буду-жъ, моя дружночко, ранесенько вставать,
Соловеечкивъ пытать:
Та вы-жъ высоко литаєте, багато выдаєте.
Колы-жъ мени, моя дружно, до тебе на порядочокъ прыходыть?

Та чужи люде жывуть, та чужи люды одражуються,
А я щей не нажылась, щей не наговорила.

53.

Мій хазяине, моя дружино!
На що ты на мене розгнивывсь?
На що ты тихъ дитокъ посиротывь?
У ихъ же нема ни хаточки,
Нема ни правдочки!
До кого-жъ вони будуть исходиться?
Хто ихъ буде поважати и поражати?
Хто имъ буде наставленіе давати?
Колы-жъ мы тебе будемъ, мій хазяине, у гостоньки ждати?
Чы тебе къ риздву, чы къ велькодню?
Чы тебе къ святій недилі?
Чы тебе къ Мыколи?—
Та мабуть николи!
Якои ты, мій хазяине, хаточки забажавъ:
Рубленои, новои, смутнои,
Темнои, невыднои!
Шо въ ій не дверичокъ,
Шо въ ій ни виконечокъ.
Ни сонечко не вгріе,
Ни витерь не повіе.

54.

Чоловиче мій! родыно моя!
Чоловиче мій, дружино моя!
Куды ты убираешься?
Куды ты одряжаешься?
У яку ты стороньку
Понесешъ свою головьку?
Кому ты дитокъ поручаешъ,
Кому ты ихъ уручаешъ?
Хто ихъ буде годувати
Хто ихъ буде доглядати?—
Видкиль тебе выгладати?
И дорожечкы тоби прочыщати?
Чы къ риздву, чы къ велькодню,
Чы къ святій недилі?
Къ риздву снігамы позамитае,

А къ велькодню водамы позалывае,
А къ святій недилонци травамы по-
заростае.
Та прылеты-жъ до мене въ гости,
Та сядь на оконечку
Та ты-жъ будешъ буркутаты,
А я буду куваты.
А ты будешъ мене пытаты.
Якъ мени въ свити прожывати
И яки тоби гостынчыкы пересылать?
Передамъ я булочку—защвите,
Передамъ я яблучко—зогниє.
Передамъ я бублыкъ—закотытця,
Та такы тоби не дойдетця.

55.

Мій чоловіче, мій голубе!
Якъ мени жыть, якъ мени горювать?
И якъ мени тихъ дитокъ воспытать?
Чы мени въ строки наймать,
Чы мени въ годы наймать?
И моя диточки, моя сыриточки
Хто-жъ васъ буде годувать,
И хто вамъ буде порядочокъ давать?
И хто васъ буде воспытать
И хто надъ вами батькувать?
Та у васъ же, моя диточки,

Нема ни ридныхъ дядькивъ, ни
бративъ.
Та у мене теперъ, мои диточки,
Ни дружыночки, ни родыночки
Та вы теперъ, мои диточки, мали-
сенькы
Та васъ теперъ ниhto и не бачыть.
Чы вы голи, чы вы голодни,
Чы вы холодни.
А якъ же поростете,
То всяке васъ и бачытеме.

56.

Моя й дружыно, моя й половино!
Та я за тобою жыла,
Якъ макивочка цвила!
Я за тобою жыла—
Не панувала, а горювала.
Та моя й дружыно, моя й половино!
Та кому-жъ ты мене й покидаешъ,
Кому-жъ мене й уручаешъ?
Та й порадь мене, моя дружыно, якъ мени зъ сими диточкамы жыть?
Якъ мени зъ сими диточкамы горювать?
Якъ важкый каминь пиднимать?
Шо въ мене ничего ни исты, ничего ни пыты,
Нивчимъ, моя дружыно, диточкамъ и ходыть!
Моя й дружыно, моя й половино!
Та порадь мене: чы мени зъ диточкамы дома сыдять?
Чы мени за другого йты?
Та я пиду за другого, то я соби хазяина найду,
А диткамъ батенька не найду,
А хочъ и найду, то й не такого,
Якъ батинка ридненького.

57.

Хазяине мій, хазяине дорогой!
Якъ мени безъ тебе прывыкать,
Якъ мени ти диточки воспытать?
Шо я остаюся на чужыни, якъ быльнонька на пожари!
И я свои диточки роспущу, то я йихъ до вику не зберу!

Я йихъ не воспытаю, нигде йихъ не найду.
Мои диточки, мои сыриточки!
Прыбувайте мои диточки свого батенька ховать.
Та я-жъ буду вашого батенька пытать:
Якъ мени въ свити васъ воспытать?
Чы васъ мени людямъ оддать?
Людямъ оддамъ, то вы будете плакать та рыдать,
И свого батенька вспомянать:
Якъ намъ горько въ свити жыть и людямъ годыть.
Наша маты старесенька
Та вона насъ не воспыта,
Та вона насъ не одягне.
Та мы-жъ розійдемося по свитамъ та по великимъ степамъ.
Та будуть насъ звіри лякать,
Та наши кости ростягать
Та будемъ мы помирать и свого батенька гадать.

58.

Чоловиче мій, моя й правда!
Якъ мени съ тими дитьми жыть,
Якъ мени ихъ воспытать?
Чы мени ихъ коло себе держать,
Чы мени ихъ на людей роздавать?

Чужи хозяины орють и сіють и
распоряжаються,
А я куды повернусь—ни що въ мене
не роблене.
Хожу, прошу, та ништо мени помо-
чи не дасть,
Не порадыть.

59.

Мій чоловиче, мій голубчыку!
Якъ мени безъ тебе жыть? Якъ мени прывыкать?
И куды мени свою головоньку прыхылять?
И скажы мени, моя дружыно, кому ты сихъ сыритъ уручывъ?
Мои сыроты безпріютніи, мои сыроты беззащитніи!
Та вы-жъ на чужій сторонци.
Та никому васъ прыютыть,
Та ни до кого и головонькы прыхылыть.
Та пидете вы до дядька—то дядько й не дывыться,
Пидете до титкы—то титка й одвернется.
Та й прыймай и насъ до себе,
И прыгортай насъ до себе!
Шобъ мы не жылы и не горювали.

60.

Мій сыночку! мій голубчыку,
Мій сыночку, моя й дытыночко!

Моя дытыночко, моя й щыпочко!
Моя щыпочка одщепнулася.

Мое яблучко одкотылося.
Мое й зернычко дежъ тебе шукать,
Дежъ тебе й пытать?
Моя й макивка!
Моя й макивка осыпалася.
Якъ ты зацвила та й не надовго
Моя й дытыночко, моя й родыночко!
Якъ мени тебе забувать
И якъ мени безъ тебе прывыкать?
Та я-жъ куды не пиду,
То я-жъ тебе не найду.
И дежъ тебе посадыть,
Де тебе прыщепыть,

Щобъ до тебе на пораду ходыть?
Моя дытыно, моя родыно!
Та я-жъ тебе доглядала,
Та я тебе годувала
Та я дилечка не доробляла,
А ночи не досыпляла
Та все тебе доглядала.
Теперьъ хто мене буде раненько
будыть?
Хто мени буде дилечко перебувать?
Та я лежатыму якъ колода въ лиси,
Объ мене ни хто й не зачепыться.

61.

Мій сыночку, мій князю!
На що-жъ ты мене покынувъ?
Моя матинко, колы-жъ ты прыбувала,
Та одъ мене сыночка перемовляла?
Та стричайте мого сыночка,
Та пробирайте ёму мистечко бия себе.
Та доглядайте-жъ мого сыночка,
Такъ якъ я доглядала.
Та колы-жъ тебе, мій сыночку, дожыдать у гости?
Чы къ риздву, чы къ велькодню?
Що къ риздву снigy забилилы
А къ велькодню воды позалывають,
А къ святій недилонци стежечкы позаростають.
Та дожыдать же тебе, сыночку, къ Мыколи,
Та не прыйдешъ ты николы.

62.

Мій сыночку, мій соловеечку!
Мій сыночку, мій риднисенькій!
Мій сыночку, мій дрибнисенькій!
Мій сыночку, мій роботнычку,
Мій сыночку, мій косарыку,
Мій сыночку, мій выноградочку,
Мій сыночку, мій князе!
Я-жъ не думала, що ты будешъ
такою смутной,
Невеселон хаты бажаты.
Сонечко не зогріе,

Буйный витерь не завіе.
И сыночку, моя дытыно!
Устань, подывысь:
Яке весилля ты наробывъ,
Смутне, не веселе.
Подывысь сколько роду зійшлося
Чомъ же ты до ихъ и словечка
не промовышь?
Мій пастушокъ! кого жъ я буду
уоставать,
Та рано будыть.

63.

Сыну мій, князю дорогой!
Сыну мій, здоровья мое!
Та люды дожыдають синивъ та невестокъ,
А я тебе не дождала оженить и одружить.
Невесткы мои неубираны,
Невесткы мои несподиваны!
Сыну мій, князю дорогой!
Шо я тебе дождала женить, якъ и люде
Та я й не дождала.

64.

Мій сыночку, мій солонечку!
Мій сыночку, моя й канареечка,
Мій сыночку, моя переминочка!
Мій сыночку, мій косарычку,
Мій сыночку, мій молотнычку,
Мій сыночку, мій роботнычку!
Та я-жъ тебе, мій сыночку, кохала,
Та я-жъ тебе дожыдала.
Та я-жъ, мій сыночку, и дня, ночи не спала
Все тебе колыхала.
Та я-жъ тоби, мій сыночку, не давала и плакать.
Та я-жъ думала, мій сыночку, що ты мене переминятымешъ,
Та я-жъ думала, мій сыночку, що ты мене доглядатымешъ.
И хлибомъ годуватымешъ.
А теперь хто-жъ мене буде доглядать,
Хто-жъ мене буде хлибомъ годувать?
Кимъ же я буду, мій сыночку, теперь замышлять?
Та чужи косарыкы зъ поля до дому йтумуть,
А я свого косарыка буду дожыдать;
Та не знатому видкиль его выгладать:
Чы зъ сынёго моря,
Чы зъ чыстого поля?
Мои диточки, мои риднесенькы,
Мои диточки, мои малесенькы!
Ой, колы-жъ я тебе дождусь?
Чого-жъ ты, мій сыночку, лежышь?
Чого ты не встаешъ, чомъ ты до своей матинкы не говоришь?
Мои сыны, мои соловейкы,
Мои сыны, мои й маленькы!

Та якого-жъ я вамъ гостыньця передамъ?
Покочу я яблучко—зогниє,
Покочу булочку—зацвите.
Покочу бублычокъ—не докотыться
И до твого серденька не прыгорнетъся.

65.

Мій сыночку, моя й дытыночко,
Та куды ты убираешься?
На що-жъ ты мене кыдаешъ?
Колы-жъ я тебе въ госточки дижду:
Чы на риздво, чы на велькдень,
Чы на святу недилоньку?
Къ риздву снігомъ замете,
А къ велькодню водою залєе,
А къ святій недилоньци травцею
заросте.
Та заберитъся за ручечки

Та прыйдить до насъ у госточки
То мы будемъ столы застылатъ
И дворы вымитать,
Та своихъ сыночкивъ у госточки
ждать.
И мои сыны, и мои орлы!
И куды-жъ вы поленулы?
У яку вы крайноньку полынулы?
Та одъ васъ ни письма не перечуешъ,
И словесности не перекажешъ.

66.

Мій сыночку, моя й дытыночко!
На що-жъ ты мене, сыночку, моя дытыночко, покынувъ?
Та чужи люды на Таврію высилають,
Та радуютьсѧ.
А я тебе, мій сыночку, ни видкиль не перечую и не побачу.
Та пиду я, мій сыночку, улыцѧмы,
Граютьсѧ чужи диточки купочкамы,
А тебе, моя дытыно, я дывлюсь въ кажній купочци,
Тай не побачу.
Та до кого-жъ я буду говорыть?
Що стина нима,
А тебе, моя дытыно, нема.

67.

Мій сыночку, моя й дытыно риднисенька!
Я тебе такъ дожыдала,
Якъ диты дожыдають червоного яечка.
А теперъ, моя дытыночко, ты вже мене покыдаешъ.
Я й служыла и людамъ годыла,
И людамъ добрымъ, и панамъ,
И всимъ багатимъ хазяинамъ.
И колы, мои диточки, васъ у гостонькы дожыдать,

И колы мени кубочки сповнять,
И колы мени столы застылатъ?
И колы мени васъ у гостонькы дожыдать?
Чы васъ окъ риздву, чы къ велькодню,
Чы къ святій недилонци?
Къ риздву стежечкы, дорожечкы снигама позамитають,
А къ велькодню водама позалывають,
А къ святій недилонци стежечкы травама позаростають.

68.

Мій сыночку, моя дытыно!
Мій сыночку, мій голубчыку!
Якъ мени жыть? Якъ горювать?
Якъ мени безъ тебе прывыкать?
Якъ мени тебе забувать?
Куды я тебе, мій сыночку, выряжаю?
Чы въ поле орать?
Чы пидъ фуру грошей зароблять?
И колы мени, мій сыночку, тебе въ
гости дожыдать?
Чы меникъ риздву, чы къ велькодню,

Чы къ святій недили?
Шо къ рожеству снigy позамитають,
А къ велькодню воды позалывають,
А къ святій недили травы поза-
растають.

Видкиль мени тебе выгладать?
Чы зъ зеленого гаю?
Чы зъ далекого краю?
Чы зъ высокои могылы,
Чы зъ далекои украины?

69.

Сыну мій голубе, сыну мій соколе,
Куды ты вбираешся одъ мене?
У яку ты дороженьку выряжаешся?
Де ты соби слободы обибравъ,
На якій Украини?
Сыну мій, голубчыку!
Мои-жь погоньчи непрохани,

Мои плугатыри не наймани.
Мои косари, мои гребци
На що-жь вы мене кыдаете?
Сыну мій, паньчу,
Сыну мій, правдо моя!
Колы-жь до мене въ гостонькы бу-
дешъ прыбувать?

70.

Сыну мій, голубе мій,
Пастуше ненайманий,
Погоньчу непроханий!
Люде въ москали отдають,
Та писемъ ждуть,

Та поклонивъ.
А я вже одъ тебе
Ни письма, ни поклона,
Ни прыятного слова.

71.

Мій сыночку, мій голубчыку!
Мій молотныку, мій косарыку!
И мій копилныку и мій кыдальныку
И мій плугатырю!
И дежь мени такого хозяина шукать,

И колы мени ёго дожыдать?
Та людьски диты у москали идуць
Тай письма и поклонъ передають,
А ты-жъ, моя дытыно, ни поклона не передасы,
Ни письма не перешлешъ!
Видкиль мени тебе выглядать,
Видкиля тебе вызырать?
И колы мени тебе у гости дожыждать?
Чы зъ глыбокои могылы,
Чы зъ далекои Украйны?
Чы зъ темного гаю,
Чы зъ далекого краю?

72.

Сыну мій, моя дытыночко!
Сыну мій, моя Омелыночко!
Сыну мій, моя былыночко!
Сыну мій, охвыцерочко,
Сыну мій, кавалерочку!
И сыну мій, заслуженнычку,
Сыну мій, страдальнычку!
И куды-жъ ты наряжаешься?
И куды ты вбираешься?
И кому ты своихъ диточокъ поки-
даешъ?
Чы ты дядечкамъ,
Чы ты бабуси старесенькій?
И кому ты ихъ поручаешь,

И кому ты ихъ вручаешь?
Куды-жъ вы, мои диточки, поплы-
нете,
И куды-жъ вы поплывете?
И въ яку стороночку
Понесешъ свою головочку?
Видкиль тебе выглядаты?
Видкиль тебе вызыраты?
Чы зъ горы, чы зъ долины,
Чы зъ чорной могылы?
Та вы-жъ, мои диточки, роскоты-
лыся,
Якъ горохъ пры дорози!

73.

Мои диточки, мои голубьятка!
Мои диточки, мои ангеляточка!
На шо-жъ вы мене покинули?
На що-жъ вы таки манисеньки одризняетесь одъ мене.
Та вы-жъ, мои диточки, на свити не жылы,
Та вы-жъ ничего не бачылы.
Сей, мои диточки, свить, якъ рóжевий цвить,
А вы покидаете мене.
Та хто-жъ, мои диточки, буде мене доглядать,
Та хто-жъ мене буде хлибомъ годувать?
Мои диточки, мои голубьяточка!
Та люды дожыдають празныка,

Та чужи диточки повыходять
 Та будуть гулять на празныкы,
 А я, моя дытыночко, ходытому й шукатыму
 Та не найду тебе.

74.

Моя донечко, моя й правдочко!
 Моя донечко, моя й вышенько,
 Моя щепочко, моя й родыночко,
 Моя й дытыночко.
 И чого-жъ, моя дытыночко,

Одъ мене отдаляешся?
 Чого ты на мене такъ розгни-
 валась?
 Приймай и мене до себе,
 Щобъ я не горювала и не ски-
 талась.

75.

Моя дытыночко, моя голубочко!
 Моя й швачечко, моя й прящечко,
 Моя й прачечко!
 Кто-жъ теперь буде на ополонку
 ходыть
 И биллячко мыть?
 Моя й дочечко, моя й коханочко,
 Моя дочечко, моя й паняночко!
 И кого-жъ я теперь буду кохаты?
 Кимъ я буду втишатись
 Якъ тобою втишалась?

Та зузули-жъ куватымутъ,
 А соловейкы щебетатымутъ.
 А я выйду водыци браты,
 Та зузуленькы пытаты:
 Ты, зузуленько, моя й голубонько
 Чы ты не бачыла моеи дочечкы?
 Чы не йшла, чы не йхала
 До мене въ гостонькы?
 Та дивчата-жъ гуляють,
 И писенькы спивають,
 А моеи дочечкы немає.....

76.

Моя дочко, моя голубочко!
 Моя дочко, моя коханочко!
 Моя швачко, моя й прачко!
 Моя искальнице, моя й вымитальнице!
 Моя й помишнице!
 Колы-жъ ты до мене прыбудешъ у гости?
 Колы-жъ мы побачымось, колы-жъ мы порадымось?
 Якъ бы жъ я знала, ябъ тоби виконечка и дверечка одчыняла.
 И стежечку промитала
 Моя дочко, моя павочко!
 Моя дочко, моя зузуле!
 Яку ты мени звистку подаватымешъ?
 Чы ты куватымешъ, чы ты щебетатымешъ?
 Чы тебе выгладать съ поля,
 Чы тебе зъ моря?
 Чы зъ високои могылы,
 Чы зъ далекои Украины.

77.

Моя дочечко, моя княгынечко,
Та якого-жъ ты собі князя обибрала?
Такого тайного що й мени не объявила?
Встричайте, мои родытели, мою донечку
И пробирайте йій мистечко биля себе
И доглядайте такъ якъ я доглядала.
Дежъ тїи витры набралися що вышеньку зломылы?
И дежъ воны набралися що на вышенькы лысточкы обылы?
Моя й донечко, моя й княгынечко,
Моя й швачко, моя й пряхо,
Моя помитушко, моя й помазушко!

78.

Моя дытыно, моя княгыне!
Я тебе не ождала
Такъ рано одружыты.
Чужи матери дожыдають
Та весело дружать,
А мени нема некоторой отрады.
Чужи матери празныка дожы-
дають,

Та въ гости дожыдають,
А я празныка ждатыму,
Та тебе выгядатыму.
Та й ты не прыйдешъ ни водамы,
Ни горама,
Ни помежъ долынама,
Ни помежъ моголама.

79.

Моя й дочко, моя й княгынечко!
Якъ мени тебе забувать,
И видкиля мени тебе выгядать?
Що до людей идуть съ скрыняма та съ перынама,
А до мене йдуть съ хрестамы та съ корогвама.
Моя й дочко, моя й княгынечко!
Моя й дочко, моя й павочко!
Та люде выпроважають дочокъ зъ дружкама, та съ буярама,
А я васъ тилькы все выпровожаю съ хрестамы, та съ корогвама.
Шо я, моя дытыно, на чужій чужыни,
Якъ былына на пожари
И куды ты, моя дытыно, выряжаешься?
Що то за хаточка смутна та невесела?
Шо въ ту-жъ хаточку ни сонечко не прегрїе,
Ни витерь не повїе;
Шо въ ту-жъ хаточку и сонечко не вскоче
И въ ту хаточку и дощыкъ не промоче.

80.

Дочко-жъ моя, моя голубочко!
Дочко-жъ моя швачечко,
Дочко-жъ коя коханочко!
На що-жъ ты мене кыдаешъ
Таку нещасну?
Хто-жъ мене буде доглядать?
Якъ мени тебе забувать?
И дочко-жъ моя, княгыне!
Дежъ ты собо такого князя найшла
Що ты мене не звицала?
Чужи матери прыбираються окъ
свадьби,
А я сїи свадьбы не ждала и не
прыбиралася.

На що-жъ ты мени таку смутну
свадьбу зробыла?
И на що-жъ ты соби такой хаточки
забажала?
Се-жъ хаточка смутна, невесела
И се хаточка темна и невыдна,
У неї ня витерь не завіе,
Ни сонце не прегріе.
Дочко-жъ моя коханочко,
Дочко моя паняночко!
Колы жъ мени тебе въ гости до-
ждывать?
И колы мени ти столы застылатъ
И кубочки наповнять,
А тебе въ гостонькы дожывать?

81.

Моя дочко, моя паняночко!
Моя дочко, моя й коханочко!
Моя дочко, моя й мищаночко!
Моя дочко, моя й пряшечко,
Моя дочко, моя й швачечко,
Моя дочко, моя й переминочко!

Хто-жъ мени буде прать
Хто-жъ мени буде головоньку
ськать?
Та чужи матери дочки ддають
та веселятьця,
А я-жъ тебе ддаю та мени смутно
й не весело!

82.

Моя й дочечко! моя й квиточко!
Моя й дочечко, моя й швачечко!
Моя й дочечко, моя й пряшечко!
И хто-жъ мени буде вышивать?
И хто мени буде чужи скрыни на-
повнять?
И хто мени буде чужи миткы от-
прядать?
Моя дытыно! моя й родыно!
Моя дочечко! моя й макивко!
Моя дочечко! моя й ластивко!
Моя дочечко! моя й голубочко!
Моя й дочечко! моя й зозулечко!
Та зузули будуть кувать,

Соловейкы будутъ щебетать;
А я буду раненько вставать
Та буду зузуль пытать:
Вы зузули сывенькы!
Соловейкы маленькы!
Та вы далеко литаєте
Та вы багато выдаєте.
Чы вы не чулы, чы вы не бачылы
Моеи дочечкы?
Моя й дочечко, моя й ягидо!
Моя й дочечко, моя й малесенька!
Моя й ягидо червонесенька!
Мое голубя, мое й соколя!

83.

Моя й дочко! моя й нещаснычка!
Моя й дочко, моя й горювальнычка!

Моя й дочко, моя й переминочко!
Моя дочко, моя швачка, моя й прачка!

Хто-жъ мени буде теперъ, моя ды-
тыно, прать,
Хто мене буде й переминять,
Такъ якъ ты переминяла?

Кимъ я теперъ буду замышлять,
Кимъ я буду те дилечко заставлять,
Якъ тобою заставляла?

84.

Брате мій, орле! брате мій, соколе!
Куды-жъ ты полынешъ и куды-жъ
ты поплывешъ?
Чы ты темнымы лугама,
Чы ты бестрымы ¹⁾ ричкамы?
И мій братику, мій голубоньку,
И мій братику, мій зозуленьку!
Видкиля тебе выглядать
И видкиля тебе вызырать?

Якъ бы жъ я знала колы ты до
мене въ гости прыбудешъ,
То я-бъ дороженькы промитала,
То я-бъ и столы застылала,
И свичи посвитыла и кубочки по-
сповняла
И я-бъ тебе, мій братику, въ гости
дожыдала,
Я-бъ и сусидонькы посзывала
И я-бъ тебе, мій братику, и день и
ничъ шанувала.

85.

Мій братику, мій риднесенькый!
На кого ты розгнивывся, на кого ты розсердывся?
Чы на свого батенька ридненького,
Чы на свою матинку стареньку?
И прошу я васъ нызькымъ поклономъ, прыятнимъ словомъ:
Сберитесь до купочки и заберитесь за ручечкы
И прыходьте до насъ у гостонькы;
А мы будемъ воритенька одчынять
И дворы вымитать и столы застылатъ;
И будемо васъ, мои братику, въ гости выглядать.
Чы васъ окъ риздву, чы васъ окъ велькодню,
Чы къ святій недилонци?
Що къ риздву снигама позамита,
А къ велькодню водыцею позалыва,
А къ святій недилонци травыцею позароста.
Не идить полемъ, бо нижкы поколете,
Та не идить водыцею, бо потонете,
Та не идить лугама, бо поблудете,
А идить стежечкама, та бытымы шляхама,
Та до насъ и въ гостонькы прыбудете.
Та скажите намъ зъ якого васъ краю выглядать,
Та зъ якого васъ и вызырать?

¹⁾ Sic.

Чы вась зь поля, чы зь глыбокого моря?
Чы зь зеленого гаю, чы зь далекого краю?
Чы зь високои могылы, чы зь глыбокои долины?

86.

Сестрыце-жъ моя голубочко,
На що-жъ ты диточки покидала
Кому ты ихъ определилыла?
Чы ты батенькови определилыла,
Чы ты братикамъ,

Чы ты сестрыци свой найменьшой?
Диточки-жъ мои голубеняточка
Та зачыняйте дверечка,
Та й зачыняйте виконечка
Та не пускайте своей матинкы рид-
ненькой.

87.

Моя й сестрычко, моя й голубочко,
Моя й сестрычко, моя й малисинька,
Та моя й швачко, та моя й пряхо!
Хто мене буде обшывать,
Хто мене буде опрядать?
Хто мене буде й розвеселять?

Та куды ты вбираешся,
Куды ты выражаешся?
Та хто тоби буде тамъ постели
стлатъ,
Хто тоби пыть буде подавать?

88.

Моя бабуся! моя старесенька,
Моя бабуся, моя й риднесенька!
Хто-жъ насъ буде доглядать,
Хто намъ буде исты варыть?
Та мы матери не дожыдаемъ:

Шо маты по степамъ ходыть,
А мы до бабуси хылемось.
А теперь де мы будемъ шукать,
Де мы будемъ пытать?
Видкиля васъ будемъ, моя бабуся,
выглядать.

89.

Моя титусю, моя риднесенька!
Передайте моимъ родытелямъ по-
клонъ.
Кланяюсь имъ нызькимъ покло-
номъ,
Прыятнимъ словомъ.

Нехай и по мене нещасныцю не
обаряють.
Воны-жъ думаютъ, що мени тутечка
добре жыть.
Воны думаютъ, що я медъ, вино пью,
А я, титусечко, гирки слёзы лью.

90.

Моя ятровочко, моя й голубочко!
На кого ты тихъ диточокъ покидала?
Хто-жъ ихъ буде доглядать?
Та ихъ буде по пидъ чужыми тынамы,
Та пидъ чужыми дворами.
Та ихъ будутъ чужи диты попыхать,
Та на ихъ будутъ прызвищи прыкладать:
Що сыроты пузати, сыроты й головати.
Сыроты побагато йидать, а ничего не роблять.

Прыймай и мене до себе!
Ты знаешъ, яке въ ихъ горе жыть,
Шо я буду зъ тими дитьмы робыть?
Та ихъ треба обшыть, треба й облатать,
Треба й обипрать.
Треба й обчесать, треба й обмывать.
А вы знаете, шо мени-жъ перемины
Нема ніякои!
Та воны будуть ходыть,
Та будуть заглядать,
Та будуть соби матинкы шукать;
А ихъ будуть чужи диты поыхать.
Та воны малисинькы,
Та воны дрибнисинькы,
Та воны неспособнисенькы.

91.

Моя кумасю, моя голубочко,
Моя сусидо дорога!
Та кому-жъ ты тихъ диточокъ
уручыла
Малисинькихъ и дрибнисинькихъ?
Хто за ими буде клопотаты?
Хто ихъ буде опирать,
Хто ихъ буде обмывать,
И хто имъ буде головочки об-
скавать?

Моя й сусидочко, моя й голубочко
Прыймай своихъ диточокъ до себе.
Щобъ воны не горювалы, щобъ ихъ
не поыхалы
Щобъ чужи люды рукъ не потералы.
Буде насъ, матинко, по горахъ и по
долынахъ
И по чужихъ украинахъ.

92.

Моя сусидо, моя й голубочко!
Та я съ тобою ни былась, ни лаялась.
Мы съ тобою ни бьемось, ни лаемось,
А зійдемось, та порадымось.
Куды ты выбираешься,
Куды ты выряжаешься?

Та на кого ты своихъ дитей ны-
даешъ?
Та кому ты ихъ уручаешъ?
Чы ты дядькамъ, чы ты титкамъ,
Чы ты братикамъ, чы ты сестры-
цямъ?
У титкы свои диткы
Та не прыймутъ сыриткы.

93.

Мои сусидонькы, мои голубонькы!
Мои сусидонькы близкесенькы и вирнесенькы!
Та сусидонька близенька,
Якъ матинка ридненька!
Та вона й увиходыть, вона й одвидуе,

Та й поражае и головоньку розважае.
Мои й сусидонькы, мои й голубонькы!
Та кланяйтеся моему й батенькови та мойй матинци
Нызькимъ поклономъ, покорнымъ словомъ:
Нехай не обаряютця и за мною
Нехай забирають и насъ, сыритъ нещасныхъ, изъ собою.
Шобъ намы чужи батенькы та матинкы и рукъ не потырали
И длечка не замышлялы.
Та який я вамъ, сусидонькы, гостынчыкъ передамъ
Чы я вамъ булочку, чы я яблучко?
Та булочка засохне, та й не докотытця,
А яблучко зогніе,—
Та мій гостынчыкъ до васъ и не дойдетця.

94.

Та моя й сусидо, моя й близесенька!
Та хто насъ доглядатыме?
Хто-жъ мене, нещасныцю, пры лыхій годыни пытатыме?
Нема й риднійшого, нема й кращищого якъ сусида близька!
Вона жъ мене одвидае, вона й роспыта.
Ой Боже, Боже! яка моя жызнъ тяжка!
Якъ прыйде сусидочка въ хату,—
Краще нижъ ридна маты.
Вона-жъ мене роспытае якъ важко въ свити жыты,
Вона-жъ мени хлиба й солы—та все-жъ вона буде носыты.
Ой, йижъ же йижъ, сусидонько, ой йижъ не журыся.
Чому-жъ мени не журытця:
Була така сусидонька—треба роставатця.
